

И. Пономарев

СУДЬБЫ ГЕРОЕВ

И. Пономарев

СУДЬБЫ ГЕРОЕВ

*Записки журналиста о поисках матросов
крейсера „Варяг“ и броненосца „Потемкин“*

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

Член Союза журналистов СССР полковник Пономарев Иван Ильич известен широкому кругу читателей как автор книг «Герои «Варяга» и «Герои «Потемкина», написанных им по воспоминаниям матросов этих прославленных русских кораблей и архивным документам.

Определенный интерес представляют поиски героев, проводившиеся автором в течение десяти лет. Читатели в своих письмах высказывали пожелания, чтобы автор рассказал о поисках героев «Варяга» и «Потемкина» и их судьбах. Автор, выполняя просьбу читателей, переработал книги и дополнил новыми данными, полученными им после их выхода.

И. И. Пономарев, работая в жанре документального очерка, принадлежит к плеяде литераторов, которые открывают народу неизвестные страницы героического прошлого нашей Родины и находят самих героев — участников событий. Настойчивый искатель документов и реликвий славы русского народа, он в 1956 году, в поисках героев среди советских военных моряков, переехал из Москвы в Мурманск, где написал книгу-очерк «Подвиг североморцев», вышедшую из печати в 1960 году.

Иван Ильич Пономарев — воспитанник Ленинского комсомола, член КПСС с 1928 года.

Настоящую книгу автор посвятил XXII съезду КПСС.

ГЕРОИ „ВАРЯГА“

*Врагу не сдается наш гордый
«Варяг»,
Пощады никто не желает.
(Из народной песни).*

Встреча в Славуте

Была весна 1944 года. Фронт стремительно уходил все дальше и дальше на запад. Позади остались Коростень и Житомир, Новоград-Волынский и Шепетовка. Войска Первого Украинского фронта уже освободили от немецко-фашистских оккупантов Славуту и Кременец. Фронтальная дорога приближалась к Бродам.

Славута, как и все города и села на пути наступления советских воинов, радостно встречала своих освободителей. Хозяйки потчевали усталых бойцов яблоками, неведомо как уцелевшими с прошлой осени, молоком, только что испеченным хлебом.

19 апреля я приехал в этот небольшой украинский городок Хмельницкой области, где размещались штаб и политуправление фронта, в качестве специального корреспондента журнала «Военный вестник».

Представился начальнику политического управления генералу С. С. Шатилову, узнал в штабе о положении на фронте. Оказывается, в составе 13-й армии, готовившейся к наступлению на Броды, находится 112-я стрелковая дивизия, в рядах которой я воевал в незабываемые дни героической обороны Сталинграда. Это было приятной новостью. Прошло около года с тех пор, как расстался на Курской дуге с боевыми друзьями, и мне захотелось как можно скорее попасть в родную дивизию.

За делами незаметно подошел вечер. Пора подумать и о ночлеге. Комендант политуправления, к которому я обратился, с готовностью откликнулся на мою просьбу. Мы вышли на улицу. Среди белых мазанок и цветущих садов стояли надежно укрытые ветвистыми деревьями танки, орудия, автомашины. Дымились походные кухни. В парке заиграла гармонь, кто-то

затянул веселую, задорную песню, ее сразу подхватили сильные, молодые голоса. Пройдя немного по улице Мануильского, мы остановились у небольшой белой мазанки, огороженной высоким плетнем. Перед открытыми воротами стояли подводы с боеприпасами. Хозяин хаты, высокий плечистый старик с пушистыми седыми усами, поил лошадей, а хозяйка угощала солдат парным молоком.

— Вот здесь и переночуете, — сказал комендант и распрощался.

— Милости просим до хаты! — радушно пригласил старик. Я вошел в хату. Она состояла из комнаты и маленькой опрятной кухни. Деревянная кровать, сундук, стол и лавка составляли нехитрое убранство комнаты. Старик зажег коптилку и принялся плотно завешивать окна пестрыми домоткаными половиками.

— Каждую ночь налетают, проды! — сказал он ворчливо. Покончив со светомаскировкой, хозяин достал из сундука чистое постельное белье и приветливо предложил:

— Располагайтесь, товарищ подполковник, как дома. Отдых в походе — важное дело.

— Не беспокойтесь, благодарю вас. Я был смущен заботой старика. Но дорога из Киева на попутных машинах изрядно утомила меня, и чертовски хотелось спать.

Сел на кровать. В это время загрохотали зенитки, в оконную завесу полоснули лучи прожектора. Налетели немецкие самолеты. В воздухе заревели моторы наших истребителей, и вскоре вновь наступила тишина.

Хозяин хаты оказался не только гостеприимным, но и любознательным. Он буквально засыпал меня вопросами. О многом спрашивал старик, но больше всего он интересовался положением на фронтах.

— А как воюют моряки? Почему, подумал я, старик интересуется моряками? — Служили на флоте? — А как же, — с гордостью ответил он, — на «Варяге», у самого Всеволода Федоровича Руднева.

— На «Варяге»? — переспросил я. До этого не слышал и не думал, что есть еще в живых моряки с «Варяга». Неужели передо мной матрос с легендарного крейсера?

Выражение лица, по-видимому, выдавало мое сомнение. Старик вышел из комнаты и вскоре возвратился. На его седой голове красовалась бескозырка. На георгиевской ленточке написано золотыми буквами название легендарного корабля — «Варяг».

— Матрос первой статьи с крейсера «Варяг» Войцеховский! — четко отразилось старик.

А. Д. Войцеховский на крейсере «Аврора».

На груди хозяина я увидел георгиевский крест и серебряную медаль. Встав, я невольно протянул руку к ней. На лицевой ее стороне выбиты слова: «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904 г. — Чемульпо», а на обороте — силуэты крейсера и канонерской лодки.

После предъявления стариком таких доказательств сомнение мгновенно исчезло, исчезло и желание ко сну. Стало быть, передо мной — старый русский матрос, участник далеких и славных событий.

— Почему же мы стоим? Сядем! Побеседуем! Не возражаете? — спросил я Войцеховского.

— С большим удовольствием.

Мы сели за стол к коптилке, друг против друга. Я внимательно стал рассматривать старого матроса, хотелось запомнить его лицо, наружность, жесты. Лицо его было хорошо выбрито, волосы аккуратно приглажены, усы завитком. Большие сильные руки держал по швам, когда стоял, или сцеплял их пальцами и держал на коленях, когда сидел.

Матрос с «Варяга»! Какая неожиданная встреча на большой фронтовой дороге. Мне представилась возможность подробно узнать о памятном бое из уст непосредственного участника его. Признаюсь, о бое «Варяга» под Чемульпо знал я только по учебникам русской истории да со слов песен, которые полюбил еще на школьной скамье.

Теперь я начал задавать вопросы.

— Как вас зовут?

— По паспорту — Адольф, но на корабле все звали Антоном. А соседи называют запросто — Демьянычем, хотя отец Доминик.

— И я буду звать вас Демьянычем.

Взволнованный, я достал из планшета тетрадь и карандаш.

— Рассказывайте, Демьяныч, все, что помните о «Варяге», а я записывать буду.

— Пожалуйста. Каждый вечер рассказываю, когда у меня ночуют офицеры. А записывать-то зачем будешь? В газету, поди, думаешь написать?

— Запишу, а потом и бойцам расскажу о подвиге матросов «Варяга».

Свои воспоминания старик начал с того, как «Варяг» ушел в конце декабря 1903 года из Владивостока к корейским берегам.

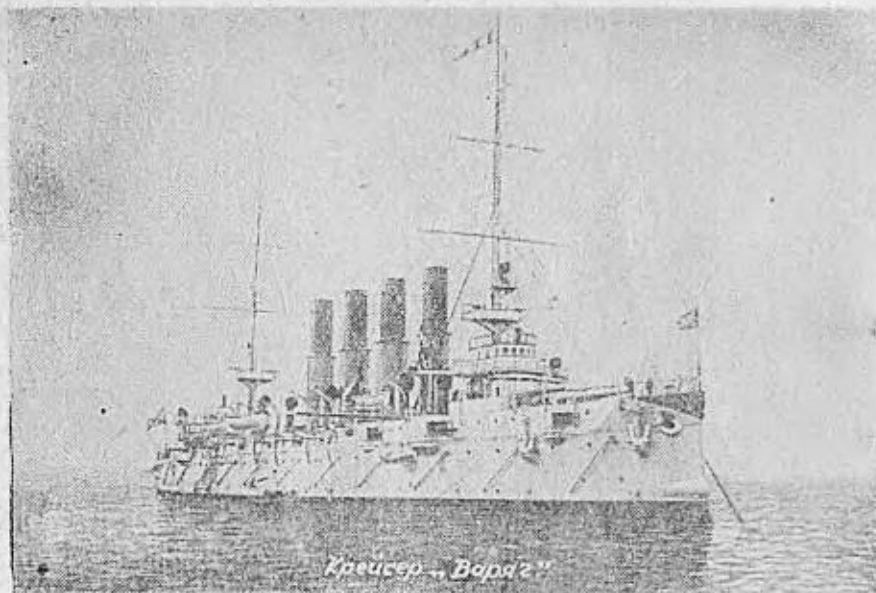
— Ушли спешно. Сказали — в Чемульпо, на охрану посольства. Долго стоять в этом корейском порту не пришлось. Туда пришла японская эскадра, чтобы захватить наш крейсер. Вишь, чего японцы захотели!

Вот что я записал в тот вечер со слов А. Д. Войцеховского.

Командующий японской эскадрой, пришедшей в корейский порт, предложил русскому крейсеру до полудня 27 января 1904 года покинуть порт, в противном случае угрожал открыть огонь по «Варягу».

Командир «Варяга» капитан первого ранга Всеволод Федорович Руднев разгадал замысел японского адмирала — пленить русский крейсер — и стал готовить корабль к бою. И действительно, японская эскадра, заняв выгодную позицию, преградила выход в море крейсеру «Варяг» и находившейся при нем канонерской лодке «Кореец».

С флагманского крейсера сигналом предложили «одаться на

мильность». Русские не стали отвечать на это предложение. Тогда с другого японского крейсера открыли по «Варягу» артиллерийский огонь, затем все четырнадцать японских кораблей начали пальбу. Завязался неравный бой.

Один против четырнадцати! Но никто не струсил на «Варяге», все точно исполняли свои обязанности. Даже раненые не шли в лазарет. Считали, что лучше смерть, чем позорный плен.

Дружно работали артиллеристы. Весь огонь своих батарей они обрушили на крейсер «Асаму». Когда под кормовым мостиком вражеского корабля взвился столб дыма и огня, командир «Варяга» прокричал: «Молодцы!» После похвалы командира матросы усилили огонь, и на «Асаме» замолчали башенные кормовые орудия.

Один из вражеских миноносцев вышел вперед. Видать, хотел пустить в «Варяга» торпеду. Но не успел — сам пошел ко дну. Точно вели по нему огонь наши артиллеристы.

Но досталось и русскому крейсеру. В самом начале боя снаряд попал в верхний мостик, разрушил его, сорвал штурманскую рубку. Убило мичмана Алексея Нирода, писаря Василия Оськина и сигнальщика Гаврила Миронова, ранило подкипера Андрея Шкетника. В его теле доктор обнаружил 28 осколков.

Все бились за честь военно-морского флага, все стояли на боевых постах насмерть.

Все чаще и чаще рвались вблизи «Варяга» снаряды. Вместе с холодными брызгами на палубу обрушивался град раскаленных осколков. Едва навел комендор Григорий Поснов свое ору-

дне на цель, как замертво упал на палубу. Тут же были убиты и остальные номера орудийного расчета.

Осколком ранило в ногу стоявшего неподалеку мичмана Петра Губонина. Стиснув зубы, мичман пополз к орудию, возле которого сразило наповал его лучшего наводчика. Преодолевая боль, Губонин поднялся и дернул за шкерт. Орудие, наведенное еще Посновым, послало снаряд в «Асаму». Мичман, истекая кровью, без сознания упал рядом с Посновым.

Стоявший на подаче снарядов матрос Иван Шутов, несмотря на ранение в левую руку, стал теперь к орудию.

Но вскоре это орудие вышло из строя. Тогда Шутов, не обращая внимания на боль в руке, подобрал мичмана Губонина и снес его на перевязочный пункт. Герой снова возвратился на палубу и стал подбирать тяжелораненых.

Сильную контузию получил минер Василий Бакалов, стоявший на подаче мин. Осколком перебило руку горнисту Ивану Ярославцеву. В обе ноги ранило матроса Максима Третьякова.

Но вот снаряд, разорвавшийся на палубе, вызвал пожар на шканцах. Загорелись ящики с патронами, командирский вельбот. Пламя охватило палубу и надстройки. Над «Варягом» поднялось густое облако дыма. Огонь распространялся. Пришлось на время оставить орудия и тушить пожары.

Бой становился все ожесточеннее. Вражеский снаряд вывел из строя вентиляционную установку, и температура в машинном отделении поднялась до 45 градусов. Люди изнемогали от жары, но продолжали нести вахту.

Пример самоотверженности показал командир крейсера. Осколком снаряда, залетевшего в броневую рубку, его ранило. Лицо Всеволода Федоровича залило кровью, фуражка слетела, он побледнел от потери крови, однако с мостика не ушел.

«Варяг» продолжал держать курс в открытое море. На траверзе острова Иодольми на крейсере перебило трубу, в которой проходили все рулевые приводы с переднего мостика. Управлять крейсером, особенно на сильном течении, стало почти невозможно. Командир решил на время вывести крейсер из зоны огня, возвратиться на рейд, чтобы устранить повреждения и потушить пожары. Дали полный задний ход. Расстояние до кораблей противника уменьшалось, а попадания вражеских снарядов участились.

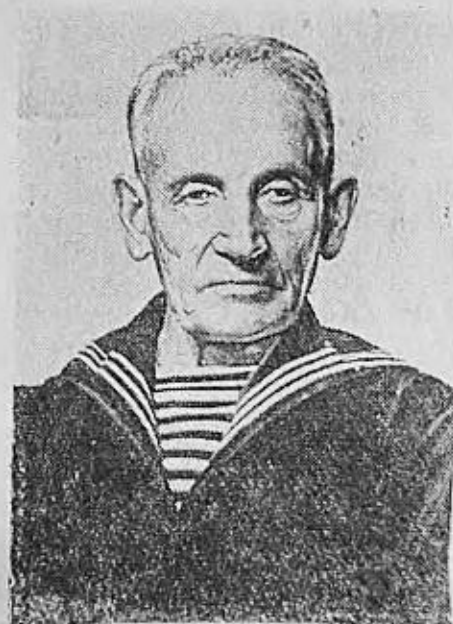
Снаряд большого калибра пробил левый борт. В пробоину хлынула вода. Третьей коцегарке грозило затопление, вода подступала к топкам. Крейсер стал заметно крениться на левый борт, но команда умело боролась за живучесть корабля. Едва успели заделать первую пробоину, как крейсер получил новую. На этот раз снаряд, пробив борт, попал в провизионное отделение, расположенное рядом с лазаретом. Удушливый газ распространился по лазарету. Раненых пришлось спешно перенести в другое помещение.

И. Н. Шутов.

В. Ф. Бакалов.

А. И. Шкетник.

Н. Ф. Ярославцев.

«Варяг» вместе с канонерской лодкой возвращался на рейд Чемульпо израненный, но не побежденный. Его артиллеристы все еще продолжали вести огонь из уцелевших на левом борту и корме орудий.

Гордо реял над крейсером андреевский флаг.

Преследовать «Варяга» до самого входа на рейд решились лишь два японских крейсера — эскадра осталась за островом. Однако и они вскоре повернули обратно. Дело в том, что на рейде стояли военные корабли США, Англии, Франции, Италии и Германии. Японцам нельзя было вести огонь по «Варягу», они могли бы нанести урон и этим кораблям, что не могло бы не вызвать серьезных осложнений.

Став на якорь, команда сразу же приступила к устранению повреждений. А их оказалось много. Крейсер получил четыре подводных пробойны, большинство орудий вышло из строя. Вентиляторы были изрешечены, а верхняя палуба пробита во многих местах.

Руднев поинтересовался:

— Сколько выпущено снарядов?

— Тысяча сто пять, — ответил старший офицер.

Командир потребовал список убитых. В числе их были коммендоры Дмитрий Шарапов, Данил Кочубей, Степан Капралов, матросы Михаил Кабанов, Иван Родионов, Ефим Горбунов, Архип Шевелев, Федор Хохлов, машинист Иван Гребеньщиков... Всех их хорошо знал командир.

— Вечно будет жить о них память в сердцах русского народа, — сказал он печально и сурово.

Помолчав немного, Руднев приказал срочно созвать офицеров в кают-компанию. Там состоялся совет офицеров. Было единодушно решено крейсер потопить, так как о быстром устранении повреждений нечего было и думать.

— Не дать же японцам возможность торжествовать победу над нашим крейсером!

Открыли кингстоны. Подняли сигнал: «Терплю бедствие». На помощь пришли шлюпки со стоявших на рейде французского, итальянского и английского крейсеров. Лишь командир американского корабля «Виксбург» наотрез отказался принять русских матросов.

Наступили трагические минуты. Вода медленно заполняла осиротевший корабль. Сначала погрузилась корма, а затем скрылся в морской пучине весь крейсер. Канонерская лодка была взорвана.

Старик вспомнил подробности возвращения героев-моряков на Родину и торжественных встреч их простыми людьми.

За беседой незаметно наступила ночь. Вскоре стали перекликаться петухи, предвещая рассвет, а старик все рассказывал о друзьях-товарищах.

— О себе расскажите, Демьяныч!

Мне хотелось знать, как вел он себя в бою. И только после настойчивых моих просьб старый матрос кое-что поведал о себе.

Вражеский снаряд разорвался возле орудия, которое наводил Войцеховский. Осколком убило замочного и подносчика снарядов. Войцеховскому поцарапало левый висок. Расчет пополнили. Осколки нового снаряда ранили Демьяныча в грудь. Санитар быстро перевязал ему раны, и он снова стал у орудия.

— Помню, — сказал Войцеховский, — раздался удар огромной силы. Ну, думаю, все кончено. Посмотрел вокруг, но никто не спускает шлюпки. На командирском мостике по-прежнему стоял раненый командир. Увидев Всеволода Федоровича, я вспомнил его слова: «Биться до последней возможности!»

Когда после боя корабль стал на якорь, Войцеховского вызвали к командиру. Руднев своего раненого вестового Чибисова направил в лазарет, и вместо него эту обязанность стал выполнять Демьяныч.

— Где родились? — поинтересовался я. — Как стали моряком?

— Родился в Погорелом, Полонной волости, Житомирского уезда.

— Ходили в школу?

— Учился только одну зиму. Отец больше думал о том, чтобы дети умели ходить за плугом, косить, плотничать...

Погорелое — тихое украинское село. Далеко от него до моря. Не долетает туда морской ветер, не услышать там ни чаек, ни грохота волн. Но и из этого тихого украинского села кое-кто попадал на флот. Дядя Демьяныча, Дмитрий, ушел на флот и дослужился до капитана торгового судна.

С увлечением слушали деревенские парни земляка-капитана, когда тот заезжал в родное село. Не могла не увлечь их морская романтика. Наслушавшись бывалого моряка, ребята стали мечтать о флоте. Первым из них тайком от семьи летом 1896 года бежал в Одессу Адольф. Дядя охотно взял его к себе на корабль. Так и пошел с тех пор бродить по морям и океанам паренек — кряжистый, ловкий, смекалистый.

В каких только портах не побывал молодой матрос из Погорелого. Обжигало его тропическое солнце, до костей леденило суровое Охотское море, видел он цейлонские пальмы и густые туманы на Темзе. Но вот подошло и время призыва в армию. Адольф в 1900 году вернулся в родное село и стал перед комиссией. Его зачислили на флот.

Снова море, снова корабельная жизнь...

Беседа продолжалась бы, но за мной приехали.

— Кончится война, приезжайте к нам в Слауту, непременно приезжайте, — приглашал старик.

На прощание крепко пожал руку старику, хозяйке, пожелал им хорошего здоровья.

Машина тронулась. Наш путь лежал на запад.

Перелистывая газеты давних лет

Долго возил я тетрадь, в которую записал рассказ матроса с «Варяга». Была она во Львове и Перемышле, в Сандомире и Котбусе. Не расставался с нею и в дни жестоких боев на улицах Берлина.

Но вот кончилась война, отгремели победные салюты.

Что же делать с тетрадкой? Конечно, надо писать. Но есть золотое правило: не пиши о том, чего не знаешь. Стало быть, надо изучить обстановку, в которой матросы «Варяга» совершили незабываемый подвиг, ознакомиться с литературой об этом подвиге.

В мае 1946 года получил отпуск. Представлялась возможность поехать на юг, в Сочи. Но я пошел в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина. И не жалею, что свой первый послевоенный отпуск провел в читальных залах библиотеки.

— Что писали о «Варяге» в советской литературе? — с этим вопросом обратился к библиографам.

Мне ответили, что о подвиге «Варяга» художественных произведений нет. Ничего не публиковалось о героическом крейсере и в наших газетах.

Тогда попросил подобрать все, что писалось о «Варяге» в дореволюционное время. Принесли две трехкопеечные брошюры и номер журнала «Морской сборник» за 1904 год. В нем оказалось обстоятельное описание боя командиром крейсера В. Ф. Рудневым.

Все же хотелось узнать о «Варяге» побольше. Не может быть, чтобы газеты тех дней, когда команда «Варяга» возвратилась в Одессу, а затем следовала поездом из Севастополя в Петербург, не писали о героях. Я попросил газеты, которые выходили тогда в Одессе и других городах по пути следования экипажа в Петербург.

Немало газет прочел я за три недели. Почти в каждой из них находил что-то для меня новое о жизни героического экипажа, о памятном бое. Особенно много писали газеты Одессы.

Что же прочел я о «Варяге», перелистывая газеты давних лет, уже пожелтевшие от времени?

В Одессу русских моряков доставили пароходы «Малайя» и «Криме». Первым в Черное море вошел пароход «Малайя», на котором находились старший офицер капитан второго ранга Степанов, мичман Балк, механики Задорин и Спиридонов, врач Храбростин, судовой священник Руднев (однофамилец командира) и 286 нижних чинов.

Пароход держал курс на Одессу. На море бушевал шторм. Судно бросало из стороны в сторону. Но, несмотря на непогоду, большинство матросов стояло на палубе, напряженно всматриваясь в морскую даль.

Родное Черное море! Трудно было сдержать радость, охватившую русских моряков.

Оставалось всего лишь несколько часов пути. В ту ночь никто на «Малайе» не ложился спать.

— Завтра на родную землю ступим, — сообщил Степанов.

— Ну, Митя, тебя кто встретит? — полюбопытствовал кок Яков Бесчетнов у своего друга Орлова.

— Брат на конке служит. Сводобный будет, непременно придет.

Одесса тем временем готовила торжественную встречу героям. Город принял праздничный вид. Вдоль Приморской в два ряда установили белые шесты, украшенные национальными флагами. На площади перед Приморской лестницей соорудили триумфальную арку, украсили ее гирляндами.

Пятница, 19 марта. Погода в тот день выдалась скверная, с моря дул резкий, холодный ветер. Тем не менее, люди рано утром вышли на улицы. Каждому хотелось повидать героев-моряков. Александровский парк, его обрывы, крепость, Николаевский бульвар были запружены народом. Люди взбирались на деревья, на крыши домов.

В Александровский парк прибыла артиллерийская батарея, которая залпами салюта должна была известить о приближении пархода. По обочинам мостовой Пушкинской улицы, от памятника Ришелье до вокзала, на расстоянии трех шагов один от другого выстроились солдаты 1-й пехотной дивизии. В 9 часов 45 минут из порта навстречу «Малайе» вышли пароходы «Святой Николай», «Суворов», «Смелый», «Полезный», «Работник».

В 12 часов 15 минут на «Малайе» заметили дымки.

— Корабли из Одессы! — радостно крикнул Степанов, не отрываясь от бинокля.

Все высыпали на палубу. Загремело «ура». В двенадцати милях от порта к «Малайе» присоединился почетный эскорт.

На «Малайю» с одного из судов высадился начальник порта генерал-майор Перелешин. Он поздравил героев-моряков с возвращением на Родину и вручил им георгиевские кресты. Затем генерал зачитал приветствие азовских моряков:

«Не словами настоящей телеграммы, а трепетом наших сердец приветствуем вас, защитники и герои земли русской. Эта искра пусть вспыхнет в ваших сердцах и рассеет в них тот мрак, что родило в них коварство нечестного врага, и ту тоску, что оставили в них, скрываясь в волнах чужбины, незабвенно родные ваши дети — «Варяг» и «Кореец».

В 12 часов 40 минут со стороны Александровского парка раздался залп, возвестивший о появлении «Малайи». Все стоявшие в порту и на рейде суда украсились флагами расцветивания.

В 15 часов «Малайя» медленно вошла в Карантинную гавань и ошвартовалась.

— Ведите молодцов на родную землю! — распорядился начальник порта.

Матросы с приколотыми на груди «георгиями» пошли по трапу на берег. Капитан 2 ранга Степанов, сошедший первым, взял в руки горсть родной земли и, склонившись, поцеловал ее. Его примеру последовали все моряки.

На пристани произошли трогательные встречи: одни встречали сыновей, другие — братьев, третьи — родственников и знакомых.

Орлов пристально всматривался в толпу, но брата не видел. «Наверное, на работе», — подумал он и, расстроенный, отошел в сторону.

А в это время на Приморской улице кучер Орлов жаловался участковому, что его не пускают на пристань встретить родного брата.

— Пропустить! — пробурчал пристав.

Орлов побежал в порт.

— Жив ли мой брат Дмитрий Алексеевич Орлов? — спросил он, запыхавшись, подбегая к команде.

Кок Бесчетнов, услышав фамилию друга, ответил:

— Да вот он, твой брат.

Последовала команда к маршу. Матросы двинулись в город по Бакалейной. Это было триумфальное шествие русских моряков, какого Одесса никогда не видела. Моряков забросали цветами, их целовали, подхватывали на руки и качали. Ото всюду неслись приветственные возгласы:

— Слава вам, наши родные герои!

На Николаевском бульваре возникли новые овации. Моряков подхватили на руки и понесли над толпой.

На площади у памятника Ришелье собралась городская знать. Здесь предполагалось благословение митрополитом. Но народ, не останавливаясь, пронес героев в город.

В помещении Сабанских казарм нижним чином устроили торжественный обед. Общество офицеров гарнизона принимало морских офицеров в юнкерском училище.

Вечером моряков пригласили в театр. Здесь на черной муровой ленте золотыми буквами было написано: «Приветствуем вас, герои «Варяга» и «Корейца». Слава ваша никогда не умрет».

Через неделю Одесса встречала группу офицеров, прибывших поездом из Марселя, а 6 апреля в порту ошвартовался французский пароход «Криме». На нем с командиром крейсера находилось три офицера и 444 матроса.

Прием дорогих моряков-героев и на этот раз вылился в подлинное торжество. На внешнем рейде их встретил пароход «Смелый», на палубе которого находились жена Руд-

нева — Мария Николаевна и сыновья Николай и Георгий.

Руднев по поводу встречи одел парадный мундир с аксельбантами и погонами с вензелями. На голове была фуражка, прорванная осколками гранаты.

Командиру и матросам тоже в море вручили награды.

Под несмолкаемое «ура» швартовался «Криме». Первым сошел по трапу командир. Увидев ликующую толпу, Всеволод Федорович сказал:

— Это самое важное и дорогое, когда народ одобряет твой поступок.

С прибытием на Родину поздравил его командующий войсками округа. Затем к нему подошла делегация от Тульской губернии.

— Примите же, Всеволод Федорович, искреннее и радостное приветствие от родной земли и благословение от земляков ваших.

Начальник четвертой стрелковой бригады преподнес заключенные в изящную папку ноты марша, сочиненного одним из военных капельмейстеров в честь героев «Варяга».

В тот же день, 6 апреля, на пароходе «Святой Николай» моряки из Одессы отбыли в Севастополь. В море героев встретили два миноносца и два катера с делегацией от Черноморского флота.

Вскоре появился и город русской морской славы. При входе в бухту броненосец «Ростислав» салютовал залпами своих орудий. Над бухтой прокатилось мощное матросское «ура».

Графская пристань утопала в зелени и флагах. Народу собралось видимо-невидимо. Главный командир Черноморского флота поздравил героев с блестящим подвигом.

— Вы, — сказал он, — как истинно русские моряки удивили мир своей беззаветной храбростью, защищая честь России и андреевского флага, готовые скорее умереть, чем сдать врагу судно. Здесь, — он показал на Малахов курган, — каждый клочок земли обгажен русской кровью. Здесь находится памятник Нахимову. У памятника русским героям я вам низко кланяюсь.

От Севастополя морякам-героям преподнесли адрес в раме из дуба, специально добытого водолазами с затопленного в Крымскую кампанию корабля «Чесма».

Герои Чемульпо церемониальным маршем прошли мимо памятника адмиралу Нахимову.

10 апреля черноморцы проводили дорогих гостей. Герои боя под Чемульпо специальным поездом выехали в столицу России. В Симферополе и Мелитополе, в Харькове и Белгороде, в Курске и Орле, на всех станциях и полустанках выходил народ.

В Тулу поезд прибыл ночью, в 2 часа 30 минут. Несмотря на поздний час, туляки вышли приветствовать своих земляков.

Они преподнесли В. Ф. Рудневу хлеб-соль на золоченом блюде и модель скорострельной пушки.

Из газеты «Тульские ведомости» я узнал, что вестовой командира Тихон Прокофьевич тоже туляк, из деревни Рахлево, Монакской волости, Белевского уезда. Туляки в ту ночь преподнесли ему серебряные часы с надписью: «Храброму и верному матросу «Варяга» Тихону Чибисову от Тулы».

Подарки достались не только командиру и его вестовому. Тула тогда славилась гармошками да медовыми пряниками. Когда поезд отошел от станции, в каждом вагоне заиграли гармонисты, у каждого матроса были пряники.

Еще более радушный прием ожидал героев в Москве. Москвичи вручили всем офицерам лавровые венки, а матросам — бутоньерки из живых цветов. Грудь каждого матроса теперь украшала не только медаль, но и живые цветы. Когда герои маршировали, направляясь с вокзала в Славские казармы, их приветствовали тысячи москвичей, заполнивших тротуары.

В казармах, за обедом, раздали матросам памятные железные жетоны от Москвы.

И вот, наконец, — Петербург. Поезд прибыл 26 апреля ровно в десять. Снова хлеб-соль, снова слова приветия. Все выходит из вагонов. Раздается команда Руднева:

— Стройся поротно!

Быстро и четко выполняются одна за другой команды, и в привокзальном дворе построены колонной весь экипаж «Варяга» и «Корейца». Во главе колонны — командир.

— Шагом...

На миг воцарилась тишина, каждый подтянулся в ожидании приказа начать торжественный марш.

Прошло несколько секунд, и заиграл оркестр. Колонна вышла на Знаменскую площадь, и перед взорами моряков открылась величественная панорама: море голов, море цветов, море флагов. По обеим сторонам Невского проспекта шпалерами стояли войска, а за ними — неисчислимая масса жителей столицы. В приветственных криках тонули звуки оркестра. Из окон, с балконов и крыш летели цветы, устилая путь героям.

На Дворцовой площади состоялся парад, после которого моряков пригласили в Зимний дворец. В Николаевском зале для них накрыли столы. Здесь же объявили об учреждении специальной серебряной медали «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904 года у Чемульпо».

Вечером в Народном доме морякам показали спектакль «Петр Великий». Пьеса закончилась стихами, посвященными гостям. Их проникновенно прочел артист Скарятин.

Сильны вы мужеством, геройством благородным
И славной удачей бесстрашных моряков!
Я вижу ясно их... Они вот здесь, пред нами,

Горит отвагою и смелостью их взор,
Их храбрость светится искристыми лучами
И облетает мир, как ясный метеор!..
И открывают все радушные объятия,
В восторге стар и млад навстречу к ним идет.
Челом вам, до земли! Спасибо, други-братья.
Вовек в сердцах людей ваш подвиг не умрет.

На следующий день команду «Варяга» направили в Либаву, а матросов «Корейца» — в Кронштадт.

...До конца отпуска оставалась еще неделя. Не поехать ли в Славуту? Я еще ничего не знал о судьбе Демьяныча после службы на «Варяге». И я снова поехал в Славуту.

На этот раз мы встретились с Демьянычем, как старые друзья.

Оказывается, много пережил он за сорок лет, прошедших со дня памятного боя у Чемульпо. Из Либавы Войцеховского направили на Черноморский флот, а в Севастополе его зачислили в команду эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Там он познакомился с земляком Григорием Вакуленчуком и подружился с ним. Матрос-большевик, руководитель социал-демократической организации броненосца, не раз брал с собой Войцеховского в лес на нелегальные матросские сходки, поручал ему доставку листовок и прокламаций на корабль и распространение их по кубрикам.

Когда в июне 1905 года броненосец перешел на сторону революции, матрос с «Варяга» находился в рядах восставших. Ему довелось в числе двенадцати матросов революционного броненосца хоронить в Одессе Григория Никитича Вакуленчука.

Преследуемый царским правительством, Войцеховский двенадцать лет находился на чужбине, в Румынии, где остался вместе с командой броненосца. Однако, когда в 1914 году немцы напали на Россию и русские войска вошли в Румынию, матрос добровольно вступил в Волинский пехотный полк. Назначили его в артиллерийский расчет наводчиком, и он участвовал в боях с немцами.

На Родину, в Севастополь, Войцеховский возвратился из Румынии лишь в мае 1917 года. Сюда возвращались тогда оставшиеся в живых и скрывавшиеся за границей матросы с «Потемкина». По состоянию здоровья он оставил службу на флоте и уехал в родные края.

— Никого из семьи не застал в Погорелом, — говорит Демьяныч. — Когда уходил на флот, оставались при отце с матерью шесть сестер и столько же братьев. Я тринадцатым был! Отец и мать умерли, а братья разъехались в поисках работы, не осталось в селе и сестер.

В те дни матроса в бескозырке можно было видеть в селах Волинщины. На крестьянских сходках он агитировал за Советы, делил помещичью землю среди бедняков. В родном селе Погорелое его избрали председателем комитета бедноты, а позднее моряк организовал сельскохозяйственную артель имени Тараса Шевченко. Затем переехал в деревню под Шепетовкой. Деревня эта стоит вдали от больших дорог, по которым в июне 1941 года фашистские полчища рвались в глубь нашей страны. Но война пришла и сюда. Однажды возвратился старик с поля, а в деревне уже разбойничали фашисты.

В 1943 году в Шепетовское отделение гестапо какой-то предатель донес, что матрос с «Варяга» и участник революции 1905 года связан с партизанами. Войцеховского арестовали и повели к немецкому коменданту. Но он сумел сбежать от конвоира и только благодаря этому спасся от расправы.

— Встречаетесь ли с кем из друзей по «Варягу»? — поинтересовался я.

— Нет. Никого не видел.

— Что стало с командиром?

— Остался в Петербурге командиром «Андрея Первозванного». С 1904 года не видел его.

...Возвратившись в Москву, по воспоминаниям Демьяныча написал очерк «Быль о «Варяге». Предложил его редакции «Комсомольской правды». Из редакции пошла телеграмма в Слауту в райком партии. Демьяныча приглашали в Москву.

Демьяныч в Москве

Как только редакция отправила телеграмму в Слауту, я с нетерпением стал ждать Демьяныча. Прошло три дня, но никаких вестей из Слауты не поступало. В чем же дело? Быть может, старик заболел? Но на четвертый день пришла телеграмма из Киева. Демьяныч сообщал номер поезда и вагона, в котором ехал.

Оказалось, старик на своей станции сел на поезд с трудом: не было плацкартных мест. Только в Киеве он получил место и тогда послал телеграмму.

Я встретил его и повез к себе. На этот раз Демьяныч был моим гостем.

В «Комсомольскую правду» пошли на следующий день. Матроса с «Варяга» журналисты встретили, как желанного гостя.

Пришел он в редакцию комсомольской газеты в поношенном, но опрятном костюме, с георгиевским крестом и медалью на груди. Его водили из кабинета в кабинет, расспрашивали, смотрели на его награды, с ним фотографировались. Каждому хотелось побеседовать с героем.

Девчата в первый же день увели старика в поликлинику, к зубному врачу.

— Вставим вам новые зубы! — сказал врач.

С приездом Демьяныча решила и участь моего очерка о нем. В воскресенье 30 июня 1946 года «Комсомольская правда» начала его публиковать, и впервые на страницах газет появился портрет матроса с «Варяга».

Демьяныч долго всматривался в полосу, на которой был помещен его портрет.

— Теперь узнают друзья — жив Войцеховский!

Вечером застал его за столом с карандашом и бумагой.

— Что пишешь, Демьяныч?

— Письмо надо послать старушке. Скучает, наверное.

О чем же, думаю, пишет старик в такой радостный день. Отношения между нами сложились вполне доверительные, и он дал мне прочесть свое письмо.

Читаю: «Допыт продолжается...»

Расспрашивали старика в редакции много. Эти расспросы он и называл допытыванием.

«На старости поставили меня в комсомол...»

Сердечный прием, оказанный сотрудниками «Комсомольской правды», а потом и опубликование в газете портрета он расценил как прием в комсомол. И действительно, матрос с «Варяга» в комсомоле нашел новых и замечательных друзей.

Не менее радостным для старика оказалось и 11 июля. В этот день ему выдали матросское обмундирование. Подогнал по себе фланелевку и брюки и пригласил меня поехать на Красную площадь. Посетили Мавзолей В. И. Ленина.

На следующий день Демьяныч выступил по радио в краснофлотском чине. А вечером сообщили, что на завтра А. Д. Войцеховского приглашает к себе Главнокомандующий Военно-Морскими Силами Советского Союза адмирал флота Н. Г. Кузнецов.

В тот день, 13 июля, Демьяныч встал очень рано. Признаться, что почти не спал, все думал: как же рапортовать адмиралу? Поднялся рано, разогрел утюг, погладил брюки и фланелевку, которые и без того были опрятны. Побрился и поодиножился. Он то и дело разглаживал усы, заставляя их концами торчать не книзу, как они обычно бывают у него, а кверху. Еле дождался машины от адмирала, не раз предлагал поехать трамваем. По прибытии в Военно-морской штаб гостя сразу же пригласили в кабинет Главкома. В приемной ожидали корреспонденты, фотографы, кинооператор. Войдя в кабинет и став строго по-военному, Демьяныч начал рапортовать:

— Матрос первой статьи крейсера «Варяг»...

Но вышедший навстречу из-за стола адмирал не дал досказать заученный стариком, видимо, еще с вечера рапорт и, протянув ему руку, приветливо сказал:

— Знаю, знаю... Очень рад встретиться с героическим матросом легендарного крейсера. Садитесь, садитесь, побеседуем.

Завязалась беседа непринужденная, задушевная. Адмирал прежде всего спросил о здоровье героя, о его семье, поинтересовался, не нуждается ли старик в какой помощи.

Демьяныч рассказал о мужестве и отваге моряков «Варяга» в неравном бою с японской эскадрой, о вооруженном восстании на броненосце «Потемкин» в 1905 году. Адмирал, выразив благодарность Войцеховскому за проявленную им самоотверженность в битве, сказал, что героические традиции «Варяга» живут и поныне в славных делах Советского Военно-Морского Флота.

Главком рассказал старику, что в дни Великой Отечественной войны экипаж сторожевого корабля «Туман» с песней о «Варяге» вел бой в Баренцевом море с тремя немецкими эсминцами до последней возможности, пока корабль не скрылся под водой.

Адмирал сказал, что нужно лучше знакомить молодых моряков с героическим прошлым русского флота, воспитывать их на лучших боевых и революционных традициях. Он передал А. Д. Войцеховскому приглашение от командования и личного состава Балтийского и Черноморского флотов и просил его посетить военные корабли, нахимовские училища и рассказать морякам о бое «Варяга» и революционном восстании на «Потемкине».

Отвечая на вопросы о жизни, А. Д. Войцеховский рассказал, как он в годы войны помогал партизанам, поддерживал с ними связь и, несмотря на свой преклонный возраст, выполнял их задания.

В заключение беседы Главком вручил ветерану «Варяга» медаль «За победу над Японией» и разрешил ему носить постоянно морскую форму.

На прощание Главком и старый моряк сфотографировались, а кинооператор заснял их на пленку.

На следующий день центральные газеты и радио сообщили о приеме Главкомом матроса с крейсера «Варяг», а в некоторых газетах поместили фотографии, запечатлевшие старого моряка за беседой с адмиралом. Войцеховский после этого стал весьма популярным человеком в Москве, москвичи узнавали его на улице.

— Ах, это и есть Демьяныч! — любовно кричали ребятишки, увидев старика в матросской форме. Забегая вперед, ребята рассматривали георгиевский крест и медали на его груди.

Кондукторша в троллейбусе отказалась взять с него плату за проезд.

— С вас не возьму. Вы, Демьяныч, наш гость. Катайтесь на здоровье, посмотрите нашу Москву!

А когда он зашел в парк ЦДКА, артисты театра «Сатиры», занятые в постановке спектакля «Веселый грешник», пригласили Войцеховского в антракте за кулисы и попросили что-нибудь рассказать о «Варяге».

Загримированная молодая артистка с гордостью сказала: — Мой дедушка тоже служил на «Варяге», машинистом был...

— А я служил на «Стерегушем», — крепко пожимая гостью на прощание руку, говорил уже пожилой артист.

В квартире не переставал звонить телефон, Демьяныча приглашали в гости.

Вечером 15 июля он был в Колонном зале Дома Союзов. Там проходил вечер выпускников школы рабочей молодежи. Когда Демьяныч вышел на трибуну, ему долго не давали говорить, молодежь тепло приветствовала ветерана русского флота. Поздравив молодых людей с успешным завершением учебы и пожелав успехов в предстоящей работе, он сказал:

— Работайте так, как этому учит вас Коммунистическая партия!

Матрос с «Варяга» 19 июля был на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Н. М. Шверника. Бывший питерский рабочий сердечно приветствовал матроса с легендарного крейсера и участника революционного восстания на броненосце «Потемкин». Беседа завязалась сразу же. Николай Михайлович поинтересовался:

— Сколько вам лет? Как самочувствие? Какую получаете пенсию? Какая у вас семья? Какие квартирные условия?..

Задавал вопросы и Войцеховский.

— А сколько вам лет, Николай Михайлович?

— Пятьдесят восемь.

— А усы-то у вас седые, — заметил Демьяныч.

— Да, малость есть седины, ничего не поделаешь, — улыбувшись, ответил Председатель.

Во время беседы выявилась любопытная деталь. Оказывается, в апрельский день 1904 года, когда команда «Варяга» шла торжественным маршем по Невскому проспекту, в числе приветствовавших моряков находился и четырнадцатилетний рабочий паренек Николай Шверник.

— Я хорошо помню, как вас тепло встречали тогда, — сказал Николай Михайлович. — Большое дело совершили моряки, не зря народ сложил о них песню. Хорошая песня! Все с удовольствием и поют и слушают ее.

Беседа продолжалась сорок пять минут. Николай Михайлович, тепло прощаясь с героем «Варяга», напутствовал:

— Вид у вас бравый, бодрый. Вы еще можете с молодыми потягаться. Не сдавайтесь! Не сдавайтесь!

20 июля Демьяныч был в гостях у рабочих завода «Серп и Молот». В заводском клубе собралась молодежь. Рабочие

преподнесли старому моряку огромный букет цветов. Поблагодарив за подарок, он сказал, обращаясь к комсомольцам:

— Желаю, чтобы ваша жизнь была такой же красивой и яркой, как эти цветы.

Вечером на набережной Центрального парка культуры и отдыха имени Горького встречали балтийцев, североморцев, черноморцев и каспийцев, прибывших в Москву на шлюпках для участия в праздновании Дня Военно-Морского Флота. Среди встречающих находился и матрос с «Варяга» Войцеховский.

21 июля он ходил на Всесоюзный парад физкультурников.

— Ну и красиво! Что, каждый год бывают такие парады? — спросил Демьяныч у соседа. — Непременно на будущий год приеду.

22 июля Демьяныча разбудили делегаты от балтийских моряков, прибывших в Москву на бронекатерах для участия в праздновании Дня Военно-Морского Флота.

— Наказали матросы без вас не возвращаться.

— Надо же закусить.

— С ними будете завтракать.

Не смог отказать старик и, быстро собравшись, поехал. Встретили его балтийцы очень тепло. С большим вниманием прослушали воспоминания героя «Варяга», а затем покатали его по Москве-реке.

Рано приехали за ним и на следующий день. На этот раз пионеры со станции Планерная. Ребята пригласили Демьяныча к себе в лагерь. Оказывается, у них назначен сбор дружины, посвященный героям «Варяга». Ну, разве можно отказать детям, интересующимся героическим прошлым русского флота?

Ребята очень хорошо подготовились к сбору. Едва свернула машина от станции Планерная в лес, как по дороге, правда, не без труда, можно было видеть замаскировавшихся дозорных, которые передавали условными знаками в лагерь: «Едет Демьяныч».

Вот и лагерь. На арке плакат: «Добро пожаловать!» Встретили Демьяныча начальник лагеря, старший вожатый и врач.

— Ребята ждут вас с нетерпением. Они в клубе.

Пришли мы в клуб, а там ни души. В чем же дело?

Перед взором старого матроса импровизированная палуба корабля. На командирском мостике спасательные круги с надписью «Варяг» и плакат: «Героическому «Варягу» — слава!»

Начальник лагеря пригласил дорогого гостя подняться по трапу.

Только вошел старик на мостик, горнист сыграл сбор. За десять секунд дружина выстроилась в зале клуба. Знаменосцы торжественно вынесли отрядные знамена, и ребята запели:

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Пели они громко и отчетливо. Старик от радости прослезился.

Он никак не ожидал такой исключительно теплой и торжественной встречи.

Приняв рапорты от вожатых отрядов, начальник штаба дружины, обращаясь к гостю, доложил:

— Дедушка Демьяныч, дружина построена для встречи с вами!

— Здравствуйте, милые дети! — взволнованно сказал старый моряк.

— Здравия желаем! — дружно ответили детские голоса.

Ребята зачислили гостя почетным пионером своей дружины и тут же надели на него красный галстук, а затем преподнесли ему букет цветов. Третьему отряду присвоили имя героев «Варяга».

— Мы будем такими же храбрыми и стойкими, какими были вы, моряки «Варяга»!

На этом сбор закончился, и почетный пионер сразу же очутился в окружении детей, загорелых, веселых, любознательных.

Весь вечер Демьяныч ходил с пионерским галстуком. А когда горнист сыграл сбор на линейку, он стал правифланговым третьего отряда и под барабанный бой пошел в строю на ужин в столовую.

После ужина пионеры пели песни и читали стихи о моряках, исполняли матросскую пляску.

Поздним вечером Войцеховский уезжал из лагеря. Для проводов дружина выстроила у арки почетный пионерский караул.

— Приезжайте к нам в лагерь, в школы! Всегда будем рады встретиться с вами.

25 июля Демьяныч выступил с воспоминаниями на литературном «четверге» в «Комсомольской правде». По его просьбе композитор К. Листов исполнил на аккордеоне песню о «Варяге».

27 июля. В Зеленом театре парка культуры и отдыха имени Горького состоялось торжественное заседание, посвященное Дню Военно-Морского Флота. Матрос «Варяга» и участник революционного восстания на броненосце «Потемкин» сидел в президиуме вместе с адмиралами, генералами и моряками, удостоенными за подвиги в Великой Отечественной войне высших правительственных наград, звания Героя Советского Союза.

После заседания Демьяныча пригласили на прием к Главнокомандующему Военно-Морскими Силами по случаю Дня Военно-Морского Флота. Там присутствовали знатные люди Военно-Морского Флота, представители всех родов войск.

В числе тостов, провозглашенных адмиралом флота, был тост и за матроса с легендарного русского крейсера. Участники приема тепло приветствовали его.

На следующий день Демьяныч присутствовал на параде в честь Дня Военно-Морского Флота в Химках.

30 июля его пригласили на пионерский костер. Дети непременно хотели, чтобы с ними у костра был дедушка Демьяныч. Старик, конечно, не мог отказаться и поехал за город.

31 июля выступал с приветствием в Колонном зале Дома Союзов на торжественном вечере, посвященном выпуску учащихся ремесленных и железнодорожных училищ Московской области.

И так каждый день. То в пионерский лагерь, то в воинскую часть, то в заводской клуб. Всюду хотели иметь гостем матроса с «Варяга». Но вот пригласили его в Кронштадт. И он поехал.

В Кронштадтском парке состоялась встреча ветерана русского флота с моряками Краснознаменной Балтики. Побывал он и на «Авроре», где снимали тогда картину «Крейсер «Варяг».

В Ленинграде Демьяныч посетил Центральный военно-морской музей и Дворец пионеров.

25 августа возвратился в Москву и в тот же день пошел в концертный зал имени Чайковского.

Там выступал Государственный хор русской песни под управлением народного артиста СССР лауреата Сталинской премии А. В. Свешникова.

Концертный зал был полон. Ярко светили люстры. Хор славил русских моряков. Он пел:

Мы пред врагом не спустили
Славный андреевский флаг,
Сами взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг».

Хор очень хорошо, с подъемом исполнил песню «Плещут холодные волны». Аудитория громко аплодировала, вызывала на бис.

Аплодировал и Демьяныч — участник этого героического морского боя.

26 августа 1946 года старый моряк уехал в Славуту.

— В гостях как ни хорошо, а дома лучше, — сказал он, прощаясь.

Нежданные письма

Очерк о героическом подвиге матросов «Варяга», опубликованный в «Комсомольской правде», вызвал у читателей интерес. Редакция получила тогда много откликов.

Шли письма и Демьянычу. Из разных городов и сел писали ему пионеры и комсомольцы, молодые матросы и солдаты. Интересной и содержательной была в те дни почта старого моряка, ветерана с «Варяга»! О чем только не писали! Его поздравляли. Слали ему сердечные, самые наилучшие пожелания, приглашали в гости.

«Дедушка Демьяныч, поздравляем Вас с награждением медалью «За победу над Японией», — писали ребята из пионерского лагеря.

Дети рабочих фабрики «Госзнак» и сотрудников Министерства трудовых резервов пригласили Демьяныча приехать к ним и рассказать, как русские моряки с «Варяга» в неравном бою под Чемульпо в 1904 году защищали Родину от японцев, и о том, как матросы «Потемкина» в 1905 году восстали против царского самодержавия.

Ученица 9-го класса Ира Романова из города Шумерле, Чувашской АССР, писала: «Когда я слышу песню о «Варяге», на глазах невольно выступают слезы, слезы гордости и радости за верных сынов Родины, героев-матросов.

Я даже боюсь лишний раз произнести слово «Варяг». Это имя так свято для меня. Я очень обрадовалась, прочитав о Вас в газете. Как же не радоваться! Жив герой — матрос легендарного крейсера, доблестный участник боев за Родину.

Сказать по правде, я Вам завидую. Еще бы! Вы были участником героической битвы «Варяга» и революционного восстания на «Потемкине»! Вам может с полным правом позавидовать каждый. Нет выше чести, чем сражаться в боях за Родину!»

Трогательное письмо прислали из Севастополя черноморцы старшина первой статьи Г. Нихаенко и матрос Ф. Прядько. Они писали:

«Нам, морякам Советского Военно-Морского Флота, особенно дороги традиции героического экипажа русского крейсера «Варяг». На вашем примере мы учились бить врага в Великой Отечественной войне, учились, как надо любить нашу славную Родину.

О легендарном крейсере «Варяг» живет память в наших сердцах. Желаем Вам, наш лучший друг Демьяныч, много лет жизни и здоровья. Приглашаем Вас к себе на корабль, будете нашим дорогим гостем».

Ответственный редактор газеты «Советское Подолье» тов. Лапчинский приглашал матроса с «Варяга» в Проскуров для встречи с общественностью.

Поступило письмо от тов. Егоровой — дочери старшего врача крейсера «Варяг» Храбростина.

«Я прочла в газете сообщение о приеме Вас адмиралом флота, — писала она, — и оно глубоко взволновало меня. Яр-ко в памяти встала картина далекого детства. Вспомнился тот страшный момент, когда мы получили первую весть о гибели «Варяга».

— Нет у нас больше папочки, нет папы!.. — кричал в слезах братишка Степа. Горько плакали сестры. А наша тетя — сестра отца, которая нас воспитывала, сидела в оцепенении с газетой в руках. Тогда не было радио, и мы долго томилась, не зная подробностей. Наконец, пришло сообщение, что английский корабль спас часть экипажа «Варяга».

Опять тревога, волнения и надежды. Наконец, мы узнали, что отец тоже был подобран на английское судно. Затем отец и младший врач Банщиков в числе других были награждены георгиевскими крестами третьей степени.

Помню, с каким торжеством народ встречал вас, героев боя под Чемульпо. Песня о «Варяге» слышалась везде с утра до ночи. Продавались открытки. На одной из них крейсер «Варяг» и под ним стихи:

Спи спокойно в волнах,
Богатырь наш «Варяг»,
Ты героически свершил свое дело
И не отдал врагу
Свой андреевский флаг,
В бой идя беззаветно и смело.

Вторая открытка посвящена канонерской лодке «Кореец». На ней стих:

Он был товарищем «Варяга»,
Он отстоял в лихом бою
Родную честь родного флага
И славу вечную свою.

Когда в Питер вернулся отец, у нас часто бывали инженер-механик Лейков, мичманы Лобода и Балк, матросы Волков и Федорченко.

Вы их всех, наверное, помните?

Вы представить не можете, как волновалась я, читая о Вас в газете. Как мне хотелось увидеть Вас поскорей и поговорить об этом далеком героическом событии, участниками которого были Вы и мой отец.

Анна Михайловна — дочь врача Храбростина в 1919 году вступила в партию, училась на рабфаке, в 1927 году окончила Московский институт журналистики, сотрудничала в журнале «Работница».

Многие в письмах спрашивали о дальнейшей судьбе крейсера «Варяг» и его командира — капитана 1 ранга Руднева. Комсомолка Шура Копейко интересовалась, была ли когда-нибудь попытка поднять крейсер с морского дна.

Необычную корреспонденцию Демьяныч получил от Григория Чхеидзе. В пакете оказался любовно оформленный фотоальбом о «Варяге». На первой странице альбома тов. Чхеидзе писал:

«Ветерану русского флота матросу первой статьи крейсера «Варяг» тов. Войцеховскому А. Д. — на память.

Второй экземпляр этого фотоальбома я подарил своему сыну-нахимовцу, чтобы Ваш подвиг всегда воодушевлял его на ратные дела во славу русского оружия, во славу русского флота».

А на последней странице альбома — фотография, заснятая 19 апреля 1904 года в Одесском порту на палубе французского корабля «Криме». На ней — бесстрашный офицер русского флота В. Ф. Руднев, инженер-механик Н. Г. Лейков и матрос первой статьи А. Д. Войцеховский.

Через переписку с Войцеховским восстанавливались связи между старыми друзьями — сослуживцами по «Варягу» и «Потемкину». Из полученных писем мы узнали, что матросы «Варяга» и «Потемкина» в 1917 году находились в революционных рядах, а затем активно участвовали в социалистическом строительстве.

Из писем мы узнали о потомках — внуках и правнуках героев «Варяга».

В гряде писем, поступивших тогда в редакцию, оказались и такие, которых никак не ждала редакция. Да, именно неожиданные письма. То были письма друзей А. Д. Войцеховского по «Варягу».

Первое письмо пришло от москвича Якова Герасимовича Бесчетнова, служившего на «Варяге» коком.

«Я весьма обрадован такому счастливому случаю, что поимею возможность наладить письменную связь со своим другом по крейсеру с тов. Войцеховским... Хочу видеть друга и вспомнить о тех незабываемых днях и роковых минутах, которые пришлось пережить на крейсере... Жду с нетерпением его приезда ко мне и буду безгранично счастлив».

Из Либавы, оказывается, Бесчетнов так же, как и Войцеховского, послали для продолжения службы в Севастополь, в 38-й флотский экипаж. Могли бы друзья встретиться еще в Севастополе. Но там не удалось, так как Войцеховский нес службу на корабле, а Бесчетнов — на берегу.

Второе письмо поступило от корреспондента «Комсомольской правды» по Владимирской области Н. А. Стурикова.

Вот что сообщалось из Владимира:

«Старый крестьянин из деревни Семеновки, Гусь-Хрустального района, ослабевшими глазами долго всматривался в газетные страницы.

— Он! Капитан первого ранга Руднев! Наш командир! И «Варяг» мой крейсер...

Слезы радости навернулись у К. В. Хваткова. Он, старший комендор «Варяга», через сорок лет увидел в газете снимок своего легендарного крейсера и портрет любимого командира.

— А не помните ли матроса Войцеховского? — поинтересовался корреспондент.

— Войцеховский? Фамилия знакомая. Да, постой, а ведь, кажется, он был вестовым у нашего капитана первого ранга. Знаю, знаю.

Хватков после Либавы так же, как и Войцеховский и Бесчетнов, служил на Черноморском флоте. Он хорошо помнит восстание на «Потемкине». Комендор «Варяга» находился среди тех черноморцев, симпатии которых были целиком на стороне революционных матросов «Потемкина».

Корреспондент В. Виноградов по телефону сообщил в редакцию из Ростова-на-Дону, что там живет и работает в жилищно-строительном кооперативе «Красный пищевик» бывший матрос первой статьи с крейсера «Варяг» Иван Ефимович Капленков. Во время боя он стоял на подаче снарядов. Герой бережно хранит пожелтевший от времени листок со стихотворением «Русским героям», написанным к приезду команды легендарного крейсера в Петербург.

Большое письмо пришло из деревни Северово, Добрянского района, Пермской области, от Григория Петровича Снигирева. Рулевой «Варяга» просил редакцию передать Войцеховскому горячий привет.

Из письма мы узнали такую немаловажную деталь боя. «Варяг» шел в море, стремясь прорвать вражескую блокаду. Руль был положен право на борт, чтобы обойти остров Иодольми.

Совсем уже близко открытое море — широкий простор для маневра. И тогда ничего не смогла бы сделать японская эскадра с быстроходным и хорошо вооруженным русским крейсером, каким был «Варяг». И в тот момент, когда уже выходили в море, вражеский снаряд перебил трубу, в которой проходили рулевые приводы с переднего мостика.

— Ваше благородие, руль не действует.

— Перейти на ручное управление!

Раненый Снигирев спустился с командирского мостика на верхнюю палубу, а затем вниз, в девятое отделение, где паровая машина.

Там нес вахту машинист Березин и с ним шесть кочегаров.

— Перевести на румпель-тали! — распорядился Снигирев.

Не прошло и минуты, как снова крейсер подчинился рулю. Григорий Петрович ждал приказаний из боевой рубки. Но переговорная труба молчала, телефоны не действовали. Перебило и телефонный провод.

Томительно шло время. Что там делается наверху?

И вот в переговорной трубе раздалось:

— Взять обратный курс!

А какой он, этот обратный курс? Вспомнил рулевой, каким курсом выходили из гавани, и стал держать «норд-ост 38».

Вскоре из боевой рубки передали:

— Так держать!

Как же сложилась судьба рулевого «Варяга»?

Из Либавы Григория Петровича направили в Петербург, в 18-й флотский экипаж. Через год по состоянию здоровья его демобилизовали.

Рулевой «Варяга» участвовал в первой мировой войне. Домой возвратился он с войны без левой руки, с тремя георгиевскими крестами на груди. Много лет плавал на Каме штурманом.

В Великую Отечественную войну на фронте находились сын и дочь Григория Петровича. Оба они ушли защищать Отечество добровольцами. Сын Владимир стал моряком, направили в Ладожскую флотилию на тральщик № 126. 16 апреля 1943 года он при выполнении боевого задания погиб.

Дочь с фронта вернулась раненой.

Получил я письмо из Тулы. Секретарь обкома комсомола тов. Лобанов сообщил радостную весть: вестовой командира крейсера жив и честно трудится в колхозе «Серп и Молот».

Тихон Прокофьевич Чибисов из Либавы уехал в Ревель. Там пробыл он год, возвратился в родное село.

Письма от матросов «Варяга» продолжали поступать. Их прислали рабочий хлебозавода г. Степняк Ақмолинской области Макар Евдокимович Калинин, колхозник Рязанской области Василий Иванович Крутяков, рабочий хлопководческого совхоза «Пахта-Арал» Южно-Казахстанской области Федор Федорович Семенов, колхозник из села Колодезное Белогорьевского района Воронежской области Василий Федорович Бакалов, колхозник артели имени Н. М. Шверника Чекалинского района Тульской области Александр Ильич Кузнецов, бывший горнист крейсера Иван Федорович Ярославцев, проживавший в Пермской области, бывший подшкипер Андрей Иванович Шкетник из Киева, член колхоза «Ленинский путь» Харабалинского района Астраханской области Прокофий Максимович Кузнецов, рабочий Ленинградского мясокомбината Дмитрий Степанович Залидеев, пенсионер Петр Егорович Поликов из Электрогорска Московской области... Каждый из них сообщал новые, не известные раньше сведения о жизни команды легендарного крейсера.

Машинист с „Варяга“

26 августа Войцеховский уехал из Москвы в Славуту, а 27 августа ко мне на квартиру пришел сухопарый приземистый старичок с костылем.

— Не вы, случаем, разыскиваете матросов с «Варяга»? Я машинистом служил на крейсере. Моя Фамилия Крылов Степан Давыдович.

Обрадованный неожиданному гостю, я пригласил его к столу. Стало быть, еще один друг Войцеховского.

— А где же Демьяныч?

— Вчера уехал.

— Как же так. Я-то торопился... Ведь он спаситель мой.

Оказывается, Степан Давыдович живет совсем недалеко от Бесчетнова, две трамвайных остановки. Лето проводил на отдыхе в родном селе Боброво, Думенического района, Калужской области.

— Услышал по радио, что Войцеховский в Москве. Ну, и давай собираться. Хотелось повидаться.

Крылов? Не о нем ли рассказывал Демьяныч?

— Какие обязанности выполняли по боевому расписанию?

— Когда выбирали якоря, я стал на правом борту, на подаче снарядов из порохового погреба к орудиям.

Еще в начале боя осколок вражеского снаряда повредил правую руку машиниста. Подоспевший санитар перевязал рану, и Крылов продолжал подавать снаряды. Но вот, когда уже кончился бой и крейсер возвращался на рейд, большой осколок угодил в левый бок. Перебило три ребра, Степан Давыдович сделал несколько шагов и упал, истекая кровью.

Друзья снесли машиниста в лазарет, там обмыли и перевязали рану. Однако в суматохе, когда начали выносить раненых на шлюпку французского крейсера, Крылова, лежавшего в ванне, забросали грязным бельем и окровавленными бинтами. При эвакуации лазарета его не заметили. Кто же не позволил ему затонуть вместе с крейсером?

Степан Давыдович считает своим спасителем Войцеховского.

Как же спасли Крылова?

У борта крейсера последняя шлюпка. Вся команда была уже полностью свезена на иностранные корабли. Покинули крейсер старший и трюмный механики, открыв кингстоны.

Снят с поста и часовой у флага. Командир, бережно взяв в руки флаг, медленно спустился по трапу. Вместе с ним в последнюю шлюпку сошли боцман Харьковский, вестовой Войцеховский и часовой.

На Рудневе мундир был изодран осколками. Обращаясь к Войцеховскому, он сказал:

— Идем на французский крейсер, а мундир-то на мне...

Поднимись, Демьяныч, захвати в моей каюте пару мундиров.

Войцеховский поднялся по трапу, забрал в каюте мундиры и, торопясь, возвращался на шлюпку.

Чу! Что такое? Лает собака. Как же оставили ее? Собака, была любимицей команды, и Войцеховский пошел на ее лай.

С. Д. Крылов среди рабочей молодежи.

Кирюшка, так звали собаку, оказался в лазарете и с визгом крутился около ванны.

Войцеховский, разрыв белье, обнаружил в ванне Крылова. Взвалил друга на спину и понес в шлюпку. Кирюшка, помахивая хвостом, радостно бежал сзади.

Иностранные корабли отправлялись с русскими матросами в Шанхай, а оттуда — к Суэцкому каналу.

Двадцать четыре раненых матроса оставили в Чемульпо, в госпитале Красного Креста. В числе их вместе с машинистом Степаном Крыловым были: квартирмейстер Михаил Степанов, комендор Андрей Мочичин, матросы Василий Кузьмичев, Дмитрий Федотов, Иван Шутов, Макар Калинин, Григорий Шпортун, Иван Курсик, кок Степан Прилепский и барабанщик Иван Потеха. Когда Войцеховский пришел проститься с другом, он лежал с закрытыми глазами.

— Вряд ли выживет, — отойдя в сторону, шепотом сказал врач.

Однако матрос выжил и вернулся на Родину.

Меня интересовало, что же стало с героями, оставленными на излечение на Дальнем Востоке, вдали от родных и друзей.

Все они оправились от ран. По мере выздоровления русских матросов отправляли на Родину.

В Петербурге они из рук любимого командира получили георгиевские кресты и памятные медали «За бой «Варяга» и «Корейца».

Крылов приехал в Москву поздней осенью 1905 года. Еще не оправившись как следует от болезни, он пошел искать работу. Поступил в железнодорожные мастерские, что были около Курского вокзала. Но недолго пришлось поработать там. В декабрьские дни 1905 года машинист «Варяга» взобрался на фабричную трубу и повесил красный флаг.

Как ни старались полицейские, но не смогли они найти смельчака. Степан Давыдович в числе заподозренных просидел неделю в полицейском участке. За недоказанностью его выпустили, но к работе в мастерских не допустили.

Пришлось снова поступить к Гужону, у которого Крылов работал еще до призыва. В 1912 году он переехал в Петербург и стал работать слесарем на трубочном заводе, что на Васильевском острове. В феврале 1917 года слесарь трубочного завода взял в руки винтовку и участвовал в свержении ненавистного царя.

● Машинисту «Варяга» выпало счастье встречать 3 апреля 1917 года на Финляндском вокзале Владимира Ильича Ленина. Он здесь был в качестве представителя штаба красногвардейцев Васильевского острова. С. Д. Крылов слышал страстную речь вождя. Ленинский призыв нашел в его сердце горячий отклик.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции для Степана Крылова началась новая жизнь. Петроградский Совет командировал активного участника революции в Жиздринский уезд для организации Советской власти. Там, в селе Боброво, Думенической волости, его избрали председателем Совета, а затем — председателем Волостного исполнительного комитета.

В 1926 году он приехал в Москву и поступил слесарем на текстильную фабрику имени Свердлова. В том же году машинист «Варяга» вступил в ряды Коммунистической партии. Позднее ему в числе двадцати пяти тысяч рабочих довелось выезжать на работу в деревню. В Туркменской ССР он работал заместителем председателя хлопководческого колхоза имени В. И. Ленина.

Затем С. Д. Крылов работал слесарем на одном из авиационных заводов в Москве. В стране в те дни разворачивалось стахановское движение. Герой «Варяга» — в числе зачинателей этого славного движения на заводе. Ему как новатору Михаил Иванович Калинин вручил в Кремле медаль «За трудовое отличие».

А когда напали на Родину фашистские полчища, коммунист Крылов, несмотря на преклонный возраст (ему было шестьдесят четыре года), добровольно полетел с авиационным полком на фронт, где и остался работать слесарем.

— Случаем, главный инженер Московского автозавода не родственник?

— Как же, Леша — мой племянник. (Алексей Григорьевич Крылов — сейчас директор этого гиганта автомобилестроения).

Два друга с «Варяга», один из которых считает другого своим спасителем, все же встретились.

Начальник тыла Вооруженных Сил генерал армии товарищ А. В. Хрулев в октябре 1948 года предоставил для героев «Варяга» пять путевок на месячный отдых в один из подмосковных санаториев. Кроме Войцеховского и Крылова, в санаторий поехали Кузьма Васильевич Хватков, Тихон Прокофьевич Чибисов и Иван Ефимович Капленков.

Трогательной была встреча старых друзей! Крылов крепко-крепко поцеловал Войцеховского.

— Кто думал, что доведется встретиться! — восклицает Демьяныч.

— От всего сердца благодарю тебя, Демьяныч. Ведь ты спас мне жизнь.

И снова Крылов целует друга.

Вместе с Войцеховским во второй роте на корабле около четырех лет служил Чибисов. И им есть что вспомнить.

Матросы хорошо знали Хваткова — комендора орудия на полубаке, которое на крейсере значилось за № 2. Комендор вел из него меткий огонь по врагу до конца боя.

В первый же вечер они помянули добрым словом товарищей, погибших в бою.

Тепло отзывались матросы о своем командире.

— Командир наш — великой души человек был, — говорил Кузьма Васильевич Хватков. — Матросов любил, уважал. И мы его почитали.

— Помню, — поведал Степан Давыдович Крылов, — когда лежал на операционном столе, подошел Всеволод Федорович. Он сообщил, что корабли уходят в Россию, и, попрощавшись, пожелал быстрее выздоровления. Так и сказал: «Прощай, браток, поправляйся!»

Тихон Прокофьевич Чибисов вспомнил, как подошел он к командиру в пути из Чемульпо в Одессу, где-то после Коломбо:

— А что, ваше высокоблагородие, не будут нас попрекать? — спросил тогда Чибисов.

— За что?

— Не умерли, а живы остались...

Не ответил тогда командир на этот вопрос вестового. Не знал он, что Родина готовила героям-морякам торжественную встречу.

Вестовой Чибисов видел в последний раз своего командира в 1908 году. Тогда Тихон Прокофьевич, малоземельный крестьянин из деревни Рахлево, приехал на заработок в Серпухов.

— Был я в июле на Старобазарной площади, — рассказывает друзьям Чибисов, — Узнал командира по походке. Он шел

в аптеку. Я подождал, когда Всеволод Федорович вышел. Когда он поравнялся со мной, я снял фуражку и низко поклонился ему. Руднев остановился, окинул меня взглядом и подал руку. Спросил о здоровье. Поинтересовался, как же я заметил его издали. «Тоскую, — говорит, — по морю». А еще сказал, что я сильно изменился. «Ты, — говорит, — Чибисов, у меня был и справный и сытый. А сейчас на что похож?»

Жил я тогда в батраках у помещика Костякова, впроголодь жил...

— Что же стало с нашим командиром? — спрашивал Хватков. — Жив ли он?

...В санатории показали героям «Варяга» фильм о их крейсере.

— Понравился ли вам фильм?

— Хороший, — единодушно заявили они.

Высказали они и свои замечания.

Тихон Прокофьевич Чибисов во время боя нес вахту на верхней палубе. Он своими глазами видел и первый и второй выстрелы по «Варягу» и каждый раз докладывал об этом командиру. Лишь после того, когда вражеская эскадра на третий раз дала залп по русскому крейсеру, Руднев приказал поднять боевой флаг.

— Вышла картина, — сказал Чибисов, — вызвали меня из колхоза в район, в Арсеньево. Смотрю и не верю. На экране первым открывает огонь не японская эскадра, а мой родной крейсер. Я не вытерпел и тут же в кино кричал: «Ведь это неправда, не так было!»

— Согласен с тобой, Прокофьевич, — продолжал бывший артиллерист Иван Ефимович Капленков. — Мне не нравится еще и то, зачем наш боевой корабль в толкучку превратили. Как будто бы за несколько часов до боя нас интересовали безделушки, вроде перстней и колец. Не об этом думали мы тогда.

— Никогда на палубу «Варяга» не ступала нога иностранного купца, — подтвердил комендор Хватков. — Зачем потребовалась эта выдумка?

Нельзя не согласиться с этими замечаниями по картине. В самом деле, разве мог такой тактически грамотный и опытнейший командир, каким был В. Ф. Руднев, в условиях, когда порт уже блокирован врагом, разрешить иностранным купцам торговать на палубе крейсера?

Удалось выяснить и то, как появилась собака на корабле.

В Кронштадте в июле 1901 года, за несколько дней до выхода в Порт-Артур, Кузьма Хватков принес из города под флаanelевкой маленькую белую пушистую собачонку. Сидят матросы в кубрике и думают, как бы назвать щенка.

— Кирюшкой, — предложил кто-то.

— Почему Кирюшкой? — раздался голоса. И матрос пояснил.

На крейсере несколько раз был великий князь Кирилл. Приедет князь и кричит на матросов.

— Словно собака гавкает, — заключил Кузьма.

Понравилась матросам эта выдумка, и они в отместку князю назвали собаку его именем. Сделали ошейник и написали на нем название крейсера.

...В санатории друзья пробыли больше месяца, жили они все вместе, в одной комнате, окруженные вниманием врачей, медсестер, всего медицинского и обслуживающего персонала. Только К. В. Хваткову из-за недуга пришлось уехать домой раньше.

7 ноября матросы «Варяга» приняли участие в демонстрации трудящихся в честь 31-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Они шли на Красную площадь вместе с коллективом Академии наук СССР.

14 ноября в Центральном Доме Советской Армии состоялся вечер встречи советских воинов с матросами легендарного крейсера. Воспоминаниями о бое под Чемульпо поделились И. Е. Капленков, Т. П. Чибисов, А. Д. Войцеховский и С. Д. Крылов. Воины тепло приветствовали героев. В заключение Краснознаменный имени Александра ансамбль песни и пляски Советской Армии исполнил песни о «Варяге».

Поездка в Данки

Еще когда мы с Войцеховским были на приеме у Главнокомандующего Военно-Морским Флотом, начальник его секретариата полковник А. Ф. Силян спросил меня:

— Не встречались вы с женой одного офицера с «Варяга»?

Тогда побеседовать с полковником не пришлось. Зашел к нему лишь в следующем году.

Не сразу удалось узнать фамилию жены этого офицера. Письмо Главкому, оказывается, прислала не она, а некая Коновницына Вера Петровна, проживающая недалеко от Никитских ворот.

Посетил я Веру Петровну. От нее узнал, что в Данках, Серпуховского района, в Доме инвалидов находится жена старшего штурмана легендарного крейсера Евгения Андреевича Беренса — Вера Леонтьевна Беренс.

Вера Петровна рекомендовала обратиться к Ирине Николаевне Гоффе.

— Она их приемная дочь. Часто бывает в Данках.

В тот же день поехал я в Петроверигский переулок, что недалеко от площади Дзержинского, к Ирине Николаевне.

Прежде всего поинтересовался судьбой штурмана.

— Умер в 1928 году.

— Приходилось ли вам видеть его?

— А как же! В их семье воспитывалась.

Я попросил Ирину Николаевну рассказать о Евгении Андреевиче. Каким же в ее сознании остался образ штурмана легендарного крейсера?

— Это исключительно порядочный человек. Ему были присущи такие черты, как деловитость, исполнительность, корректность и скромность. Не знаю случая, когда Евгений Андреевич обидел бы кого-нибудь.

Ирина Николаевна передала мне несколько фотографий Евгения Андреевича и письмо матери, написанное им перед боем.

Е. А. Беренс, 1904 г

Как же могло сохраниться письмо?

Старший штурман не отправил письмо. Письмо писалось на случай гибели и являлось как бы завещанием.

Его хранил вестовой. Но он умер, и его жена, обнаружив письмо, передала Ирине Николаевне.

Я поинтересовался, знает ли Вера Леонтьевна об этом письме.

— Нет, она его не читала. Принесли письмо недавно, когда Вера Леонтьевна была уже в Данках.

— Где жила мать Евгения Андреевича?

— В Тбилиси. Она — грузинка.

Вот о чем писал перед боем молодой офицер матери.

«Дорогая моя, милая, родная и любимая мама, пишу тебе при тяжелых условиях, может быть перед смертью, в случае которой письмо это должно попасть в твои руки.

Я не хотел уйти из жизни, не сказав тебе, что несмотря на видимые и наружные наши отношения, которые иногда может быть заставляли тебя сомневаться в моей любви к тебе, я тебя всегда и все время горячо любил и никогда не забывал о тебе.

Если и были между нами недоразумения и несогласия, из которых главным была моя женитьба, но это не дает повода думать, что мы чужды друг другу.

Вот по этому вопросу я и хотел потолковать с тобой. После меня Вера останется одна, без отца, матери и быть может братьев, которые также подверглись с нами опасности.

Забудь тогда, мама, ваши прежние с ней недоразумения и разницу в ваших взглядах и характерах.

Веру я люблю сильно и горячо, видел в ней всегда самую любящую, нежную и добрую жену, с которой мы прожили все время душа в душу, помогая друг другу в житейских неприятностях, деля радость и горе.

Приголубь ее, приласкай, стнесись к ней понежнее и поласковее, она очень чуткий человек и если увидит и почувствует искреннее к себе отношение, то вы будете друг другу поддержкой, к тому же вас должна соединить любовь ко мне, которая при моей жизни, может быть, и была причиной вашей розни, о которой не только я, но и Веруня, часто печалились.

Не оставь, мама, ее также материальной поддержки, если сможешь. Ведь пенсию она наверное получит грошевую, а своих средств, сама знаешь, не хватит.

Да и тебе, мамочка, будет легче, если при тебе будет человек, отношение и любовь которого ко мне тебе известны.

Пишу не гладко, тороплюсь, но не обращай внимания на форму, не до этого теперь. Я и собрался писать тебе при таких условиях и с такими просьбами потому, что это главный вопрос, меня интересующий, это, чтобы ты и Верочка, моя мать и жена действительно искренне любили друг друга и помогали бы одна другой в жизни, тем более, что у Верочки родные не в таких с ней отношениях, да и не такие люди, чтобы могли ей оказать нравственную поддержку, в которой она больше всего нуждается.

Тяжело мне расставаться с вами, очень тяжело, но от судьбы не уйдешь, жалобы напрасны. Твердо надеюсь, что мы с Мишей не погибнем вместе, у тебя останется два сына, у многих же будет хуже.

Итак, прощай, дорогая моя, родная и любимая, не оставляй бедной сироты, вдовы своего сына, у нее не будет также друзей в виде утешения и поддержки, так поддержи ты ее. Господь с вами, живите и любите друг друга.

Дорогого моего Сережку крепко целую, очень его любил. Славный, сердечный и хороший мальчик. Если обидел или огорчил, прошу искренне извинить.

Целую всех и тебя, мамочка, крепко. Твой сын Женя».

Прочитав письмо, я захотел как можно скорее увидеть жену штурмана «Варяга». Самым ранним поездом уехал в Серпухов. От станции прошел пешком по лесу около пяти километров.

В десятой палате застал Веру Леонтьевну прикованной к постели, ее разбил паралич. Она сама чувствовала, что больше не встанет на ноги. Я не старался и утруждать ее излишними расспросами.

Отрекомендовавшие, попросил ее рассказать о Евгении Андреевиче. Она говорила, а я записывал.

Вера Леонтьевна очень тепло говорила о своем муже, с которым она прожила дружно и счастливо. Она была с ним в Порт-Артуре, встречала в Одессе матросов «Варяга», вместе с

ними ехала в специальном поезде из Севастополя в столицу и видела, каким почетом и любовью награждал народ героев.

— Хлеб-соль на каждом полустанке! А что творилось на Невском! Казалось, что на проспект вышел весь Петербург. Ликованием встречала моряков столица.

О службе Евгения Андреевича после «Варяга» Вера Леонтьевна рекомендовала прочесть в газете «Красная Звезда».

— Революция застала нас в Риме. Муж был военно-морским агентом при русском посольстве. Как только узнал о революции в России, сразу же выехал в Петербург. Помню, писал мне в Рим: «Прав Ленин, я с большевиками».

Вторично с Верой Леонтьевной повидаться мне не удалось, вскоре она умерла.

Что же узнал я о дальнейшей судьбе штурмана «Варяга» в «Красной Звезде»?

8 апреля 1928 года в газете опубликовано сообщение о смерти Е. А. Беренса:

«Революционный Военный Совет СССР с глубокой скорбью извещает о преждевременной кончине после тяжелой болезни бывшего морского атташе в Англии, командира Рабоче-Крестьянского Красного Флота тов. Беренса Евгения Андреевича».

Вот некоторые сведения о нем из некролога:

Евгений Андреевич родился 30 октября 1876 года. Воспитывался в морском кадетском корпусе с 1889 по 1895 г. По окончании кадетского корпуса его произвели в мичманы и зачислили в 29-й флотский экипаж.

До 1910 года занимал ряд командных должностей во флоте (минным офицером на учебном судне «Верный», старшим штурманом на крейсерах «Забияка», «Варяг» и «Вестник»). С 1910 года по 1914 — военно-морским агентом в русских посольствах Германии и Голландии.

9 июня 1914 года его назначают командиром крейсера «Адмирал Невельский», а 15 июня 1915 года — военно-морским агентом в Италии. Там и застала его Октябрьская революция.

«Тов. Беренс, — сообщалось в некрологе, — был одним из тех честных беспартийных специалистов, которые с первых же дней Советской власти безглаголично примкнули к революции и отдали свои знания и свой опыт на служение трудящимся».

В 1918 году он назначается начальником морского генерального штаба. Старший штурман «Варяга» — первый начальник морского генерального штаба Советской России!

В 1919 году Беренс командует вооруженными морскими силами республики. В 1920 году назначен для особо важных поручений при Реввоенсовете республики.

После признания Англией Советского Союза Е. А. Беренс — военно-морской атташе при полномочном представительстве СССР в Англии, а в 1925 году по совместительству и военно-морской атташе во Франции.

1 декабря 1926 года его назначили для особо важных поручений при Наркомвоенморе и председателем Реввоенсовета СССР. Он принимал участие в Лозаннской международной конференции в качестве военно-морского эксперта советской делегации и в ряде конференций по разоружению.

«Лица, участвовавшие вместе с Е. А. Беренсом на всех этих международных конференциях, — пишет в этом же номере газеты Андрей Сабанин, — никогда не забудут прекрасную и благородную личность Евгения Андреевича. Полный эрудиции и знания, блестящий и опытный моряк, прямой и твердый человек, он невероятно импонировал всем другим участникам этих конференций и с блеском защищал дело своей страны. В личных отношениях он был прекрасный товарищ и очень облегчал тяжелую, подчас, обстановку, создавшуюся для нас на этих конференциях...»

Не только Красный флот, восстановлению и процветанию которого Е. А. Беренс до самого последнего времени уделял много сил, но и Народный Комиссариат по иностранным делам, понесли в его лице тяжелую и непоправимую потерю».

Гроб с останками скончавшегося 7 апреля Е. А. Беренса был помещен в зале клуба Первого Дома Реввоенсовета.

На траурном митинге от Реввоенсовета выразил глубокую печаль по поводу тяжелой утраты начальник Военно-Морских Сил РККА Муклевич.

— Евгений Андреевич, — сказал он, — был одним из тех военных специалистов, благодаря которым мы могли укрепить нашу военную мощь и обеспечить мирную обстановку для социалистического строительства. Блестящий офицер, дворянин, европейски образованный, с огромной эрудицией, он после революции не остался за границей, как многие его коллеги, а предпочел вернуться в нашу страну и работать вместе с рабочими и крестьянами над созданием нового государства. Это он обратился с открытым письмом ко всем белым офицерам-морякам, заявляя, что рвет навсегда с прошлым и примыкает к революции... Память о нем будет всегда хранить рабочий класс СССР.

Выдающийся военно-морской специалист, старый и опытный моряк, видный дипломат похоронен в Москве, на Ново-Девичьем кладбище.

Замечательный путь прошел старший штурман «Варяга»!

Судьба командира

Что стало с командиром легендарного «Варяга»?

По возвращении на Родину его оставили в Петербурге и назначили командиром 14-го флотского экипажа и эскадренного миноносца «Андрей Первозванный».

Однако командовать экипажем ему пришлось недолго. В ноябре 1905 года В. Ф. Руднева уволили в запас.

Почему был уволен офицер, чье имя тогда вполне заслуженно гремело не только в России? Как сложилась его дальнейшая судьба? Надеюсь найти ответ в его личном деле. Но там таких сведений не оказалось. Вот какие выписки я сделал тогда из него.

Всеволод Федорович в 1872 году поступил в морское училище и в августе 1877 года окончил его, произведен в мичманы и назначен командиром роты на крейсер «Африка». На нем участвовал в кругосветном плавании, продолжавшемся три года.

В 1891 году он стал командиром миноносца «Котлин». В течение последующих десяти лет он плавал командиром на броненосце «Адмирал Грейч», на миноносце № 102, на канонерской лодке «Гремящий». 10 декабря 1902 года его назначили командиром крейсера «Варяг».

Награжден орденами: георгиевским крестом 4-й степени, Станислава 2-й степени, Анны 2-й и 3-й степени, Владимира 3-й и 4-й степени, болгарским Александра 4-й степени, турецкими Меджидие 3-й степени и Османе 2-й степени, Сиамской короны 3-й степени.

Дальнейшую судьбу Всеволода Федоровича помогли установить читатели.

25 августа 1946 года в «Комсомольской правде» был помещен обзор писем, поступивших Демьянычу. В нем, между прочим, указывалось, что многие читатели интересуются дальнейшей судьбой командира «Варяга».

На следующий день пришло письмо от Клавдии Сергеевны Борисовой, проживающей в Москве по Староконюшенному переулку в доме № 25. Она писала:

«Последние годы своей жизни Руднев В. Ф. прожил в маленьком скромном имении близ ст. Тарусская, Алексеевского уезда, Тульской области (в настоящее время Заокского района, Тульской области). Я присутствовала на похоронах Руднева».

Скончался он приблизительно в 1915 году в селе Савине, верстах в трех от своего имения. Похороны были очень скромные, без воинских почестей. Гроб В. Ф. провожала толпа крестьян из окрестных жителей, знавших его славное имя.

После смерти Всеволода Федоровича его семья (жена и три сына) продала имение и уехала».

В письме сообщался телефон Клавдии Сергеевны. В тот же день я позвонил к ней. К моему огорчению, она не знала, куда уехала из Савино семья В. Ф. Руднева.

Быть может, в деревне кто знает? Послал письмо в Заокский райком комсомола. Надеюсь, что комсомольцы заинтересуются своим знатым земляком и помогут выяснить судьбу

Контр-адмирал в отставке В. Ф. Руднев.

его семьи. Ответ секретаря Заокского райкома комсомола Калининцевой только расстроил меня. Приведу его с некоторым сокращением:

«Письмо, адресованное Вами на имя Заокского РК ВЛКСМ, получено, но, к сожалению, в этом письме не имеется возможности ответить на все ваши вопросы, так как не удалось установить о дне смерти Руднева. Похоронили его в селе Савино, Савинского сельсовета, Заокского района около самой церкви. Церковь уже большой промежуток времени не работает, а т. к. она находится в самом селении, от могилы его ничего не осталось.

Установить о местонахождении его родственников, а в частности жены и детей, пока тоже не удалось...»

Поехал я в Савино. Прежде всего зашел в сельсовет. Его председатель Алексей Иванович Гаврилов, оказывается, сам участвовал в похоронах В. Ф. Руднева, он нес подушку с орденами.

По архивам сельсовета установили, что Всеволод Федорович умер 7 июля 1913 года в возрасте пятидесяти восьми лет. Где похоронили его?

Вместе с председателем сельсовета собрали мы около церкви всех, кто был на похоронах. Таких нашлось около тридцати человек. С их помощью и определили место, где захоронены останки командира легендарного крейсера.

Могила вскоре была восстановлена. Тульские ружейники отлили надгробную плиту, на ней выгравировали: «Здесь похоронен командир крейсера «Варяг» Всеволод Федорович Руднев, 1855—1913 гг.».

Где его семья?

Никто не мог ответить на этот вопрос.

— Слышали, что Николай Всеволодович погиб на строительстве...

И вот уже летом 1951 года ко мне на квартиру в Москве пришел Николай Всеволодович с супругой Марией Александровной.

Несколько часов прошло за беседой. Выяснились подробности увольнения Всеволода Федоровича с флота и стала известна его дальнейшая судьба.

В один из ноябрьских дней 1905 года в 14-м экипаже обнаружили большевистскую газету «Новая жизнь» и прокламацию «Требования матросов». Слова большевистской агитации и изложенные в листовке требования о предоставлении матросам общегражданских прав, о человеческом обращении, о сокращении срока службы нашли горячий отклик в экипаже. Шли совещания и митинги, матросы установили связь с рабочими.

Как же вел себя в этой обстановке командир? Он запретил офицерам вмешиваться в дела матросов. Когда об этом

узнали в морском министерстве, оттуда последовал В. Ф. Рудневу приказ: восстановить в экипаже спокойствие любым методом, вплоть до применения оружия.

Всеволод Федорович, в отличие от господствовавших тогда в армии и на флоте сторонников муштры, придерживался прогрессивных, демократических взглядов. Он, как вспоминал сын, зло высмеивал манифест царя от 17 октября 1905 года как лицемерный акт, рассчитанный на обман народа. Он отказался выполнить поступившее приказание о расправе с революционно настроенными матросами.

24 ноября Рудневу поступил новый приказ. На этот раз предлагалось немедленно отбыть с экипажем в Кронштадт. Царское правительство, боясь присоединения матросов к рабочим, решило отправить мятежный экипаж из Петербурга.

Но Руднев отказался выполнить и этот приказ. Не выполнил он и требования начальства об аресте и выдаче зачинщиков матросского бунта.

Рано утром 25 ноября Руднев был на приеме у командующего войсками округа великого князя Н. Н. Романова. Всегда выдержанный и уравновешенный, Всеволод Федорович в беседе с разгневанным князем стукнул кулаком по столу и высказал то, что думал о царизме.

Командующий потребовал самой строгой расправы с участниками митингов.

— Всех этих мерзавцев перестрелять, как бешеных собак!

— Нельзя же расстрелять всю Россию! — ответил командир экипажа.

На третий день последовал приказ об увольнении В. Ф. Руднева. По существовавшему в те времена закону о прохождении службы увольняемый в запас получал следующий чин. Звание контр-адмирала, согласно этому положению, получил и Всеволод Федорович.

Отчислили из морского кадетского корпуса и его сына Николая. Так была прервана морская родословная Рудневых, начатая еще при Петре Первом.

Всеволод Федорович, изгнанный с флота, в 1907 году уехал на родину, в Тульскую губернию, где и купил небольшое имение. Потомственный моряк вынужден был заняться сельским хозяйством.

Нетрудно представить, какой моральный удар нанесли В. Ф. Рудневу, уволив его с флота. Главной целью в жизни он считал морскую службу, безгранично любил море. Он сразу изменился, мучительно переживая учиненную над ним расправу.

— Скучал. Угасал на наших глазах, — вспоминает Николай Всеволодович. — Нервные потрясения подорвали здоровье, он заболел лейкозом. Часами просиживал за столом, писал мемуары.

А. М. Малахов.

Н. П. Ядров.

Лечил Всеволода Федоровича профессор Таубе. Но спасти так и не удалось. 7 июля 1913 года В. Ф. Руднев умер на руках сына Николая, тихо ушел из жизни.

Судьба крейсера

Дальнейшую судьбу легендарного крейсера помогли выяснить также читатели.

В «Комсомольскую правду» поступило письмо из Ленинграда от рабочего завода «Пневматика» Арсения Михеевича Малахова. Он сообщил, что служил на «Варяге» с 26 февраля 1916 года по 8 декабря 1917 года,

Я поехал в Ленинград и встретился с Арсением Михеевичем.

Японцы в 1905 году подняли крейсер с морского дна, отремонтировали и зачислили в свой военно-морской флот под названием «Соя». Он стал учебным кораблем, на нем гардемарины выходили в дальнее плавание. В 1916 году царское правительство купило крейсер у японцев.

При каких обстоятельствах «Варяг» возвратился на Родину? В годы первой мировой войны в Россию хлынул поток военных грузов. Царское правительство покупало во Франции, Англии, США и Японии вооружение и боеприпасы. Эти грузы

ввиду блокады Балтийского и Черного морей доставлялись только во Владивосток и Архангельск. Но Архангельский порт, как и железная дорога на Вологду, оказался не в состоянии принять возросший поток грузов. Стали спешно строить порт на Мурмане, железную дорогу к нему.

Во вновь построенный порт стали прибывать не только караваны с военным грузом, здесь появились и немецкие подводные лодки. Для охраны Кольского побережья от вражеских лодок царское правительство и решило создать на Севере флотилию Северного Ледовитого океана. В 1916 году для этой флотилии оно купило у японцев крейсера «Варяг» и «Пересвет», а также линейный корабль «Чесма», находившийся у них с русско-японской войны.

Крейсер «Варяг» причислили к Петроградскому гвардейскому экипажу. 27 февраля 1916 года из этого экипажа экспрессом отправили во Владивосток для приемки крейсера от японцев 75 специалистов: машинистов, кочегаров, минеров, гальванеров, комендоров. Подшкипером на «Варяг» ехал Арсений Малахов, машинным содержателем — Дмитрий Никон, кочегаром — Николай Антонов и писарем — Николай Ядров.

Встретился я и с мичманом запаса Николаем Павловичем Ядровым. Он во время службы на «Варяге» вел дневник. Из дневника я узнал, что 22 марта 1916 года матросы, прибывшие из Петербурга, перебрались на крейсер «Варяг», а японцы оставили его. 27 марта на крейсере подняли русский военноморской флаг, гюйс и вымпел. Экипаж стал готовиться к дальнему рейсу.

18 июня 1916 года в 4 часа вечера крейсер снялся с бочки в бухте Золотой Рог, а 11 ноября в 4 часа 20 минут вошел на рейд Александровска (ныне г. Полярный). Позади остались восемь морей и два океана, Суэцкий канал.

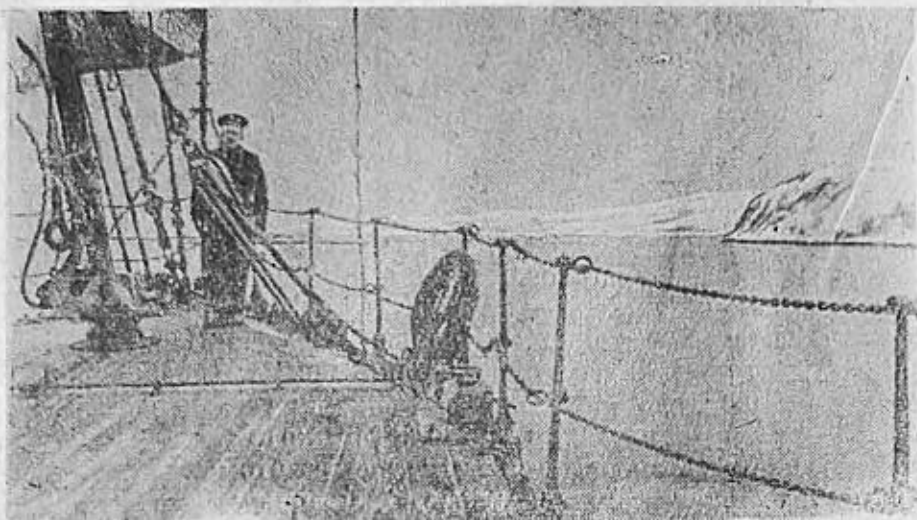
Легендарный крейсер в Кольском заливе находился до 25 февраля 1917 года, больше трех месяцев. В дневнике Николая Павловича есть несколько страниц о пребывании в Мурманске.

Вот они:

«11 ноября. Александровск. Наконец пришли в Александровск, ночью дали радио. Вышел встречать тральщик. Стали на якорь. Тьма непроглядная!

17 ноября. Романов-на-Мурмане*. Сегодня утром перешли в порт Романов. Названный порт заложен в сентябре с. г. В настоящее время работа по сооружению первой необходимости кипит. Проложена железная дорога. В январе предполагается открыть таковую. Бухта замечательная!

* Так назывался город Мурманск до установления Советской власти.

Крейсер «Варяг» на мурманском рейде. Часовой у гюйса.
Декабрь 1916 г.

18 ноября. Романов-на-Мурмане. Холодно. На горах снег. На берегу слышны стуки молотков, работа кипит, с каждым часом город растет. Сегодня вечером было хорошо видно северное сияние в разных формах.

23 декабря. Романов-на-Мурмане. Холодно, морозно. Пришла «Горислава». Неприветлив Север.

25 декабря. Романов-на-Мурмане. На верхней палубе мороз трескучий. В воде ноль градусов. Извергается испарение, образуется непроходимый туман. На баке вахтенный бьет рынду. Ожидаем почту, но с берегом нет сообщения. После обеда состоялся кинематографический сеанс.

29 декабря. Романов-на-Мурмане. Сегодня был в судовом кинематографе. Собираемся в Англию на ремонт. Мороз спал, на верхней палубе гулять можно.

3 января 1917 года. Романов-на-Мурмане. Пришла «Чесма».

25 февраля. Романов-на-Мурмане. В 10 часов 50 минут снялись с якоря на ремонт в Англию. С нами идут 150 летчиков. Попрощались с «Чесмой» и английским крейсером*.

Мурман находится на краю земли, но и сюда из Петрограда проникали тогда вести о нараставшем недовольстве рабочих и крестьян царским самодержавием, о волнениях на фабриках и в казармах.

В те дни среди моряков Мурманской флотилии вел страстную агитацию против царизма гальванер с тральщика № 37

Владимир Полухин*. Он получал большевистскую литературу из Петрограда. Большевистская литература поступала и на крейсер «Варяг».

Матросам «Варяга» не суждено было услышать на Мурмане долгожданную весть. О свержении царизма они узнали уже в пути.

На вторые сутки похода, когда крейсер проходил берега Норвегии, телеграфист Козеровский спустился в подшкиперскую — в носовую часть корабля ниже жилых помещений, где раньше находился носовой минный аппарат. Козеровский взволнованно, с радостью поведал Малахову:

— Поймал случайно немецкую депешу по радио... В России началась революция. Царь отказался от престола в пользу своего брата Михаила за себя и за наследника... Брат царя тоже успел отказаться от престола. Мы выехали из монархической России, а хорошо бы вернуться в социалистическую.

Телеграфист записал эту немецкую депешу в дежурный журнал и доложил вахтенному начальнику. Тот сразу же поспешил к командиру. Командир крейсера капитан 1 ранга фон Ден под большим секретом сообщил о случившемся в России офицерам.

Фон Ден настолько встревожился полученным известием, что решил срочно провести совещание офицерского состава вместе с находившимися на крейсере пассажирами. Но проводить такое совещание на корабле он не считал возможным, боялся, чтобы не подслушали матросы. Фон Ден приказал сменить курс.

Крейсер зашел в одну из бухт Шотландских островов. Все офицеры вместе с пассажирами сошли на берег. Там, как это стало впоследствии известно матросам, на совещании обсуждали создавшееся положение. Решили в пути не сообщать матросам о революции. Фон Ден опасался, как бы те не потребовали возвращения крейсера в Мурманск.

Революционно настроенные матросы на следующий день собрались в подшкиперской. Телеграфист Козеровский сообщил о перехваченной депеше.

Весть о свершившейся революции в России оказалась настолько неожиданной, что революционно настроенные матросы не знали, что им предпринять. Они не были уверены в том, что команда поддержит их, и поэтому решили сообщить ей об этом лишь по приходе в Ливерпуль. В целях предупреждения возможной диверсии со стороны офицеров организовали тайную охрану крейсера из числа надежных матросов.

6 марта, к концу дня, «Варяг» пришел в Ливерпуль.

* Владимир Федорович Полухин позднее партией был направлен комиссаром Каспийской флотилии и в числе 26-ти бакинских комиссаров расстрелян по указанию английских империалистов.

Утром 7 марта 1917 года после подъема флага раздался сигнал горниста «все наверх». Командир крейсера объявил, что в России началась революция и образовано Временное правительство.

— Никаких беспорядков на корабле не должно быть, — сказал фон Ден, — соблюдайте дисциплину и спокойно ожидайте указаний Временного правительства!

Вскоре командир уехал в Лондон. Уезжая, он распорядился никого на берег не пускать, даже офицеров.

После обеда команда стала доставать из пороховых складов на верхнюю палубу боевые снаряды и взрывчатые вещества. Работали дружно. У поднятых снарядов установили часовых. Баржи за снарядами подошли только на следующее утро. На них боезапасы увезли в английское адмиралтейство. Там предполагалось хранить их до завершения ремонта корабля.

Поздно вечером 8 марта «Варяг» ввели в доки Беркенхеда.

В доках крейсер ошвартовался у стенки. Утром на стенке толпилось много докеров, которые восторженно кричали:

— Фри Роша! Свободная Россия!

В руках многих докеров были газеты с новостями из России. От докеров эти газеты попали на корабль. Телеграфист Козеровский хорошо владел английским языком. Он читал газеты, матросы жадно ловили новости с Родины.

Больше суток на крейсере ждали возвращения командира. Наконец, он приехал. Вместе с ним прибыл на крейсер русский консул в Ливерпуле. По сигналу матросы собрались на шканцах. Командир еще раз объявил матросам об образовании Временного правительства из членов Государственной думы.

Фон Ден лицемерно говорил:

— Россия объявлена свободной. Мы все стали свободные граждане. Теперь разделения между нами нет...

Послышались возгласы: «Да здравствует свобода!» Под крики «ура» на мачте матросы самолично подняли революционный флаг.

Красный флаг над «Варягом»!

После командира выступил консул, который сказал, что война с Германией должна продолжаться до полной победы. Однако речь консула не вызвала у матросов ни малейшего восторга.

После сбора матросы стали срывать с себя погоны и царские медали и бросать их за борт.

Матросам разрешили идти на берег. На улицах английские рабочие их приветствовали возгласами: «Фри Роша!», «Свободная Россия!».

9 апреля 1917 года в Ливерпуле, в городском театре, состоялся митинг всех русских граждан, находившихся в городе.

Матросы «Варяга» пошли на митинг организованно. На стенке у крейсера они построились в походную колонну. К ним присоединились моряки с русских торговых пароходов, стоявших в порту, и сотрудники русского консульства. Образовалась большая колонна. Тут же подняли революционные флаги и плакаты. Колонна, сопровождаемая английскими рабочими, двинулась по улицам города с революционными песнями.

...Шли недели, а к ремонту корабля не приступали. Вскоре выяснилось, что Временное правительство решило к ремонту крейсера не приступать и оставить его до конца войны в Ливерпуле. Часть команды предполагалось отправить в США за приобретенными там тральщиками, а остальных возвратить в Россию.

В последних числах марта половину команды «Варяга» отправили в Мурманск. Командир постарался избавиться от революционно настроенных матросов. Он стремился всех их отправить с первой партией.

Отбыли и те, которых назначили в Америку для приемки яхт и тральщиков. Оставалось на «Варяге» еще 50 матросов, они упаковывали в ящики корабельное имущество.

В конце мая, когда все имущество было уже упаковано, отправили в Россию еще сорок матросов, и на «Варяге» осталось всего лишь десять человек, в том числе и поджилиер Арсений Малахов.

Днем и ночью на крейсере стояли на вахте по четыре матроса. Свободные от вахты уходили днем на берег, а к ночи возвращались на корабль.

Оставшихся часто навещал инженер-механик капитан второго ранга Андреев, который жил на берегу. Он хорошо владел английским языком и информировал матросов о положении в России.

В один из августовских дней с крейсера заметили на рейде андреевские флаги. Это пришли из Америки яхты, купленные там для флотилии Северного Ледовитого океана. Они зашли в Ливерпуль за топливом. Яхты стояли на рейде: англичане не давали угля. Через трое суток их также ввели в доки Беркенхеда.

Бывшие матросы «Варяга» стремились скорее увести яхты на Родину, но англичане чинили всяческие препятствия.

Наконец, наступил октябрь, и совершилось то, о чем мечтали матросы. Русские рабочие свергли буржуазное правительство и взяли власть в свои руки.

После Великой Октябрьской социалистической революции английское правительство не признало Советскую власть. Ни один пароход не шел в Россию, а также и из России в Англию. Англичане прекратили выдачу угля и денег. Но матросы «Варяга» продолжали нести службу. На нем ежедневно

поднимали в 8 часов утра андреевский флаг, а на грот-мачте — красный флаг.

В конце ноября 1917 года приехал на крейсер представитель Советской России в Англии М. М. Литвинов. Он рассказал матросам о действительном положении в России и дал указания, что должны они предпринять в дальнейшем.

М. М. Литвинов побывал и на яхтах. Он посоветовал отстранить от командования тех офицеров, которые препятствуют уходу яхт из Англии в Россию. Офицеры, узнав о намерении моряков отстранить их от командования, поспешили сообщить об этом военным властям.

Английские военные власти с вечера сосредоточили полк солдат в районе дока. В три часа ночи, когда экипажи спали, английские матросы с миноносцев, стоявших рядом с яхтами, ворвались на суда, арестовали вахтенных и стали выводить из кубриков в одном ночном белье русских матросов на берег. На берегу их окружили английские солдаты с винтовками на изготовку и отвели в тюрьму. Наутро на яхтах развевались уже английские флаги.

Арестованных матросов поместили в одиночные камеры. Английские офицеры не раз уговаривали матросов перейти в английское подданство и поступить на службу в военно-морской флот Великобритании. Но русские моряки наотрез отказались участвовать в войне на стороне Англии и требовали скорейшего возвращения на Родину.

8 декабря 1917 года часов в десять на крейсер пришел взвод английских матросов. Офицер на ломаном русском языке предложил морякам срочно забрать личные вещи и удалиться с крейсера на берег.

Этот же офицер приказал английским матросам сорвать и бросить в воду андреевский военно-морской флаг, а на мачту поднять английский флаг. По приказу английского офицера с крейсера были изгнаны и русские моряки.

Матросы «Варяга» собрались на берегу и послали одного из товарищей к инженер-механику Андрееву. Через два часа он приехал и устроил матросов на временное жительство в Морской дом. Только в первых числах марта 1918 года моряки, изгнанные с «Варяга» и яхт, прибыли на пароходе в Мурманск и отсюда разъехались по родным местам.

Арсений Малахов в Петрограде встретил своих друзей: Николая Ядрова, Дмитрия Никонова и Николая Антонова, возвратившихся из Англии с первой партией летом 1917 года. Все они участвовали в штурме Зимнего дворца и служили в Советском Военно-Морском Флоте.

«Варяг» пережил вторую трагедию. В первый раз, находясь в корейском порту Чемульпо, он очутился в ловушке и стал жертвой коварства японских империалистов. На этот раз он стал жертвой вероломства английских империалистов.

Что стало с ним дальше?

Вот что прочитал я в московской газете «Заря России» в номере за 9 июня 1918 года: «По полученным сведениям, 5 июня 1918 года утром в Гренландском море, между Ливерпулем и Глазго потоплен миной русский крейсер «Варяг» с английской командой». Однако никакая другая газета России эту версию, распространенную англичанами, не напечатала. Правдоподобна ли она?

В дни юбилея

Приближалось 9 февраля 1954 года.

Николай Всеволодович Руднев обратился в правительство с предложением отметить пятидесятилетие со дня героического подвига моряков крейсера «Варяг». Его письмо было самым внимательным образом рассмотрено в Совете Министров Союза ССР и в Центральном Комитете КПСС.

Стал готовиться к юбилею и Центральный Дом Советской Армии. Было решено провести торжественный вечер.

— Не пригласить ли на вечер участников боя?

Начальник ЦДСА генерал-майор А. Ф. Устьянцев, принявший самое деятельное участие в подготовке вечера, живо ухватился за эту мысль.

Полетели телеграммы в Ленинград, Киев, Ташкент, Ростов-на-Дону, Пермь, Тулу, Владимир, Астрахань, Воронеж, Рязань...

Не все матросы «Варяга», которых удалось вызвать мне за прошедшие семь лет, дожили до юбилея. Печальные телеграммы пришли из Владимира и Перми. Умерли К. В. Хватков и Г. П. Снигирев. Похоронили Л. Г. Бесчетнова.

С 3 февраля начали прибывать в Москву дорогие гости. Их гостеприимно встречали в ЦДСА.

Кто же из матросов «Варяга» прибыл тогда на юбилей?

Старшина трюмных отсеков Федор Федорович Семенов. Он самый старший из всех гостей. 7 февраля друзья поздравили его с пятидесятилетием. Федор Федорович тогда еще работал в хлопководческом совхозе «Пахта-Арал» Южно-Казахстанской области. Герой «Варяга» принимал участие в гражданской войне, был партизаном в Крыму в 1918—1920 гг. Он — член нашей славной Коммунистической партии.

Вестовой командира крейсера Тихон Прокофьевич Чиби-сов. Тогда он еще работал в родном селе объездчиком колхозных полей.

Матрос первой статьи Петр Егорович Поликов. Он — коммунист, тридцать лет беспрерывно проработал слесарем на тепловой электростанции в Электрогорске, Московской области.

Горнист Иван Федорович Ярославцев. Все его четыре сына в годы Великой Отечественной войны находились на фронтах, трое из них погибли, защищая социалистическую Родину.

Комендор Василий Иванович Крутяков. Во время боя командовал орудием на левом борту крейсера. С первых дней организации колхоза вступил в члены артели имени С. М. Кирова и работал плотником. В годы минувшей войны два сына Василия Ивановича находились на фронте, один из них погиб.

Комендор Дмитрий Степанович Заледеев. Во время боя находился на грот-мачте у пушки. В дни юбилея Дмитрий Степанович еще работал на Ленинградском мясокомбинате.

Минер Василий Федорович Бакалов. Он после «Варяга» служил на броненосце «Георгий Победоносец» и принимал участие в революционном восстании вместе с матросами «Потемкина».

Боцман крейсера Прокофий Максимович Кузнецов. Ему пришлось в бою подводить пластырь под корпус на местах пробойн. Около двадцати пяти лет трудился герой в колхозе «Ленинский путь».

Подшкипер Андрей Иванович Шкетник. Во время боя он находился на верхнем мостике, определяя расстояние до вражеских кораблей для артиллерийской стрельбы, был тяжело ранен. Почти тридцать лет проработал Андрей Иванович на Киевском молочном комбинате старшим мастером и двенадцать лет являлся редактором заводской стенгазеты.

Минер Лукьян Григорьевич Мазурец. Он прибыл на юбилей из Волынской области. Во время боя с японской эскадрой был контужен.

На вечере были Адольф Доминикович Войцеховский и Степан Давыдович Крылов.

Центральный военно-морской музей устроил в ЦДСА интересную выставку. На ней были представлены модели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», портреты командиров этих кораблей В. Ф. Руднева и Г. П. Беляева, многочисленные подарки, преподнесенные героям «Варяга» в 1904 году.

8 февраля в ЦДСА состоялся торжественный вечер, посвященный 50-летию со дня героического подвига моряков крейсера «Варяг».

Краснознаменный зал в праздничном убранстве. Вывешены флаги расцвечивания. В глубине сцены — огромная картина о неравном бое «Варяга» с японской эскадрой. У военно-морских флагов — почетный караул, который несли отличники боевой и политической подготовки.

В президиуме — легендарный полководец гражданской войны Маршал Советского Союза С. М. Буденный, генералы

Ф. Ф. Семенов.

Т. П. Чибисов.

В. И. Крутяков.

П. М. Кузнецов.

и адмиралы. Вместе с ними места в президиуме заняли моряки легендарного «Варяга», а также сын командира крейсера Н. В. Руднев.

Открывая заседание, Главнокомандующий Военно-Морским Флотом Советского Союза Н. Г. Кузнецов указал, что матросы «Варяга» и «Корейца» в неравном бою против целой эскадры японского флота проявили высокий пример воинской дисциплины, доблести и самоотверженного служения своей Родине, стяжали себе бессмертную славу, которой гордятся советские люди.

— Мы, — заявил адмирал флота, — склоняем свои боевые знамена перед светлой памятью героев, погибших в этом бою с врагами нашего Отечества.

Главком сердечно приветствовал матросов легендарного крейсера и пожелал им долгих лет жизни и здоровья. В заключение он заявил, что воины Советской Армии и Военно-Морского Флота, воспитанные Коммунистической партией, отстояли в боях честь, свободу и независимость нашей Родины, показали непревзойденные образцы выдержки, стойкости, мужества и отваги и, верные своему воинскому долгу, стоят на страже мира и безопасности Советского государства.

Мне была оказана большая честь — представить героев «Варяга» участникам торжественного заседания.

Доклад о пятидесятилетии героического подвига моряков крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» сделал адмирал В. А. Андреев. Он сообщил, что все присутствующие на вечере матросы «Варяга» награждены медалью «За отвагу», Советское правительство установило им персональные пенсии.

Участники заседания громкими аплодисментами встретили сообщение докладчика о том, что Совет Министров Союза ССР поручил Министерству обороны установить памятник командиру легендарного крейсера.

После доклада на вечере выступили С. Д. Крылов и Ф. Ф. Семенов, а также Н. В. Руднев.

— Спасибо Коммунистической партии, — сказал самый старый варяжец Ф. Ф. Семенов, — спасибо нашему правительству за проявленную заботу о героях «Варяга», за то, что собрали нас со всех уголков Советского Союза и пригласили в Москву на торжественный юбилей.

Обращаясь к Главнокомандующему Военно-Морским Флотом, он от имени приглашенных на вечер матросов сказал:

— А вас, товарищ адмирал флота, благодарим за теплый прием, оказанный нам в Москве. Мы просим вас передать всем советским морякам нашу деловую благодарность. Они хорошо показали себя в Великой Отечественной войне и сейчас зорко охраняют морские рубежи нашей Родины.

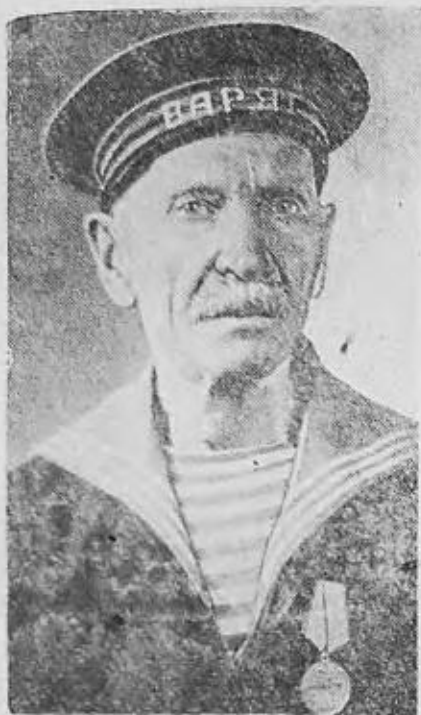
Памятник В. Ф. Рудневу в Туле.

Н. В. Руднев также выразил глубокую признательность Коммунистической партии и Советскому правительству за память об его отце.

В дни юбилея матросы прославленного крейсера встречались с рабочими одного из московских машиностроительных заводов, со студентами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, слушателями Военно-политической академии им. В. И. Ленина, побывали на могиле В. Ф. Руднева и возложили на нее венок. С. Д. Крылов, Ф. Ф. Семенов, Т. П. Чибисов и Д. С. Залидеев выезжали в Ленинград, где побывали в гостях в городском Дворце пионеров, у нахимовцев, у курсантов военно-морского училища и у моряков Кронштадта. Всюду отважных сынов нашей Родины встречали тепло и сердечно.

Вскоре памятник В. Ф. Рудневу был установлен в Туле, на площади у Комсомольского парка. 30 сентября 1956 года состоялось торжественное открытие его. На открытии присутствовали машинист крейсера С. Д. Крылов, вестовой командира Т. П. Чибисов, матрос первой статьи М. С. Сергеев, а также Н. В. Руднев. Не смог приехать А. Д. Войцеховский, он лежал прикованным болезнью к постели (в 1958 году он умер).

Памятник изготовлен молодым, но способным скульптором И. Г. Онищенко. Высота памятника — семь метров. На гранитной плите, установленной около памятника, бронзовый

М. Д. Владимиренко.

П. С. Рудой.

И. И. Сивун.

С. Г. Александров.

П. А. Ильин.

П. С. Шиннов.

Ф. Я. Веррева.

С. М. Матасов.

барельеф, изображающий бой «Варяга» с вражеской эскадрой, а на оборотной стороне ее — рассказ о героическом подвиге русских моряков.

Сжав в руке бинокль, зорко смотрит вдаль Всеволод Федорович, доблестный офицер русского флота. Туляки высоко чтят память своего знатного земляка.

На этом можно было бы закончить рассказ о поисках героев «Варяга» и их судьбах. Но этот рассказ не будет полным, если не сказать о письмах, поступивших в редакции центральных газет после опубликования Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении медалью «За отвагу» моряков крейсера «Варяг».

Как только опубликовали Указ, снова полетели неожиданные письма. Их прислали еще тридцать участников боя под Чемульпо. Среди них комендор Г. В. Шпортун, машинисты А. Д. Жорин и К. И. Болдырев, старший минер И. И. Сивуч, хозяин второго цилиндра правой машины С. М. Матасов, старший санитар М. Д. Владимиренко, матросы Ф. Я. Веррева, П. А. Ильин, И. Я. Илюшечкин, М. С. Касьянов и другие.

Писали в те дни не только герои, но и читатели. Инженер Свислочьского стекольного завода «Октябрь» П. Г. Дрозд сообщил, что в Ленинграде на Красной улице в доме № 50 живет комендор «Варяга» Павел Саввич Рудой. После демобилизации в 1906 году герой поступил сортировщиком корреспонденций на Петербургский главный почтамт, на котором и проработал 35 лет. В тяжелые дни 1941 года Павел Саввич оставил почтамт и поступил в военизированную охрану оборонного завода. Он награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Прислал письмо инструктор Удмуртского обкома партии Н. И. Кондратьев. В деревне Чепаниха Завьяловского района, — сообщал он, — живет матрос «Варяга» Иван Никифорович Шутов. 6 сентября 1958 года общественные организации района чествовали героя в день его восьмидесятилетия. Ему вручили Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР и приветственный адрес Военного совета Уральского военного округа. Ивана Никифоровича сердечно поздравил его друг по крейсеру «Варяг» Сидор Григорьевич Александров, приехавший на юбилей из Татарской АССР. Гостю самому в том году было 85 лет.

24 августа 1954 года Указ о награждении медалью «За отвагу» был распространен еще на тридцать участников боя. 10 марта 1955 года наградили медалью трех варяжцев и 9 августа — двух.

Итак, медалью «За отвагу» награждены пятьдесят матросов с «Варяга» и «Корейца».

Часть II

ГЕРОИ „ПОТЁМКИНА“

*Броненосец «Потемкин»
остался непобежденной территорией
революции
В. И. ЛЕНИН*

Поездка в Одессу

Встреча с Войцеховским на большой фронтовой дороге позволила выявить многих героев «Варяга». Но ведь Войцеховский, как он об этом мне говорил не раз, продолжал службу после «Варяга» еще на броненосце «Потемкин». Признаюсь, не сразу поверил тому, что Войцеховский участвовал в революционном восстании на броненосце «Потемкин» в июне 1905 года. Неужели, думал я, ему посчастливилось служить на двух прославленных кораблях русского флота?

В июле 1946 года мы ехали с ним в Кронштадт. В Ленинграде была кратковременная остановка. В те дни я зашел в Государственный архив Военно-Морского Флота и заинтересовался, какие документы здесь хранятся о вооруженном восстании на броненосце «Потемкин». Оказывается, там хранится все дело департамента полиции об этом событии. Мне показали «список нижних чинов 36-го флотского экипажа, находившихся на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и подлежащих задержанию, обыску и препровождению в распоряжение Военного прокурора в г. Севастополе». В нем за № 82 значится матрос первой статьи Войцеховский Адольф.

Этот список департаментом полиции был разослан по всем губерниям. Стало быть, еще в 1905 году жандармерия разыскивала А. Войцеховского, чтобы задержать и препроводить его в распоряжение флотского военного прокурора.

Тогда же я познакомился с материалами следствия по делу о вооруженном восстании на «Потемкине». Боцман Мурзак в своих показаниях характеризовал матроса А. Войцеховского как активного участника восстания.

После ознакомления с архивными документами у меня не осталось сомнения в том, что А. Войцеховский после «Варяга» служил на «Потемкине».

Вооруженное восстание на броненосце «Потемкин» — волнующее событие. Это славный, величественный подвиг русских моряков, получивший очень высокую оценку Владимира Ильича Ленина. Великий вождь указывал, что громадное значение одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма — целый броненосец — перешла открыто на сторону революции.

После вооруженного восстания команды «Потемкина» солдатским и матросским массам стала более понятной и близкой мысль о необходимости присоединения к рабочему классу, к народу.

Восстание на «Потемкине» имело и международное значение. «Переход «Потемкина» на сторону восстания, — писал В. И. Ленин, — сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами».

Конечно, событие на «Потемкине» имеет несравненно большую общественную значимость, нежели подвиг «Варяга». Мне, естественно, захотелось узнать, как в те знаменательные дни, когда на «Потемкине» в течение одиннадцати дней реяло Знамя революции, вел себя матрос с «Варяга». А узнать об этом я надеялся с помощью друзей А. Войцеховского.

Демьяныч не без гордости рассказал о событиях на «Потемкине». От него я узнал много нового о восстании, его воспоминания значительно дополнили то, что я знал об этом знаменательном событии по книгам. Как было бы важно разыскать потемкинцев, собрать воспоминания и рассказать о судьбе героев!

— Кто еще жив с «Потемкина»? — спросил я Демьяныча.

— Не знаю. Как вернулся из Румынии — ни с кем не встречался.

Как же разыскать героев «Потемкина»? Где они? Не может быть, думал я, чтобы в Одессе, где произошло это знаменательное событие, не знали о потемкинцах. И летом 1950 года, получив очередной отпуск, я поехал с А. Войцеховским в Одессу. Ехал с надеждой встретить там его друзей по «Потемкину».

В день приезда мы были в областном отделении Общества по распространению политических и научных знаний. Я поинтересовался, не живет ли кто-либо из потемкинцев в городе. Секретарь правления Р. М. Ленский сообщил, что на судостроительном заводе работает Фишков.

— Фишков? — переспросил Войцеховский. — Зиновий Фишков служил у нас минно-машинным квартирмейстером.

— Знал ли его? — спросил я у Войцеховского.

— А как же! Не раз встречались с Зиновием за Малаховым курганом на матросских сходках... Виделся с ним и в Румынии, в Брилеве. Встретиться бы!

Из Общества тут же позвонили секретарю парткома завода и передали просьбу Демьяныча.

Вечером Зиновий Игнатьевич пришел к нам в гостиницу, и я наблюдал первую встречу потемкинцев. З. И. Фишков не виделся с А. Д. Войцеховским почти сорок пять лет. Многие изменилось за эти годы. Изменились за полвека Фишков и Войцеховский, они не смогли даже узнать друг друга. Но беседа завязалась между ними сразу. Они стали вспоминать о друзьях.

— Не помнишь ли Василия Никишкина? — спросил Фишков.

— Кочегаром служил...

— Он был моим самым лучшим другом.

— Частенько с евангелием ходил по кубрикам, — напомнил Войцеховский.

Зиновий Игнатьевич рассказал, как Василий Никишкин умело использовал евангелие для скрывания социал-демократических прокламаций от глаз доносчиков и провокаторов. Однажды кочегар пригласил минно-машинного квартирмейстера в кубрик. И каково было удивление Фишкова, когда тот увидел друга за евангелием. Тот читал монотонно, нараспев.

«Зачем же пригласил?» — подумал Фишков. У него не было никакого желания, в прохладный летний вечер сидеть в душном кубрике да еще слушать божественное чтение. Он было собрался выйти, но в руках у Василия появилась прокламация. Голос кочегара зазвучал тише, но куда увереннее и крепче, чем при чтении евангелия.

— Ловко же путал следы Никишкин! — заметил Войцеховский.

Социал-демократические прокламации он приносил на корабль с берега, спрятанными в евангелие. Ни вахтенные офицеры, ни боцман, проверяя возвращавшихся с увольнения матросов, ни разу не спросили у Никишкина евангелие для проверки. Они и не предполагали, что между страницами этой книги прятались листовки с призывами к свержению власти помещиков и капиталистов. Евангелие в руках большевистского агитатора становилось тайником, в котором он укрывал от своих начальников и шпионов социал-демократические листовки.

Страстный пропагандист большевистских идей по воле команды стал одним из руководителей революционного броненосца.

Вспоминали друзья о скитаниях на чужбине, о жизни после возвращения на Родину.

Зиновий Игнатьевич, как и А. Д. Войцеховский, прожил в Румынии двенадцать лет, возвратился в Одессу в 1917 году, поступил тогда же инструментальщиком на судостроительный завод. Более тридцати лет потемкинец проработал на этом заводе!

Беседа друзей, по-видимому, продолжалась бы до утра, но Зиновию Игнатьевичу надо было рано идти на работу. Уже в третьем часу ночи, нехотя, покинул он гостиницу. Провожая его до дому, я поинтересовался:

— Встречаетесь ли с кем-нибудь из потемкинцев? Быть может, переписываетесь?

— До войны частенько встречались с Петром Варламовичем Алексеевым, машинистом служил на броненосце. Но его уже нет в живых.

— Не знаете ли родственников Петра Варламовича?

— Слышал, жена его вернулась из эвакуации, но где живет, не знаю.

С Зиновием Игнатьевичем мы встретились и на следующий день. На этот раз он рассказывал об Алексееве.

В одно из воскресений мая 1905 года Василий Никишкин повел Фишкова за Малахов курган. Там в одной из балок собрались революционные матросы на свою сходку. Позвал Василий к себе Алексеева и, обращаясь к Фишкову, сказал:

— Будьте друзьями!

Из разговоров с машинистом Зиновий узнал, что Алексеев еще до призыва служил в Одессе на одном из пароходов торгового флота. Не один раз они после знакомства вместе ходили на нелегальные матросские сходки и там слушали призывы ораторов-большевиков к вооруженному восстанию против царизма. Не раз они по поручению Никишкина доставляли прокламации на корабль.

Машинист принял активное участие в вооруженном восстании на корабле. Петр Варламович с 1905 года по 1917 год также скитался на чужбине, а после свержения ненавистного царского режима возвратился на Родину, в Одессу.

Кроме Алексеева, Фишков после возвращения на Родину ни с кем из потемкинцев не встречался.

Второй день пребывания в Одессе принес нам новые радости. В тот день в городе проходило совещание учителей железнодорожных школ. На это совещание пригласили А. Д. Войцеховского. Преподаватели тепло приветствовали Демьяныча и с большим вниманием выслушали его воспоминания.

После выступления А. Д. Войцеховского на совещании объявили перерыв, и старик оказался в плотном окружении учителей. Уже раздался звонок, возвещавший об окончании перерыва, но беседа продолжалась, преподаватели жадно слушали героя «Варяга» и «Потемкина».

— Детям расскажем о встрече с вами. Непременно расскажем.

— Не помните ли Кашугина? — волнуясь, спросила Демьяныча учительница.

— Кашугина? Как же! Служил на «Потемкине» машинистом.

— Я его дочь.

— Дочь Феодосия?! Очень рад познакомиться, — Войцеховский протянул молодой учительнице руку.

— Где отец? Жив?

— В Кировограде. Работает в райкоме партии.

— Хорошо бы повидаться с ним...

Взволнованная встречей с Войцеховским, учительница ничего больше не сказала. Совещание продолжало работу, а мы с Демьянычем ушли, задумавшись. Как же встретиться с Кашугиным? Не поехать ли в Кировоград?

Но ехать туда не пришлось. Через два дня пришел к нам в гостиницу сам Феодосий Яковлевич Кашугин. Оказывается, его дочь сразу же после встречи с Войцеховским отправила телеграмму в Кировоград. Получив ее, Феодосий Яковлевич немедленно собрался и поехал в Одессу. С вокзала он направился сразу же в гостиницу, ему хотелось скорей встретиться с другом.

Не сразу узнал Войцеховский Кашугина. Но живо развернулась беседа. В их памяти всплывали все новые и новые факты из жизни команды революционного броненосца, назывались все новые и новые фамилии.

Как ни странно, но и на этот раз воспоминания начались с того же кочегара.

— А не помнишь ли Никишкина? — спросил Кашугин у Войцеховского.

Оказывается, страстный пропагандист, каким был на «Потемкине» Василий Никишкин, оставил след в сознании у многих матросов. Он познакомил с социал-демократической литературой и машиниста Кашугина, водил его на нелегальные матросские сходки.

Особенно глубоко в памяти у машиниста осталась первая сходка, состоявшаяся в мае 1905 года.

Когда пришел по явке Кашугин в балку, там уже митинговали. Говорил гражданский и убеждал матросов в необходимости продолжать войну с Японией до победного конца. А потом, дескать, будем бастовать и требовать созыва Учредительного собрания.

После него выступил матрос и давай крыть гражданского.

— Вот и хорошо, что царизм терпит поражение... Нужно готовиться к вооруженному восстанию!

Со сходки Кашугин ушел с Никишкиным.

— Который говорил правильно? — спросил кочегар, желая узнать мнение машиниста.

— Первый в своем ораторстве говорил по закону божьему: ударили в одно ухо, подставь и второе.

— Правильно! — рассмеялся Никишкин.

— А вот второй понравился мне. Понял я, что свободу царь не даст; ее нужно завоевать.

— Ты только никому не говори, что встречались в лесу, — напутствовал кочегар. — Заходи ко мне вечером.

На другой день Кашугин зашел к кочегару, и тот дал ему почитать евангелие. Но в нем оказалась вшитая запрещенная брошюра, излагавшая правду о положении на фронте.

По воспоминаниям З. И. Фишкова и Ф. Я. Кашугина о Василии Никишкине вырисовывался замечательный образ революционного матроса, страстного пропагандиста социал-демократических идей. «Надо разыскать его», — подумал я.

— Жив ли Никишкин? — поинтересовался я.

— Погиб в Феодосии, — почти одновременно ответили Кашугин и Войцеховский.

Полицейская пуля оборвала жизнь Василия Захаровича Никишкина, когда он вместе с товарищами 23 июня 1905 года пытался захватить в Феодосийском порту шаланду с углем для «Потемкина».

А как же сложилась судьба коммуниста Ф. Я. Кашугина?

После того, как потемкинцам не удалось захватить уголь в Феодосии, броненосец ушел в румынский порт Констанцу, и там революционные матросы сошли на берег как политические эмигранты. Кашугин сдавал машины румынам. Пока шла передача, к броненосцу подошла русская эскадра, гонявшаяся в течение нескольких дней по морю за революционным броненосцем. Машиниста схватили и доставили в Севастополь. Военно-морской суд приговорил Кашугина к шести годам каторги, которую он отбывал в Забайкалье.

Революция застала героя на ст. Магдачи, где он работал осмотрщиком вагонов. В 1923 году Феодосий Яковлевич вступил в ряды Коммунистической партии.

— Не встречаетесь ли с кем-нибудь из потемкинцев? — спросил я Кашугина.

— Нет, ни с кем не виделся после суда.

Каждый вечер собирались в номере потемкинцы. Теперь их было уже трое. Они часами просиживали за воспоминаниями. Я внимательно слушал и старался как можно подробнее записать их рассказы. Я был очень доволен, что приехал в Одессу.

На пятый день мне позвонили из санатория. Больные прочли в газете о встрече Войцеховского с учителями и сообщили, что вместе с ними лечится машинист с «Потемкина» Алексей Федорович Царев.

Эта фамилия в тот момент мне ни о чем не говорила. Ничего о нем не мог сказать и Войцеховский.

— Не помню такого, — ответил он мне.

Войцеховский остался в гостинице, а я поехал в санаторий. Хотелось поскорее встретиться еще с одним потемкинцем.

Застал я его в парке за чтением «Правды». Знакомимся. Прошу Алексея Федоровича кратко рассказать о своей жизни.

Мой собеседник оказался старым большевиком, он действительно служил на броненосце «Потемкин» машинистом и активно участвовал в подготовке вооруженного восстания. Так же, как Войцеховский и Фишков, с 1905 по 1917-й год прожил в Румынии. Возвратившись на Родину, Царев сразу же включился в строительство новой жизни на станции Рузаевка. В 1925 году

А. Ф. Царев.

З. И. Фишков.

переехал в Молдавию. Приехал он на отдых в Одессу из Тирасполя.

— С кем дружили на «Потемкине»? — поинтересовался я.

— Друзей было много. Никогда не забуду Евгения Резниченко.

Машинный квартирмейстер Евгений Карпович Резниченко приходится Цареву как бы крестным отцом, партийным папашей. Это он наставил его на путь революционной борьбы. Резниченко приглашал машиниста сначала на нелегальные матросские сходки, а потом стал давать ему прокламации и листовки.

Однажды Резниченко услышал, как Алексей поет. Он посоветовал непременно записаться в хор.

— Начальство это ценит, а нам на руку!

Резниченко познакомил молодого машиниста с артиллерийским унтер-офицером Григорием Вакуленчуком.

— Мы с ним заодно действуем. Это хороший человек!

От Вакуленчука Царев стал получать более сложные и более ответственные задания. Надо было уметь скрытно от начальства пронести с берега на корабль запрещенную литературу. И это не все. В случае провала ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, вплоть до расстрела, не выдавать тех, кто дал литературу и кому ее следовало вручить на броненосце.

— Не подведешь? — спросил Вакуленчук, вручая сверток с листовками в первый раз.

— Умру, но не скажу.
— Зачем умирать? — шутливо заметил Григорий. — Пронести надо, чтобы не заметили.
— Будьте уверены, — ответил Царев.
В момент восстания машинист Алексей Царев оказался в числе тридцати матросов, которых командир броненосца Голиков хотел накрыть брезентом и расстрелять за неповиновение. Но команда не позволила тирану учинить дикую расправу. Спасенный от смерти машинист немедленно примкнул к восставшим.

— А не помните ли машиниста Кашугина?
— Знал такого.

Когда я сообщил Алексею Федоровичу, что Кашугин в Одессе, он обрадовался этому.

Вечером в гостинице собрались уже четыре потемкинца. И снова, как и в прошлые встречи, начались воспоминания о незабываемых революционных днях 1905 года.

Григорий Вакуленчук — вожак команды

Алексей Федорович Царев внес совершенно новый дух в беседы, на которые продолжали по вечерам собираться в гостинице потемкинцы: они стали более содержательными. От него мы узнали, что нелегальные матросские сходки, на которых участвовали накануне восстания А. Войцеховский, З. Фишков и Ф. Кашугин, проводились военной организацией социал-демократического центра Черноморского флота.

Оказывается, в 1904 году при Севастопольском комитете РСДРП был создан матросский комитет. Матросы этот центр военной партийной организации Черноморского флота называли сокращенно «централка» (центральный комитет). Партийный флотский комитет хотя и числился при Севастопольском комитете РСДРП, но проводил самостоятельную линию. Он поддерживал связь с Сормовским, Николаевским и Харьковским комитетами РСДРП, получал от них социал-демократическую литературу, твердо придерживался ленинских взглядов на характер и способы борьбы с самодержавием.

Алексей Федорович поведал нам о том, что на броненосце «Потемкин» существовала многочисленная социал-демократическая организация, которая так же, как и «централка», твердо придерживалась ленинских взглядов на развитие революции, изложенных в решениях третьего съезда РСДРП. Из воспоминаний А. Ф. Царева стало ясно, что именно социал-демократы «Потемкина» по призыву великого Ильича подготовили команду к вооруженному восстанию, а не возникло оно стихийно, якобы в знак протеста против червивого борща, как утверждали об этом эсеры и меньшевики.

Обо всем рассказанном Алексеем Федоровичем Войцеховский, Фишков и Кашугин могли и не знать. И это понятно. Они, будучи в то время беспартийными, как и многие другие матросы броненосца, и не предполагали о существовании социал-демократической организации на своем корабле. Российская социал-демократическая рабочая партия строго преследовалась царской охранкой и находилась на нелегальном положении. Даже члены партии не знали полного состава организации на корабле, так как они объединялись в группы по 3—5 человек. Общих собраний партийной организации корабля тогда не созывалось, и каждый член знал партийцев только в своей маленькой группе. Не все члены партии знали и фамилию руководителя социал-демократической организации на корабле. Такая строгая конспирация и объединение членов партии по малочисленным группам гарантировали партию от частых и крупных провалов. Так, например, за все время своего существования социал-демократическая организация броненосца «Потемкин» не имела ни одного провала.

— Так кто же был руководителем социал-демократов на нашем корабле? — поинтересовался Фишков.

— Григорий Вакуленчук, — ответил ему Алексей Федорович. — Он был и членом «централки».

Стоило Цареву назвать эту фамилию, как каждый заговорил о нем. Начал Войцеховский.

— Это мой земляк. Мы с ним житомирские. Волости наши смежные, я из Полонной, а он из Озадовской.

— Не помнишь ли, из какого села Григорий? — спросил я у Войцеховского.

— Забыл. А ведь говорил он.

Старики тепло, с любовью говорили о Вакуленчуке. Вот что записал я в тот вечер с их слов.

«Справедливый был, любил правду».

«В защиту матросов выступал смело, не боялся, что посадят в тюрьму или сошлют на каторгу».

«Подход имел хороший. Матросы не таили от него своих печалей. Шли к нему за советом».

«Верил он, что в России будет свобода. Звал на борьбу с царизмом, с помещиками и капиталистами. Прокламациями снабжал нас».

Очень много в тот вечер рассказали о Григории. Становилось очевидным, что именно он, а никто другой, являлся вожаком революционной команды и организатором вооруженного восстания на броненосце.

К восстанию готовился весь флот. Его хотели приурочить к выходу эскадры в море, на учение. Вакуленчук как руководитель социал-демократов броненосца имел план восстания. В нем предусматривалось, кто и где арестует офицеров, порядок захвата оружия и боеприпасов, меры, исключавшие возмож-

ность затопления корабля предателями. Но Григорий в целях конспирации никого с этим планом не ознакомил. Он давал членам партии лишь отдельные поручения.

Командир броненосца «Потемкин» капитан первого ранга Голиков по доносам провокаторов узнал о революционных настроениях среди матросов. Он решил в спешном порядке вывести корабль из базы, чтобы лишить матросов возможности встречаться с рабочими порта и матросами других кораблей. Командующий флотом разрешил ему заменить неблагонадежных матросов новобранцами и раньше срока вывести броненосец в район предполагаемых учений. 12 июня броненосец вместе с миноносцем № 267 оставил Севастополь.

Среди списанных на берег оказались социал-демократы, а также матросы, хотя и не состоявшие в рядах партии, но готовые к решительным действиям. На броненосец пришли новобранцы.

Списание значительной части команды, безусловно, в какой-то степени расстраивало план готовившегося восстания. Но Григорий Вакуленчук не растерялся. По его заданию социал-демократы пошли в кубрики и стали вести задушевные беседы с новобранцами. Призывы большевиков к революционным действиям находили понимание и сочувствие в сердцах матросов. Молодые матросы еще в экипаже читали социал-демократические листовки. Идея свержения царского самодержавия отвечала и их сокровенным чаяниям.

Перед Вакуленчуком в связи с преждевременным выходом «Потемкина» на учение встал еще и другая задача — не допустить преждевременного стихийного выступления команды.

Труднее оказалось выполнить эту задачу. Гнев матросов, их возмущение после событий 9 января и особенно в связи с известием о гибели двух эскадр в Цусимском проливе не имели границ. Требовались большое умение и огромные усилия, чтобы сдержать до поры до времени этот гнев.

Много пришлось поработать Вакуленчуку и другим большевикам. Они разъясняли матросам опасность и вред одиночных выступлений. Такие выступления легко мог подавить царизм.

— Зато когда весь Черноморский флот перейдет на сторону революции, — говорил Вакуленчук, — когда к нам примкнут рабочие Одессы, Севастополя, Николаева, Новороссийска, тогда дело революции восторжествует.

Григорий Вакуленчук хорошо понимал, что в случае успеха восстания на флоте пожар революции охватит весь юг России. Он верил, что черноморские моряки не останутся в одиночестве, их поддержат рабочие Петербурга, Москвы, Баку, Варшавы... Верил, что на штурм самодержавия вслед за рабочими поднимутся и крестьяне. Надеялся он на братскую солидарность балтийцев и солдат.

Словом, Г. Вакуленчук, как один из руководителей партийного флотского комитета, смотрел далеко, он умело готовил команду к решительным действиям.

А какой же план вынашивал командир броненосца, экстренно выводя корабль в море? Голиков выискивал случай для расправы, чтобы лишить матросов революционных вожakov. И этот случай ему представился 14 июня.

...Ранним утром 13 июня броненосец подошел к острову Тендра и бросил якорь. Вдруг обнаружили, что продукты на исходе. Перед уходом в рейс Голиков позаботился о многом, не подумал только о людях. За продуктами в Одессу на миноносце были отправлены мичман Макаров, старший баталер, два артельщика и несколько матросов.

В Одессе в те дни проходила всеобщая забастовка. Местные власти стремились подавить ее с помощью оружия. Матросы видели, как полицейские стреляли в рабочих.

На Греческом базаре мичман купил 28 пудов мяса. Когда матросы обратили внимание Макарова, что мясо с душиком, он приказал молчать и не рассуждать. Для офицеров мичман купил мясо в другом месте, хорошего качества.

Поздно ночью возвратился из Одессы миноносец. По кубрикам молниеносно разнеслась весть о волнениях одесских рабочих. Тайком от офицеров и кондукторов матросы собирались небольшими группами и обсуждали эти вести.

— В Петербурге стреляли в народ, и в Одессе теперь пролита кровь рабочих, — гневно, сжимая кулаки, говорил Афанасий Матюшенко. — Нельзя больше терпеть. Нужно сегодня же захватить миноносец и пойти в Одессу!

Минный машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко ненавидел бесправие, он страстно хотел приближения свободы, но в нем был сильно развит бунтарский дух. Григорий Вакуленчук прилагал огромные усилия, чтобы обуздать темпераментного матроса. Это ему удавалось. Афанасий считал Григория своим лучшим другом и всегда считался с его мнением. И на этот раз Вакуленчук сумел повлиять на Матюшенко, уговорив его не выступать перед матросами с призывом к немедленному восстанию.

— Пойдем в Одессу всей эскадрой, — пояснял он Афанасию. — Тогда мы будем представлять большую силу и вместе с рабочими легче завоюем победу.

Мясо, закупленное в Одессе, разделили пополам. Одну часть заложили в котел, другую подвесили на верхней палубе на спардеке, с левой стороны, на крюках.

Наступил вторник 14 июня. Незабываемый день!

Команду разбудили в 5 часов. Матросы помылись, отпели утреннюю молитву. После завтрака начали скатывать палубу. Многие почувствовали неприятный запах и в недоумении осматривались вокруг. Матрос Григорий Кульков, увидев под-

вешенное мясо, сразу догадался, в чем дело. Мясо кишело червями. Кульков позвал своих товарищей. Возле червивого мяса столпились матросы. Они стали открыто высказывать свое возмущение.

— Надо вызвать доктора! — предложил кто-то из них.

— Пусть выбросят мясо за борт! Таким мясом даже собак не кормят, — возбужденно говорили матросы вахтенному офицеру прапорщику Ливенцову. Тот поспешил к командиру и доложил ему.

На спардек незамедлительно пришел Голиков в сопровождении старшего судового врача Смирнова.

Доктор, разрезав кусочек мяса, угодиная перед командиром, заявил:

— Мясо хорошее, свежее. Это не черви, а личинки. Достаточно промыть соленой водой.

Среди матросов послышался ропот. Окинув всех гневным взглядом, Голиков приказал разойтись. Матросы медлили. Повторив приказание, Голиков велел вахтенному поставить на палубе дневального и записывать фамилии всех, кто будет интересоваться мясом.

Матросы разошлись, но не успокоились. Узнав, что такое же червивое мясо заложено в котел, они стали оживленно обсуждать, как быть с обедом.

— Пусть Голиков и Смирнов сами едят червивый борщ, мы его есть не будем! — раздались голоса.

— Что будем делать, Григорий? — спрашивали матросы у Вакуленчука.

— Выразить протест, отказаться от борща, но не предъявлять покамест других требований, — посоветовал Григорий.

Вакуленчук, Никишкин, Макаров, Резниченко, Лычев, Спинов, Дымченко, Кулик, Денисенко и другие социал-демократы делали все возможное, чтобы не допустить опрометчивых действий.

Матросы верили Григорию и согласились с его предложением.

Наступило время обеда. Дали дудку. Матросы пришли к камбузу, но бачки с борщом не брали.

На камбуз прибежал старший офицер Гиляровский. Он набросился на кока Ивана Данилюка, почему тот не раздает обед, и велел вахтенному офицеру доложить Голикову, что матросы отказались есть борщ.

Голиков приказал собрать всех на верхнюю палубу. Барабанщик сыграл общий сбор. Матросы по всем правилам Морского устава во главе с унтер-офицерами выстроились на юте по бортам броненосца. Принесли пробу. Смирнов перед строем попробовал борщ и тоном, не допускающим возражения, заявил:

— Никаких червей нет, борщ чудесный!

Голиков хорошо знал, что заявление Смирнова ложное, но он твердо решил выполнить свой план. Он пригрозил матросам за неповиновение виселицей, указав при этом рукой на мачту, а затем предложил тем, кто согласен есть борщ, выйти и стать к оружейной башне.

Несмотря на угрозы, команда осталась на месте. Из строя вышли лишь кондуктора и два унтер-офицера.

— Значит, не желаете повиноваться?! Я вам покажу! Виновники от меня не уйдут! — иступленно орал Голиков.

Подчеркивая свою решимость расправиться с матросами, он вызвал с батарейной палубы караул и приказал взять винтовки на изготовку.

Социал-демократы поняли смысл провокационных действий Голикова.

— Все переходите к кондукторам, — передал по строю Вакуленчук и первым перебежал к башне.

Матросы немедленно последовали его примеру. План Голикова, таким образом, срывался: зачинщиков не оставалось. На выручку командиру поспешил Гиляровский. Когда у левого борта осталось около тридцати человек, находившихся в задних рядах и не успевших еще перейти, Гиляровский вместе с вахтенным офицером Ливенцовым преградил им путь.

— Ни с места! — скомандовал старший офицер.

Он приказал караулу окружить оставшихся, а боцману — принести брезент. На флоте в те времена покрывали им осужденных на смерть.

Готовилась жестокая расправа без суда и следствия. За что? Только за то, что матросы отказались есть червивый борщ?

Брезент принесли и стали раскатывать. Матросы в оцепенении замерли. На какой-то миг водворилась мертвая тишина.

«Неужели накроют? Неужели расстреляют? Что же делать?»

И вдруг над палубой раздался знакомый матросам голос:

— Братки, чего вы смотрите? Довольно терпеть! К оружию!

Это Афанасий Матюшенко нарушил слово, данное Вакуленчуку. Матюшенко побежал в центральную батарею, где стояли в пирамидах ружья. Матросы устремились за ним. Расхватывая винтовки, они кричали: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». Гремело могучее «ура».

Первыми выбежали на шканцы с винтовками комендор Иван Задорожный, минный машинист Тихон Мартынов, матросы Александр Заулошнов, Сергей Гузь и Федор Луцаев.

Наступил решающий момент. Матросы видели, что если они сейчас не захватят в свои руки броненосец, офицерам удастся подавить вспыхнувший мятеж, и тогда неминуемо последует расправа.

— Нет патронов!

— В погребе!

Но дверь оружейного погреба была на замке. Машинный ученик Порфирий Глаголев, работавший до призыва слесарем на Тульском оружейном заводе, сбегал в машинное отделение, принес зубило, молоток и сломал замок. Матросы завладели теперь и патронами.

А. Н. Матюшенко.

Офицеры на верхней палубе пытались удержать команду в повиновении, однако все их попытки были тщетными. Гиляровский решил применить оружие.

— Огонь! — скомандовал он.

Но было уже поздно. Караул вышел из повиновения. Тогда Гиляровский отнял у ближайшего матроса винтовку и отступил за орудийную башню, приготовившись стрелять из-за укрытия.

Как только раздался призыв Матюшенко, Вакуленчук понял, что теперь ничто не остановит матросов. Он тоже выхватил у кого-то из караула ружье и, высоко подняв его, громко крикнул:

— Да здравствует революция! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

— Смерть драконам! — дружно подхватили матросы.

Возглавив восстание, Вакуленчук преобразился, движения его стали резкими, энергичными. Восстание началось не в той обстановке, какая предполагалась в плане матросского партийного комитета, но, поскольку оно началось, надо было действовать смело и без промедления — и прежде всего завладеть броненосцем. Вакуленчук решительно направился к командиру:

— От имени народа вы арестованы! — заявил он Голикову.

Это видел Гиляровский. По поведению матросов и по действиям самого Вакуленчука он понял, что Вакуленчук и есть тот самый вожак команды, которого они с командиром так долго искали.

Старший офицер прицелился и выстрелил.

Григорий упал на палубу, смертельно раненный. Падая, он крикнул подбежавшим матросам:

— В Одессу! К рабочим!

Многие из матросов слышали этот призыв своего любимого товарища.

Выстрел в Вакуленчука на какой-то миг вызвал среди матросов замешательство. На это и рассчитывал Гиляровский. Он полагал, что команда, лишившись вожака, прекратит бунт. Но получилось обратное. Некоторые из новобранцев в начале восстания не решались следовать за Вакуленчуком, но когда они увидели, как старший офицер убил матроса, колебания их исчезли. Гнев против угнетателей, таившийся до этого глубоко в матросских сердцах, вылился наружу.

— Гиляровского за борт! — крикнул кто-то.

Матросы устремились туда, откуда раздался выстрел. Но Гиляровского за башней не оказалось. Он скрылся.

На палубу с винтовкой в руках (но без патронов) выбежал Матюшенко.

Голиков вместе с артиллерийским офицером Неупокоевым преградили ему путь.

— Брось винтовку!

— Никогда, пока я жив! — решительно ответил матрос.

— Брось оружие, приказываю!

— Убирайся вон, броненосец теперь наш!

Сказав это, Матюшенко швырнул в Голикова штык, а затем изо всех сил замахнулся на командира прикладом, но тот сумел увернуться. Удар пришелся по палубе и был настолько силен, что приклад винтовки переломился.

Перед Матюшенко вдруг появилась фигура отца Пармена и на какое-то время отвлекла его да и других матросов от Голикова.

— Мир с тобой, сын мой! — осеняя Матюшенко крестом, бормотал перепуганный поп.

— Отстань от меня, пьяница! — оборвал его Афанасий.

Тем временем Голиков исчез.

На палубу принесли патроны. Матюшенко взял другое ружье и прицелился в артиллерийского офицера Неупокоева, бежавшего по юту и кричавшего: «Всех под суд!» Выстрел оказался точным. Труп Неупокоева матросы выбросили в море. Некоторые из офицеров, боясь возмездия, попрыгали в море и поплыли к миноносцу. Матросы открыли по ним огонь. Другие попрятались в каютах, в машинном отделении.

Наконец, был обнаружен прятавшийся от справедливого возмездия Гиляровский. Вторым выстрелом Матюшенко ранил его. Подоспевшие матросы подняли старшего офицера на штыки и тоже выбросили за борт.

В этот момент на палубу вышел лейтенант Вильгельм Тон и сделал знак рукой: дескать, внимание, буду говорить. На секунду водворилась тишина.

— Хочу тебе поведать... — Тон направился к Матюшенко и неожиданно дважды выстрелил в него из револьвера.

Пули не заделали Матюшенко. Афанасий быстро прикончил Тона.

— Где тиран? Куда делся Голиков?

Перетрусивший Голиков заперся в своей каюте и пытался выброситься в море через иллюминатор. Чтобы его не узнали по мундиру, он разделся.

Матросы взломали дверь каюты.

— На палубу! — раздались голоса.

Бывшего командира поволокли наверх.

На палубе Голиков бросился Матюшенко в ноги.

— Я согрешил перед командой. Прости, братец! — пискливым, дрожащим голосом лепетал он.

Властелин броненосца, надменный тиран, полчаса назад угрожавший матросам виселицей и расстрелом, теперь превратился в ничтожество.

— Как, матросы? — обратился Матюшенко к команде броненосца.

— На нок его! Он угрожал нам нокон. Пусть теперь сам повисит там!

— Нечего с ним возиться, расстрелять кровопийцу! — кричали другие.

Голикова расстреляли, тело выбросили за борт.

— А где же доктор? — спросил кто-то.

Доктор Смирнов в момент восстания скрылся в своей каюте, сделал бритвой надрез на теле и, обмазавшись кровью, притворился тяжелораненым.

Восставшие выволокли доктора на палубу, на суд народный. Он также был расстрелян.

В первые минуты восстания многие потемкинцы, расправляясь с ненавистными офицерами, вымещая на них весь гнев и злобу против царизма, накопленные в сердцах, даже не отдавали себе отчета в том, что происходит. Когда же все успокоилось и до сознания каждого дошло значение совершенного, перед матросами возник вопрос: что делать дальше? Люди военные, понимающие необходимость организованности и дисциплины, они прежде всего озабоченно спрашивали:

— Кто же будет управлять кораблем?

— Избрать комиссию! — раздались возгласы.

— Собирайтесь на митинг! — тотчас же крикнул Матюшенко.

Он первым взял слово. После него пламенную речь произнес Никишкин. Теперь ему, чтобы поговорить о революции, уже не требовалось прибегать к евангелию. Выступил также Резниченко.

Свою речь каждый оратор заканчивал призывом:

— Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

Приступили к выбору судовой комиссии для управления броненосцем.

Состав судовой комиссии, избранной на митинге, оказался крайне разношерстным. Наряду с социал-демократами в нее вошли матросы, зараженные анархистскими и эсеровскими взглядами. От большевиков вошли Вакуленчук, Никишкин, Лычев, Макаров, Денисенко, Кулик, Резниченко, Скребнев, Заволошин и другие. Столь значительное число вошедших в комиссию большевиков свидетельствует о том, каким большим авторитетом пользовались они у личного состава.

Председателем комиссии избрали Матюшенко.

На митинге единодушно решили идти в Одессу.

— Как же так? — обратился к Матюшенко Макаров. — Идет в Одессу революционный броненосец, а там, — он указал на мачту, — царский флаг.

— Верно. Давайте решим о флаге, — поддержал его Матюшенко. Послышались голоса:

— Снять царский флаг! Долой его!

— Мы сейчас свой, революционный, поднимем.

— Флаг где-то есть, его Григорий готовил...

Через некоторое время под пение «Марсельезы» красный флаг революции медленно пополз к гафелю и, дойдя до места, ало затрепетал.

Друзья Вакуленчука сожалели, что он не смог быть свидетелем этого волнующего события. Он находился в лазарете, лежал, не открывая глаз, тяжело дышал. Его земляк Войцеховский неотлучно находился при нем. После митинга в лазарет пришли Никишкин и Матюшенко.

— Гриша! Пришли друзья.

— Кто?

— Никишкин и Матюшенко.

— Где они?

— Гриша, мы с тобой.

Вакуленчук узнал Матюшенко по голосу.

— Это ты, Афанасий?

— Да я. И Василий здесь.

— Вася!..

— На мачте красный флаг, Гриша. Сами управляем броненосцем. Расстреляли Голикова, Смирнова, — сообщил Никишкин.

— А Гиляровского? — чуть слышно спросил Вакуленчук.

— Прикончили собаку.

— Не бросайте дело, — прошептал Григорий и впал в беспамятство.

В пути умер Вакуленчук. Это был тяжелый урон. Команда лишилась руководителя, который как член матросского партийного комитета во всех деталях знал план предстоящего выступления всей эскадры, был связан с социал-демократическими организациями других кораблей и черноморских баз и пользовался непререкаемым авторитетом среди матросов. Он, без-

условно, лучше, чем кто-либо другой, смог бы возглавить движение, придать ему организованный характер и широкий размах. Смерть Григория Никитича Вакуленчука отрицательно сказалась на дальнейшем разворачивании событий на революционном броненосце.

Приходится сожалеть, что на корабле после гибели Вакуленчука не осталось равного ему по политическому кругозору, идейной закалке, организаторским способностям человека.

Судовая комиссия решила похоронить Григория Вакуленчука не по морскому обычаю, а в городе.

В 22 часа броненосец «Потемкин» бросил якорь на одесском рейде.

На следующий день с утра на броненосце стали готовиться перевезти на берег тело Вакуленчука. На него надели чистую матросскую форму и положили на носилки. Носилки убрали флагами. Никишкин написал записку, которую положил на грудь погибшему. В ней сообщалось, что матрос зверски убит старшим офицером. Записка заканчивалась словами:

«Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!»

Несколько матросов подняли носилки и бережно снесли тело Григория на катер. Вся команда высыпала к борту проститься со своим вожаком и товарищем.

На Новом молу, куда катер доставил тело Вакуленчука, уже находилось несколько сот рабочих, преимущественно грузчиков порта.

Как только матросы вынесли тело Вакуленчука, рабочие столпились вокруг, спрашивали: «Что случилось?» И, узнав, что Вакуленчук пострадал за народ, молча обнажали головы.

Быстро соорудили палатку и внесли в нее носилки. Над палаткой повесили красное полотнище с надписью «Один за всех, все за одного». У тела встал караул из матросов. В почетный караул рядом с матросами ставали рабочие и революционно настроенные жители города.

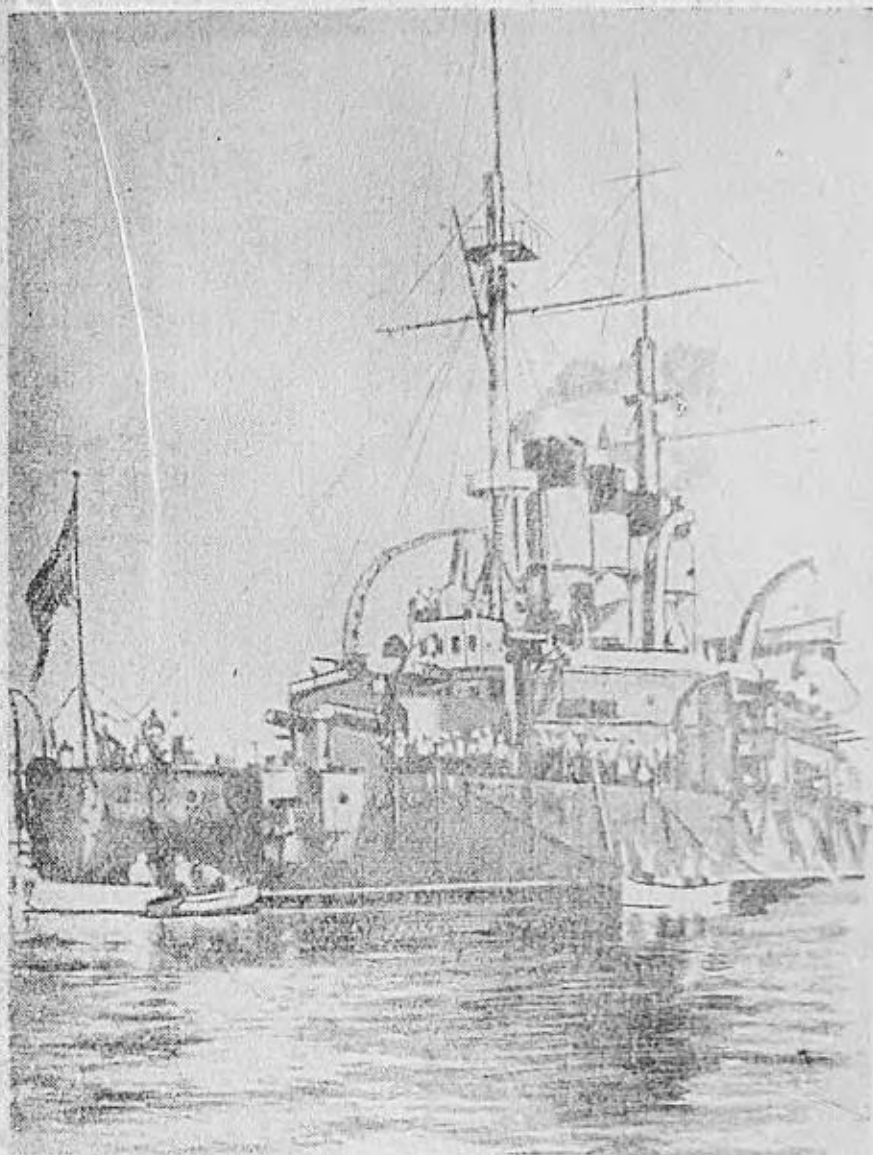
Народ шел в порт нескончаемым потоком. Через час на молу находилось уже около десяти тысяч человек. Многие оставляли у палатки венки из живых цветов. Матросов, стоявших у тела Вакуленчука, засыпали вопросами. Те отвечали, разъясняя цели и задачи, ради которых они подняли восстание.

Матюшенко призывал рабочих присоединиться к потемкинцам.

— Вместе мы свергнем царя!

Скоро прибыли в порт представители Одесского комитета РСДРП. Из ящиков соорудили нечто вроде трибуны. Начался митинг.

Один за другим выступали представители заводов. Ораторы призывали рабочих отомстить за смерть матроса. Собравшиеся одобрительно встречали революционные лозунги.

«Потемкин» на одесском рейде.

Похороны состоялись 16 июня. Командующий войсками округа для участия в похоронах разрешил свезти с броненосца на берег делегацию из двенадцати небооруженных матросов. Поехали Матюшенко, Никишкин, Задорожный, Войцеховский, Кульков, Гусельников, Рыбас и другие. Они купили гроб и бережно уложили в него тело матроса-большевика.

Несмотря на введение осадного положения, в порту, у палатки, где стоял гроб, собралось около трех тысяч рабочих. В 17 часов траурная процессия тронулась.

Опасаясь выступлений рабочих в связи с похоронами Вакуленчука, местные власти на всем пути от порта до кладбища по обеим сторонам Преображенской улицы выставили войска. Но как вели себя солдаты? При прохождении траурной процессии многие из них обнажали головы, другие отдавали воинскую честь, беря винтовки на караул.

Сотни жителей Одессы, пренебрегая запрещением властей, шли за гробом, стояли на тротуарах. При прохождении траурной процессии то и дело слышались возгласы:

— Долой самодержавие!

— Да здравствует свобода, равенство и братство!

Многие плакали.

На кладбище состоялся траурный митинг. Ораторы призывали рабочих Одессы к борьбе за победу революции.

Едва только тело Вакуленчука опустили в могилу, казачий полковник предложил матросской делегации немедленно вернуться на корабль, и, видимо, не без его ведома казаки и полиция пошли по пятам за безоружными матросами, оскорбляли их, грозили расправой. Чтобы уйти от полицейских, Матюшенко дал команду делегатам разойтись в разные стороны и пробираться в порт кто как сумеет. Сам он с несколькими матросами нанял извозчика. Но ехали недолго. В пути лошадь остановила рота солдат.

— Слезайте! — приказал офицер. — Идите пешком!

Безоружные матросы повиновались. Вслед им раздались выстрелы, засвистели пули. Но, к счастью, жертв не оказалось. Солдаты, наверное, умышленно стреляли в воздух.

Никишкин и Войцеховский, чтобы не оказаться в руках полицейских, стоявших у выхода с кладбища, перелезли через забор и догнали ехавшего по дороге на Люстдорф извозчика. На пролетке они добрались до порта. Разными путями пробирались в порт и остальные.

И вот спустя сорок пять лет Войцеховский, принимавший участие в похоронах Вакуленчука, снова в Одессе.

— Сходить бы нам на могилу Григория, — предложил Войцеховский. Друзья охотно приняли это предложение. Сообщил я об этом желании потемкинцев городским организациям и военным морякам.

В воскресенье 2 июля старики пошли на городское кладбище с венком. Туда же, на могилу Григория Вакуленчука, пришли с венками пионеры, делегация Черноморского флота, представители заводов, учебных заведений, партийных, советских и комсомольских организаций города.

После бесед, проведенных с участием А. Ф. Царева, стал более или менее полным образ матроса-большевика Григория Вакуленчука — вожака революционной команды «Потемкина». Захотелось подробнее узнать его биографию. Где и в каком году родился герой? Никто в Одессе не смог ответить мне на эти

Памятник Г. Н. Вакуленчуку на его родине.

вопросы. Не оказалось этих сведений и в статье о Вакуленчуке в Большой Советской Энциклопедии*. А что об этом можно узнать из архивных документов 36-го флотского экипажа?

Центральный государственный архив ВМФ 23 августа 1950 года прислал мне архивную справку. В ней сообщалось, что Вакуленчук Григорий Никитич родился в 1877 году в селе Большой Коровинец, Озатовской волости, Житомирского уезда, Волынской губернии, на действительной службе с 1899 года, комендор броненосца «Потемкин».

Жив ли кто-либо из родственников Григория? С этим вопросом обратился я в Житомирский обком комсомола. Секретарь Чудновского РК КСМУ прислал радостную весть: в Больших Коровинцах живут младший брат Григория и другие родственники.

Перед отъездом из Одессы я поинтересовался, кого из старых большевиков, служивших на «Потемкине», знает Царев.

— А разве вы не встречались с Лычевым?

— Кто такой Лычев?

— Член судовой комиссии. Эту комиссию команда избрала для управления кораблем и руководства восстанием.

— Где он?

— Иван Акимович до войны жил в Москве, работал управляющим делами Центрального Комитета партии. С 1940 года я не получаю писем от него. Постарайтесь его найти! От него узнаете многое, он уже тогда состоял в партии. Если разыщете, сообщите мне его адрес.

— А еще с кем встречались?

— В ноябре 1935 года группа потемкинцев была в Сочи у писателя Николая Островского. Там встретился с членом социал-демократической организации броненосца «Потемкин» Иваном Спиридоновичем Спиновым. А вот где он теперь — не знаю.

— Где жил Иван Спиридонович?

— Не помню. Наверное, Лычев знает.

— А еще кто из потемкинцев был тогда у Островского?

— Недбайло, Солодов и Серов.

Но ничего о дальнейшей судьбе и этих товарищей Алексей Федорович сказать не мог.

Ленинское слово

Возвратившись из Одессы в Москву, я прежде всего побывал в Политуправлении Военно-Морского Флота. Работники Политуправления с интересом прослушали сообщение о выявленных в Одессе потемкинцах и рекомендовали продолжить поиски.

* Имеется в виду первое издание БСЭ.

— Встречались ли с Яхновским? — спросил меня один из собеседников.

— Нет, кто он?

— Иван Тимофеевич Яхновский — член партии с 1901 года, один из организаторов социал-демократических кружков на Черноморском флоте.

— А где он живет? — поинтересовался я.

Мне объяснили, что он живет в соседнем квартале, по улице Стопани.

Получив адрес Ивана Тимофеевича, я сразу же направился к нему.

Быть может, думал я, он знает Вакуленчука. Ведь мне еще не было ясно, как и при каких обстоятельствах стал на революционный путь этот замечательный моряк.

Ивана Тимофеевича застал дома. Объяснил ему цель посещения. Он охотно согласился поделиться со мной воспоминаниями о первых шагах социал-демократов на Черноморском флоте.

Оказалось, что И. Т. Яхновский в РСДРП вступил еще до призыва, в Харькове, где работал формовщиком литейного цеха паровозостроительного завода. В Севастополь прибыл осенью 1902 года.

Меня заинтересовало, как же харьковский рабочий смог найти друзей по партии среди черноморских моряков.

— Да, это было очень сложно, — заметил Иван Тимофеевич. — Сейчас это происходит просто. Выбывающий из организации член партии получает открепительный талон и с ним является по месту нового жительства в партийный комитет. А в те годы организация РСДРП находилась на нелегальном положении и за принадлежность к партии строго карали.

Когда Яхновский уезжал из Харькова, ему не дали явки, так как Харьковский комитет не знал явочной квартиры Крымского союза РСДРП. Явку обещали сообщить при первом же удобном случае.

Но проходили месяц за месяцем, а вестей из Харькова все не было. Матрос встревожился: «Не случилось ли беды? Возможно, провалились?»

Однако деятельная натура Яхновского не допускала пассивности. Он не терял надежды получить явку, а тем временем самостоятельно развертывал революционную работу среди матросов. Прежде всего он сколотил вокруг себя своих зем-

И. Т. Яхновский.
Фото 1903 г.

ляков. На флоте в ту пору много служило уроженцев Харьковской губернии. Под видом землячества Яхновский и стал собирать матросов, разъяснять им цели, за которые борется Российская социал-демократическая рабочая партия. Работать было трудно. Не связанный с организацией, он не имел возможности получать нужную литературу. Но в Харькове помнили о нем.

Как только Харьковский городской комитет РСДРП установил связь с Крымским союзом, он направил в Севастополь отца Яхновского — Тимофея Алексеевича, кадрового харьковского рабочего.

Провожая Тимофея Алексеевича, партийные товарищи дали ему денег на расход и строго наказали снять в Севастополе отдельный номер в гостинице:

Рабочий возразил:

— Зачем мне номер?

— Посылку пошлем Ивану. В номере лучше скрыть ее.

Тимофей Алексеевич приехал в Севастополь в последнюю субботу декабря 1902 года. Он поступил так, как наказали товарищи: снял в гостинице номер, оставил в нем посылку, а сам пошел на корабельную слободку, где располагались флотские казармы.

В экипаже шла большая приборка. Не сразу удалось Тимофею Алексеевичу найти ротного.

По случаю приезда отца Ивану дали увольнительную до вечерней поверки. Отец и сын поспешили в гостиницу.

Вернувшись с сыном в номер, Тимофей Алексеевич запер дверь на ключ и достал из-под кровати чемодан.

— Вам, черноморцам, подарочек от комитета.

Радостный матрос смотрел на полученную литературу. Здесь оказались книга В. И. Ленина «Что делать?», брошюра «Майские дни в Харькове», несколько номеров газеты «Искра» и пачка прокламаций.

С большим риском был доставлен чемодан из Харькова. Каждую минуту посланец харьковских социал-демократов подвергался опасности быть схваченным царскими ищейками. Но не легче было сохранить чемодан с ленинской литературой в Севастополе. Не мог Иван нести его в казарму, не пропустили бы матроса в экипаж, не осмотрев чемодан.

Отложив книгу, брошюру и несколько листовок, Иван снес чемодан за город в сторону Инкермана. Там в одном из железнодорожных туннелей он спрятал его.

Тимофею Алексеевичу казалось, что стрелки на часах двигались очень медленно, он, волнуясь, томительно ждал сына. «Хоть бы не схватили его!» — беспокоился инструментальщик.

Иван благополучно возвратился.

— Извини, отец, я уж почитаю.

— Давай, давай, сынок...

Иван прежде всего стал знакомиться с брошюрой о майских днях в Харькове. Она была составлена Харьковским комитетом РСДРП по рассказам рабочих и прислана в «Искру» в виде корреспонденции. Владимир Ильич Ленин порекомендовал издать ее брошюрой и написал к ней предисловие.

Матросу хотелось узнать, чему посвящена книга В. И. Ленина «Что делать?». На одной из страниц он прочитал:

«Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является **наиболее революционной** из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».

Речь шла о свержении царского самодержавия.

Матрос, гордый сознанием, что принадлежит именно к тому самому пролетариату России, которому предсказывается великая роль передового отряда всего международного революционного движения, углубился в чтение. Он находил в книге ответы на волновавшие его вопросы, книга знакомила его с ленинским планом построения боевой революционной партии рабочего класса. Еще тогда, когда только зарождалась в России марксистско-ленинская партия, Владимир Ильич указывал на необходимость привлечения солдат и матросов к революционной борьбе.

— Отец, ты читал, что пишет Ленин? Социал-демократы должны идти во все классы населения, рассылать во все стороны отряды своей армии.

— Читал. Надо идти не только к крестьянам, но и к солдатам и матросам. Вот послушай.

Тимофей Алексеевич взял у сына книгу, перелистав несколько страниц, прочитал:

«И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию».

Иван сказал отцу:

— Передай комитету, что на Черноморском флоте будет такая военная организация, о которой пишет Ленин.

В книге «Что делать?» матрос нашел ответ и на вопрос о том, как должна строиться социал-демократическая организация.

Прошло уже три месяца, как Иван уехал из Харькова, но он не смог связаться с местной партийной организацией, так

как не знал явочной квартиры Крымского союза. Отец сообщил, что эта квартира находится в Симферополе. Стало быть, надо ехать туда.

На вечернюю поверку Иван прибыл вовремя. После поверки он обратился к ротному:

— Прошу разрешения проводить отца.

— Сколько времени потребуется тебе? — поинтересовался тот.

— Если можно, прошу отпустить на сутки.

И ротный дал увольнительную на воскресенье. Не теряя времени, Яхновский поспешил на вокзал. Здесь он снова встретился с отцом. Выехали из Севастополя одним поездом. Отец поехал в Харьков, а сын сошел в Симферополе. Недалеко от базара Иван нашел квартиру, адрес которой ему сообщил Харьковский комитет через отца. Здесь жила акушерка.

— Привет от трех сестер, — сказала ей Яхновский. Это был переданный ему пароль.

— Вера и Любовь, — ответила акушерка. (Таким именем и должен быть ответ по условиям конспирации).

Она надела пальто, набросила на голову платок и повела матроса по закоулкам. Пришли на квартиру человека, назвавшегося Василием. Он был невысокого роста, круглолиц, носил длинные волосы, аккуратно зачесанные назад. Появление Яхновского не было для него неожиданностью.

— Сообщили о вас из Харькова, — пояснил он.

Завязался разговор. Василий поинтересовался настроением матросов.

— Много ли недовольных самодержавием?

— Немало таких, особенно из рабочих.

Надо возлечь в движение и тех, что прибыли из деревни, — посоветовал Василий. — Ведь среди матросов их большинство.

Яхновский рассказывал ему о работе, которую провел с харьковчанами. Василий слушал с большим интересом. Его обрадовало, что матрос читал книгу Ленина «Что делать?» и горячо берется за выполнение ленинских указаний.

Затем Василий порекомендовал иметь организаторов на каждом корабле, в каждом экипаже.

— Организаторов подбирайте из людей смелых, преданных делу, готовых на самопожертвование во имя революции, способных строжайше соблюдать правила конспирации. Остерегайтесь провокаторов и шпионов.

Василий снабдил Ивана литературой и сообщил явочную квартиру в Севастополе.

Иван Яхновский возвращался из Симферополя довольный: связь с Крымским союзом была установлена. Он с новой энергией стал пропагандировать среди матросов ленинские призывы к борьбе с царским самодержавием.

В 1903 году на действительную службу прибыл в Севастополь Александр Михайлович Петров, большевик, рабочий. После строевого обучения в экипаже его назначили в машинную команду броненосца «Екатерина II».

Яхновский встретился с Петровым вскоре после его приезда в Севастополь. Невысокий коренастый матрос шел по двору учебного отряда.

«Новичок», — подумал Яхновский и подошел к нему.

— Давно прибыли?

— Второй день.

— Издалека?

— Московский.

— Не студент, случайно?

— Нет, заводской.

— А я из Харькова и тоже рабочий. Ну, как там, в Москве, живется рабочим?

— Не лучше, чем в Харькове, — улыбнулся матрос и, оглянувшись, добавил: — Везде рабочему гнуть шею одинаково приходится.

— Ну и как, терпите?

— Да, пока терпим — до поры до времени.

На следующий день они встретились снова. Беседа носила более откровенный характер. Яхновский рассказал новобранцу об условиях жизни на флоте, об издевательствах офицеров над матросами.

Петров, оглянувшись кругом, спросил полупшепотом Яхновского:

— А организация есть среди матросов?

— Какая организация?

— Партийная, революционная. Такая, как у вас, в Харькове.

«Что ему ответить, — подумал Яхновский. — А вдруг провокатор?» И из осторожности сказал неправду:

— Не слыхал. Наверное, нет.

Тогда Петров достал из-под фланелевки аккуратно сложенный номер ленинской «Искры».

— На, прочти и передай другому.

— Где ты ее взял?

— Из Женевы получил. Там муж моей сестры находится. И действительно, его сестра была замужем за членом РСДРП Стопаном*, который находился в эмиграции.

— Газета, наверное, запрещенная? — наивничал Яхновский.

— Да, за прочтение ее в тюрьму сажают.

— А за распространение?

— Сошлют на каторгу, а то и повесят.

* Стопан — большевик, видный деятель РСДРП.

Бюст А. М. Петрова в Центральном Военно-Морском музее.
Скульптор С. П. Богаткина.

— А ты не боишься дать ее мне? — в упор спросил Иван.

— Матрос ты, я вижу, правильный, доверяю тебе.

Так встретились в 1903 году и приступили к совместной работе два революционера.

Иван Тимофеевич рассказывал, а я записывал. Все, что услышал я от него, было интересно и важно. Ведь это они, Петров и Яхновский, не страшась жестокой кары жандармов, несли ленинское слово черноморским матросам. Я слушал и писал, а самому так и хотелось прервать собеседника и спросить: не знал ли он Вакуленчука. И вот, уловив момент, я поинтересовался:

— Не приходилось ли вам встречаться с Григорием Вакуленчуком с броненосца «Потемкин»?

— О, как же! Дружил с ним.

Совершенно неожиданно я услышал о первых революционных шагах Григория.

... В том же 1903 году друг Яхновского — его земляк Иван Кривоконь поведал ему, что в экипаже есть матрос, который гневно говорит о произволе царизма, о бесчинствах офицеров.

— Кто он, откуда родом? — поинтересовался Яхновский.

— Кажется, Житомирского уезда, Озадовской волости.

— Стало быть, крестьянин. Приведи!

На следующий день Кривоконь привел Григория Вакуленчука к Яхновскому. Тут же Григорий познакомился с Петровым.

Матросы крепко подружились. В воскресные дни уходили вместе за город на прогулки, там, вдали от глаз жандармов, читали социал-демократическую литературу.

Слова революционной пропаганды глубоко проникали в сознание Вакуленчука. Он внимательно читал «Что делать?», старался не пропустить ни одного номера «Искры», которую Петров продолжал получать из Женевы. Григорий заметил, что каждый номер газеты сопровождался коротенькой запиской. Чья-то рука заботливо выводила слова: «Совершенно случайно узнав ваш адрес, посылаем Вам свободное слово».

— Для чего нужна эта записка? — спросил Вакуленчук Петрова.

— Пишут ее специально для жандармов. Схватят жандармы, можно ответить, что газета к тебе попала случайно.

Каждый раз, идя на прогулку, Петров брал с собой гитару. Как только замечали приближение патрулей, то сразу же прекращали чтение, а Петров принимался играть и петь, как он выражался, «душещипательную» песенку о красивой девушке, которую не может отнять у него даже бог:

Я не убийца, не предатель,
Злой не дышит грудь моя.
Но за нее и сам создатель
Затрепетал бы у меня!

Когда жандармы или шпиксы удалялись, песня прекращалась. Матросы снова приступали к чтению.

Вакуленчук теперь все яснее и яснее представлял себе, что он должен делать, как поступать. Разрешались мучившие его сомнения.

Однажды Петров сказал ему, что люди, которые понимают необходимость свержения самодержавия и готовы к самоотверженной борьбе за свободу и счастье народа, вступают в ряды Российской социал-демократической рабочей партии.

— Я тоже бы хотел вступить в эту партию, — решительно заявил Григорий.

Петров разъяснил ему обязанности члена партии, рассказал об опасностях, связанных с пребыванием в ее рядах, предупредил, что за принадлежность к революционной партии сажают в тюрьмы, ссылают на каторгу.

— Этого я не боюсь, — без колебаний ответил Вакуленчук.

Так Григорий Никитич Вакуленчук стал членом РСДРП. С той поры его дружба с Петровым еще более окрепла. Григорий не раз видел, как душевно беседовал Петров с матросами, как запросто вел себя с ними, и старался подражать ему.

— Душу человека, — говорил Петров, — следует завоевать. Откроет он ее только тому, кто относится к нему с уважением и доверием, говорит только правду и борется за правду. Если сам кривить душой будешь, сразу же отвернутся от тебя.

Нравилось Вакуленчуку и то, как Петров нес флотскую службу. Самый требовательный боцман не мог придираться к его внешнему виду и строевой выправке. Он аккуратно и точно выполнял все требования Морского устава, старался хорошо овладеть военным делом, потому что знал: предстоят жестокие схватки с царизмом.

Петров познакомил Вакуленчука с техникой конспирации, учил его, как надо распространять листовки и прокламации, как вести себя среди матросов, изучать их настроения, выявлять недовольных царизмом, как проводить беседы и чтения социал-демократической литературы, кого и как надо привлекать на нелегальные матросские сходки, готовить к вступлению в ряды партии.

— Из Григория выйдет отличный революционер-профессионал, я убежден в этом, — сказал однажды Яхновскому Петров.

Да, Григорий Вакуленчук под благотворным влиянием ленинских слов действительно стал профессиональным революционером, стойким большевиком и незаурядным организатором. Это он сколотил на броненосце «Потемкин» социал-демократическую группу, подготовившую матросов к вооруженному восстанию 14 июня 1905 года.

Матрос из Обшаровки

Поиски И. А. Лычева я начал с адресного стола. Там ответили:

— Такой в Москве не проживает.

Где же он? Пошел в Центральный Комитет партии, где работал Иван Акимович до войны. Там сказали, что в довоенные годы он жил по Староконюшенному переулку в доме 19. Пришел туда.

— Нет, у нас Иван Акимович давно не живет, — ответил управдом.

— Не скажете ли, куда уехал?

Достали из архива старую домовую книгу. В ней имеется отметка, что И. А. Лычев переехал на Калужскую улицу в дом 24.

Поехал на Калужскую. В его квартире, как сказали в домоуправлении, живет дочь, а сам он выехал в Подмосковье.

— Бывает здесь? — спросил я.

— Недавно, этой весной, приезжал...

Стало быть, жив! Я поспешил в девятую квартиру, к дочери героя. Но застал не дочь, а внучку. От нее я узнал, что Иван Акимович с 1940 года живет в поселке Новые Горки, недалеко от станции Болшево.

Получив точный адрес, я на следующий день поехал в Болшево.

И. А. Лычеву в 1950 году было уже около 70 лет, он находился на заслуженном отдыхе, жил на даче вдвоем с женой Зинаидой Александровной. Он еще с детства привык к труду и в старости в труде находил наслаждение, работал понемногу каждый день в саду.

В саду и застал я Ивана Акимовича. Он снимал плоды с фруктовых деревьев. Встретил меня хозяин радушно. Я рассказал ему о встречах с потемкинцами в Одессе. Он сразу же записал адреса Царева, Кашугина и Войцеховского.

Подошла хозяйка, познакомились. Оказывается, Зинаида Александровна лично знала многих потемкинцев, была с ними в Румынии, в Америке. Она также приняла участие в беседе.

И. А. Лычев. 1905 г.

Иван Акимович и Зинаида Александровна — из села Обшаровки, Самарской губернии, что раскинулось на левом берегу Волги.

Нужда заставила крестьянского паренька еще в раннем детстве уйти из родной деревни в Самару на заработки. Сперва Иван поступил учеником в переплетную мастерскую, затем работал масленщиком и кочегаром на волжских пароходах. Перед самым призывом он служил в Самаре уже помощником машиниста на строительстве нефтепровода.

Его призвали поздней осенью 1902 года на флот и зачислили в 36-й флотский экипаж в Севастополе.

Находясь в экипаже, Лычев познакомился со своим земляком Степаном Бессалаевым, который обучал тогда новобранцев строевому делу.

Бессалаев принадлежал к той передовой части моряков, которые под влиянием ленинских идей уже стали на революционный путь. Он заметил толкового новобранца-рабочего, стал давать ему читать социал-демократическую литературу, приглашал на нелегальные собрания. Затем он познакомил Лычева с артиллерийским унтер-офицером Григорием Вакуленчуком.

В то время у Лычева появился еще один друг. Почти в первые дни службы, когда новобранцев еще обучали строевому делу, на берегу, в экипаже, он сошелся с Илларионом Шестидесятым, уроженцем села Градишска, Полтавской губернии. Они вместе ходили на увольнение, не раз бывали на нелегальных матросских сходках, доставляли в кубрики социал-демократические прокламации и листовки. Обоих их из экипажа направили на учебный крейсер «Березань» в команду минных машинистов.

На «Березани» Лычев и Шестидесятый быстро сошлись с машинистом Александром Макаровым и подружились с ним. Он, питерский рабочий, оказался их единомышленником.

В августе 1904 года, во время службы на «Березани», в жизни матроса из Обшаровки произошло весьма важное событие: он вступил в члены РСДРП.

Осенью того года на «Березани» отбирали двадцать пять матросов в Кронштадтскую школу минно-машинных унтер-офицеров. По решению флотского партийного центра некоторые члены РСДРП подали рапорты командованию с просьбой послать на учебу. Таким образом в списке командированных оказалось несколько партийцев, в том числе и Иван Лычев.

7 ноября 1904 года двадцать пять матросов с крейсера «Березань» приехали в Петербург. Лычев, как и другие его товарищи, видел Петербург впервые.

Еще в поезде моряки узнали, что в Кронштадт им следует добираться через Ораниенбаум, куда ходят поезда с Балтийского вокзала.

День был воскресный. В распоряжении матросов оставались целые сутки. Желая осмотреть величественный город, побывать на набережных Невы, они сговорились провести эти сутки в столице. К тому же, у некоторых из них имелись здесь знакомые.

Лычеву надо было съездить на Васильевский остров, где жил брат Александра Макарова, рабочий завода Лесснера, встретиться с которым ему поручила партийная организация. Он расстался с товарищами и сел в трамвай, следовавший на Васильевский остров.

В конце 5-й линии Лычев быстро разыскал нужный ему дом. Он поднялся на второй этаж, где находилась квартира Макаровых. На стук в коридор вышел невысокого роста мужчина в заплятанном пиджаке.

— Вам кого? — поинтересовался он.

— Макарова Николая.

— Я и есть Николай.

Лычев внимательно осмотрел незнакомца. Невысокий рост, серые глаза, густая черная шевелюра. Именно таким обрисовал Александр своего брата.

— Я — Севастополь, — тихо сказал Лычев.

— А я — Нева, — так же тихо ответил питерский рабочий и крепко пожал моряку руку, сказав при этом: — Стало быть, товарищ. Заходи!

В маленькой комнате еле уместались стол, сундук и деревянная кровать. На стене висело небольшое зеркало. В одном окне вместо стекла была вставлена фанера.

За столом обедали жена Николая, наборщица по профессии, и его сестра, работавшая на Монетном дворе.

— От Александра приехал, — пояснил им Николай.

— Из Севастополя? Нашего Сашеньку знаете? Вот радости! — засуетились женщины, усаживая гостя к столу. Они наперебой расспрашивали Лычева об Александре, о службе на корабле, о Севастополе. Иван едва успевал отвечать.

После обеда Николай и Лычев вышли побродить по городу. Они долго гуляли по окраинным улицам и беседовали. Питерский рабочий интересовался настроением черноморских моряков, спрашивал, какую работу ведут на кораблях и в экипажах социал-демократические организации, знают ли черноморцы о происшедшем расколе партии на большевиков и меньшевиков.

Лычев узнал от него, что 22 члена РСДРП собрались под руководством Ленина в Швейцарии на совещание и приняли обращение к партии, требуя созыва третьего съезда.

Вернулись домой за полночь. Все спали. Николай достал из внутреннего кармана пиджака спичечную коробку, в которой хранилась аккуратно сложенная листовка, напечатанная на тонкой папиросной бумаге.

— Читай, друг. Это и есть обращение совещания к партии. Лычев бережно взял в руки листовку и принялся внимательно читать ее. Они беседовали всю ночь. Макаров рассказывал ему о борьбе, которую вел Ленин с меньшевиками за создание подлинно марксистской партии в России.

— Это будет новая партия, ленинская, — подчеркнул Макаров.

Утром они расстались. Макаров пошел на завод. А Лычев — на Балтийский вокзал, где его ожидали товарищи.

Николай попросил матроса приехать в субботу и обещал подробно рассказать о книге Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

— В школе встретишься с преподавателем механики Анфимовым. Учись прилежно и строго соблюдай дисциплину, — напутствовал он Лычева. — Партии нужны знающие военное дело люди. Нам предстоит жестокие схватки с самодержавием.

...В понедельник в восемь часов все черноморцы были в сборе. Вскоре они прибыли в Оранienбаум. Перед ними открылся Кронштадт — морская крепость России.

День выдался на редкость ясный. На острове Котлин ярко горел позолоченный купол кронштадтского собора, виднелись трубы заводов, силуэты стоявших на рейде кораблей. Моряки направились к причалу, где стоял военный катер, и через полчаса ступили на знаменитый остров. С пристани их направили в экипаж.

Черноморцев зачислили в одну роту. Остаток дня ушел на хлопоты по устройству. Занятия начались на следующий день.

Школа минно-машинных унтер-офицеров находилась далеко от экипажа, в противоположной части города. Матросам приходилось ходить сюда через весь Кронштадт.

Занятия по механике состоялись лишь в четверг. Преподаватель Василий Васильевич Анфимов — бывший студент технологического института, направленный на флот в наказание за участие в студенческой забастовке, все первое занятие посвятил знакомству с курсантами. Он самым подробнейшим образом расспрашивал каждого, с какого корабля прибыл в школу, откуда пришел служить на флот, из города или из деревни. Видимо, он что-то имел в виду.

Макаров строго-настрого наказал Лычеву встретиться с Анфимовым наедине. Но в четверг такой случай не представился. Они встретились лишь на следующий день. Лычев проходил поздним вечером по Петровскому парку и возле памятника Петру Первому увидел преподавателя механики. В парке никого не было, и Иван решил воспользоваться удобным моментом. Непринужденно, словно старый знакомый, матрос подошел к Анфимову.

— Я — Москва, — сказал он, подавая ему, как велел Макаров, левую руку.

— Я — Котлин, — ответил преподаватель и сразу же начал разговор.

— Стало быть, с «Березани»? Самарский?

По приглашению Анфимова Иван пришел к нему на квартиру, на собрание социал-демократического кружка. Там он, к своему удивлению, встретил еще трех курсантов, сослуживцев по «Березани», в том числе матроса Скребнева. Оказалось, что в день прибытия, 7 ноября, они были у своего знакомого, рабочего Семенниковского завода за Невской заставой, который и познакомил их с Анфимовым. Лычев, по условиям конспирации, не знал, что Скребнев и его товарищи участвуют в революционном движении.

Шли дни напряженной учебы. Молодые революционеры приобретали в Кронштадте не только специальные морские знания. Здесь на тайных собраниях они изучали тактику большевиков в буржуазно-демократической революции и методы ведения партийной работы в условиях жесточайших преследований со стороны царской охраны.

В Кронштадте работа социал-демократической организации благодаря участию в ней петербургских большевиков велась, несомненно, активнее, нежели в Севастополе.

В конце 1904 года здесь существовало несколько подпольных кружков, которые поддерживали непосредственную связь с Петербургским комитетом РСДРП, получали от него литературу, газеты, прокламации, листовки. Нередко в Кронштадт, с соблюдением, конечно, строжайшей конспирации, приезжали представители Петербургского комитета и выступали с речами на тайных митингах и сходках. Они разъясняли матросам задачи Российской социал-демократической рабочей партии, знакомили их с положением в стране и на фронте, призывали не стрелять в рабочих и крестьян, выступающих против царского самодержавия, а действовать заодно с ними. Так большевики Петербурга выполняли указание В. И. Ленина о завоевании солдат и матросов на сторону революции.

Черноморцы изучали политику и тактику большевиков не только на занятиях кружка, которым руководил Анфимов. Даже уроки по механике в школе превратились в своеобразную политическую учебу, за что в случае доноса Анфимов не миновал бы тюрьмы. Когда в классе отсутствовал офицер-преподаватель, Анфимов принимался разбирать со слушателями вопросы внешней и внутренней политики царизма, рассказывал матросам о несправедливых целях войны с Японией, разъяснял смысл ленинской тактики поражения царского правительства в этой войне и ошибочность позиции оборончества, занятой меньшевиками.

Между тем, телеграф приносил с Дальнего Востока все новые и новые вести о поражениях царской армии. В конце мая японцы захватили перешеек, отделяющий Ляодунский полу-

остров от материка, и отрезали Порт-Артур от русских войск на суше. Царская армия оставила Вафангоу, Ляоян, проиграла сражение на реке Шахэ, отступила к Мукдену.

В Кронштадт доходили слухи, что в Либаве, где шло комплектование 3-й эскадры для Дальнего Востока, постоянно происходят волнения в экипажах. Будучи хорошо осведомленным о событиях в Либаве, Анфимов рассказывал об этом на очередных уроках по механике.

Недовольство войной росло и среди кронштадтских моряков, солидарных с либавскими товарищами. На кораблях и в экипажах Кронштадтской крепости ротные все чаще обнаруживали прокламации и листовки, разоблачавшие истинный характер империалистической войны.

20 ноября, в субботу, Лычев получил разрешение уволиться в город, и вечером с первым катером отбыл в Ораниенбаум, а оттуда поездом в Петербург.

Ни жены Макарова, ни его сестры в этот вечер дома не было. Николай попросил мать побыть на кухне, и плотно прикрыл дверь.

Лычев рассказал ему, как познакомился с Анфимовым, о волнениях среди матросов, зачисленных в эскадру Небогатов, об антивоенных настроениях среди кронштадтских моряков.

— Всюду народ недоволен войной и справедливо возлагает вину на царя, — заметил Николай.

Открыв сундук, он из-под сложенной одежды достал книгу В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и на одной из последних страниц прочел вслух: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации... Пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала».

— Понял, Иван, как высоко оценивает Ленин роль организации? — спросил Макаров.

— Понял, — ответил тот.

Под впечатлением услышанного и прочитанного Лычев не мог сразу заснуть.

Встретаться с Николаем, беседовать с ним по душам стало для Лычева потребностью. В разговоре они затрагивали различные вопросы общественной жизни. Лычев интересовался условиями труда на фабриках и заводах, заработками рабочих, их правовым положением, квартирными условиями. Сам он рассказывал Макарову о безотрадной жизни самарских крестьян, оставшихся после реформы 1861 года без земли и

страдавших от непосильных налогов, отработок за арендованную у помещика землю, от засухи и неурожая. Вместе они обсуждали сообщения газет о военных действиях на Дальнем Востоке.

Однажды Макаров, провожая Лычева, сказал ему:

— Хочу, Иван, чтобы ты захватил небольшой пакет для Василия Васильевича.

— Понимаю.

— Надо передать ему листовки Петербургского комитета. В случае провала не говори, где взял и кому нес.

— Тоже знаю. Скорей умру, чем скажу об этом полиции. Можешь не сомневаться.

Лычев заложил переданный ему пакет под фланелевку и туго затянул ремень.

Пакет был доставлен благополучно. С тех пор Макаров стал каждый раз давать Лычеву то одно, то другое задание, и матрос охотно выполнял их.

В марте черноморцы стали готовиться к возвращению в Севастополь.

Наступил день отъезда. На Московский вокзал пришел Николай Макаров проводить Лычева. С ним он отправил посылку для брата. Лычев вез в Севастополь газеты и листовки Петербургского комитета РСДРП.

На другой же день после возвращения в Севастополь Лычеву удалось повидать Александра Макарова и передать ему посылку от брата.

Лычев подробно рассказал Александру о январских событиях в Петербурге, о революционных настроениях балтийских моряков, о борьбе В. И. Ленина за создание пролетарской партии, партии нового типа.

Макарову тоже было что рассказать другу.

— Меньшевики и здесь вредят. Но черноморцы идут за Лениным.

Макаров поинтересовался, куда назначили Лычева после школы.

— На «Потемкин»?! — обрадовался он. — Значит, опять вместе будем! Хорошие ребята у нас на броненосце. Но есть, видать, и шпики. Будь осторожен.

Макаров уже несколько месяцев служил на «Потемкине». Его перевели сюда с «Березани».

Поинтересовался Лычев и Бессалаевым.

— У нас, на «Потемкине». По-прежнему учит молодых «строеному делу».

От Макарова узнал Лычев, что на «Потемкине» служит и его друг Илларион Шестидесятый.

Лычева назначили на броненосец минно-машинным квартирмейстером. Началась его жизнь в новом коллективе. В первый же день после занятий он встретился на баке с Шестиде-

сятым. Илларион очень сожалел, что не назначили Лычева в четвертое отделение, в котором был сам. Дружья долго и задушевно разговаривали.

Лычев и Скребнев оказались в одной социал-демократической группе, ее возглавлял Василий Никишкин. Лычев, как и Скребнев, получал от Никишкина задания и стал завязывать дружеские связи в кубриках. Работать пришлось много, так как социал-демократическая организация корабля на основе решений третьего съезда партии готовила матросов к вооруженному восстанию.

А когда 14 июня 1905 года восставшие матросы захватили броненосец, они для управления кораблем избрали судовую комиссию. В числе избранных оказался и Лычев. Ему как члену комиссии поручили управление минными аппаратами и динамомашинными.

Поскольку состав судовой комиссии оказался крайне разношерстным, в ней в течение всех одиннадцати дней, когда крейсером управляла судовая комиссия, шла острая борьба между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками, эсерами и анархистами — с другой. Меня заинтересовало, как же в этой обстановке вел себя Иван Акимович?

Еще в пути перед членами судовой комиссии встал вопрос, какой тактики держаться по приходе в Одессу. Большевики Никишкин, Дымченко, Кулик и Лычев настаивали на решительных совместных действиях матросов броненосца и рабочих Одессы.

— Раз начали восстание, медлить нельзя, — говорили они. — Надо сегодня же отправить в город отряд матросов.

Избранный председателем комиссии Афанасий Матюшенко не согласился с ними. Он считал, что если матросы всей эскадры и не восстали вслед за «Потемкиным», то обязательно восстанут не сегодня-завтра. Зачем же потемкинцам выступать одним?

— Подождем эскадру. Ведь и Вакуленчук говорил, что не надо действовать разрозненно.

Григорий действительно говорил о вреде разрозненных выступлений, стараясь убедить Матюшенко не поднимать восстание преждевременно, до прихода в район учения всей эскадры. Однако, раз оно началось, обстановка коренным образом изменилась. От восставших требовались самые смелые и решительные действия.

Прибывшие на броненосец представители Одесского комитета РСДРП Березовский и Фельдман оказались меньшевиками, они также проявили нерешительность. Тактику выжидания, которую заняли Матюшенко и меньшевики Березовский и Фельдман, к сожалению, поддержало большинство членов судовой комиссии. Это обрекло команду революционного броненосца на поражение.

Момент внезапности в Одессе был упущен. В день прихода «Потемкина» в городе находился немногочисленный гарнизон, многие солдаты сочувствовали революционным идеям. Созместными усилиями рабочих и военных моряков можно было бы захватить власть.

Пока судовая комиссия бездействовала в ожидании эскадры, местные власти подтянули в город войска.

— Эскадру могут не выпустить из Севастополя, — высказал предположение Лычев. — Нам самим надо действовать... Рабочие надеются на нас, ждут нашей помощи. Надо высаживать десант.

И на этот раз не поддержал его Матюшенко. Афанасий хмуро заметил:

— Теперь уже поздно. Царь, наверное, стянул в Одессу всю свою армию. Одни не справимся.

На борьбу против восставшего броненосца царь действительно стянул войска в Одессу. Сюда же шла и эскадра. Перед отправкой эскадры для захвата «Потемкина» с кораблей списали на берег всех матросов, заподозренных в политической неблагонадежности.

В числе списанных оказались революционные вожаки, готовившие общее восстание на флоте. Ослабили на кораблях социал-демократические организации.

На одесском рейде 17 июня состоялась встреча эскадры с «Потемкиным». Матросы открыто высказали свои симпатии восставшим. Командующий эскадрой, побоявшись присоединения кораблей к «Потемкину», приказал взять обратный курс. Эскадра ушла в Севастополь, так и не выполнив царский приказ о захвате «Потемкина» или потоплении его.

Ушла эскадра из Одессы не только без «Потемкина», но и еще без одного броненосца. Команда «Георгия Победоносца» присоединилась к потемкинцам. Однако верным слугам царя из числа кондукторов удалось снова завладеть кораблем, и они сдали его местным властям.

Измена «Георгия» произвела удручающее впечатление на матросов «Потемкина». Каждый понимал, что врезавшийся в песок броненосец с его четырьмя 12-дюймовыми орудиями может быть использован местным гарнизоном для борьбы с «Потемкиным». Чувствовалась растерянность и в судовой комиссии. Матюшенко несколько раз повторял один и тот же вопрос:

— Что нам теперь делать?

Развернули подрывную работу кондуктора.

— В Севастополь, с повинной, — предлагали они.

— В Румынию! — говорило большинство матросов.

Социал-демократы были вынуждены согласиться с требованиями большинства. Уход в Румынию они не рассматривали как конец восстания, а полагали запастись в Констанце топливом, продовольствием и возвратиться к родным берегам

продолжать борьбу. Они прямо говорили об этом матросам, и в настроении команды скоро наступил перелом.

Поздним вечером, когда солнце спряталось за горизонт, а в городе зажгли огни, «Потемкин» ушел к румынским берегам, в Констанцу. Кондуктора предполагали завладеть на переходе броненосцем, они стали готовить бечеву, чтобы связать Матюшенко, Никишкина, Макарова, Скребнева, Лычева... Но большевики разоблачили контрреволюционную сущность агитации кондукторов и сумели восстановить боевой революционный дух команды.

— Мы должны, — сказал на заседании судовой комиссии Лычев, — твердо заявить избравшим нас, что идем в Констанцу за углем и продовольствием, а потом, не теряя времени, возвратимся в Россию для участия в общей борьбе против самодержавия.

Видя, что предложение Лычева матросы встречают с одобрением, Матюшенко сказал:

— Мы, конечно, будем продолжать борьбу.

Наступила тишина. Среди членов комиссии имелись такие, которым предложение Лычева было не по душе, но в присутствии матросов они побоялись высказать свои мысли. Тут же приняли обращение «Ко всему цивилизованному миру». Потемкинцы заявили: «Наш общий девиз: смерть или свобода для всего народа».

Однако в Констанце, а затем и в Феодосии потемкинцам не удалось получить ни продуктов, ни угля, ни пресной воды. Между тем, почти иссякли запасы угля и кончилась пресная вода. Могли остановиться машины, и броненосец превратился бы в неподвижную мишень. Важно было сохранить корабль и не выдать революционных матросов в руки царских палачей. После долгих споров судовая комиссия пришла к выводу, что нужно снова возвратиться в Констанцу. Потемкинцы решили сойти на берег как политические эмигранты.

В полночь 24 июня «Потемкин» бросил якорь на рейде Констанцы. Вдали, сквозь мрак, проглядывали очертания чужого берега. Матросы стояли на постах угрюмые. Погасили огни, приняли другие меры предосторожности на случай нападения миноносцев.

— Вот мы и политические эмигранты, — невесело усмехнулся Лычев.

— Эмигранты, — как эхо, повторил ученик машинной команды новобранец Леонтий Летучев, и вдруг почувствовалось, что это слово причинило людям почти физическую боль.

— Еще не поздно вернуться в Севастополь, — упрямо твердили кондуктора.

— С повинной? Нет! Лучше взорвать броненосец и погибнуть вместе с ним! — рисуясь перед матросами, восклицал Бредихин — приверженец анархистов.

— Зачем гибнуть? — спокойно возражал ему Лычев. — Своей гибелью мы только принесем вред революции. А царь скажет: «Вот, мол, и хорошо, что восемьсот бунтовщиков покончили жизнь самоубийством».

— Но что же делать? Всю жизнь скитаться на чужбине? Лычев настаивал:

— Сойти в Румынии и продолжать борьбу.

Уже перед самым рассветом закончился спор. Судовая комиссия внесла на собрании экипажа предложение о сдаче броненосца румынскому правительству, и оно было принято.

В 13 часов 26 июня броненосец под управлением румынского лоцмана вошел в гавань и ошвартовался. К 17 часам почти вся команда сошла на берег.

Тяжело было матросам прощаться со своим родным кораблем. Одиннадцать дней они без ненавистных офицеров управляли им да как управляли! «Потемкин» совершил большие переходы от Тендры в Одессу, из Одессы в Констанцу, из Констанцы в Феодосию, из Феодосии снова в Констанцу. Нужно было прокладывать курс, уметь держать его, уметь определяться в море, управлять машинами. Команда революционного броненосца отлично справлялась со своими обязанностями. Все это свидетельствует о высокой сознательности матросов «Потемкина», о хороших знаниях ими военноморского дела.

В порт пришли тысячи трудящихся Констанцы. Они тепло приветствовали сходящих на берег потемкинцев, победу над которыми так и не удалось одержать русскому царю.

Непобежденные матросы первой русской революции вступили на румынскую землю с полной уверенностью, что дело, за которое они боролись, непременно восторжествует.

Туда, в Румынию, в том же 1905 году приехала к Лычеву его жена. Но вскоре они вынуждены были уехать в Америку.

Возвратились Лычевы на Родину лишь глубокой осенью 1917 года, уже после победы социалистической революции. 15 ноября Лычев явился в Центральный Комитет партии большевиков.

Его принял Я. М. Свердлов. Узнав, что Лычев — участник восстания на броненосце «Потемкин», Яков Михайлович тепло приветствовал моряка и дал ему задание ехать в Симбирск агитировать за избрание большевиков в Учредительное собрание.

Лычев попросил разрешения предварительно заехать в Обшаровку, куда он предполагал завезти семью. Свердлов согласился.

— Как бы увидеть Ленина? — уже прощаясь, высказал свою заветную мечту Лычев.

— В этом я вам помогу, — улыбнулся Яков Михайлович. 17 ноября Лычев присутствовал на заседании ВЦИК, на

котором Владимир Ильич Ленин выступал несколько раз, а вечером потемкинец снова видел и слушал вождя. Ленин выступал с речью на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями фронтовиков.

Это была речь, в которой вождь Коммунистической партии сообщил о положении Советского правительства, его программе и его задачах.

— Говорят, что мы изолированы, — указывал Владимир Ильич, — буржуазия создала вокруг нас атмосферу лжи и клеветы, но я еще не видал солдата, который бы не приветствовал с восторгом переход власти к Советам. Я не видел крестьянина, который бы высказался против Советов. Необходим союз беднейшего крестьянства с рабочими, и тогда социализм победит во всем мире.

После речи Ильича все встали. В зале возникла громкая овация. И рабочие, и крестьяне, приехавшие сюда в шинелях с фронта, и матрос с «Потемкина», только что возвратившийся из эмиграции, — все они демонстрировали свою любовь к вождю партии, свое согласие с задачами, поставленными главой Советского правительства.

Лычев в тот вечер записал в блокноте:

«Ленин сказал, что Советское правительство считало своим первым долгом предложить мир немедленно. И это оно сделало!»

«Всему народу следует учиться управлять».

«Наша задача, указал Ильич, состоит в том, чтобы идти к коммунизму».

«Он сказал, что рабочие дадут крестьянам ткани, железо, а крестьяне дадут рабочим хлеб».

«Трудовому крестьянину надо помочь, среднего не обидеть, богатого принудить».

«Советы — это организация полной свободы народа».

18 ноября Лычев поездом выехал из Петрограда в Обшаровку. Здесь он оставил Зину у своих родителей, а сам рассчитывал ехать дальше в Симбирск. Но случилось так, что из Обшаровки Иван попал в Самару к секретарю губкома партии В. В. Куйбышеву.

— Вы откуда? — поинтересовался Валериан Владимирович.

— Из-за границы. Находился там после восстания на броненосце «Потемкин».

— Потемкинец? Рад познакомиться. Давно ли в партии?

— С 1904 года.

— А по какому делу прибыли в Самару?

— Я сам самарский, завозил семью в Обшаровку, а теперь вот еду в Симбирск для участия в кампании по выборам в Учредительное собрание.

— Можно взглянуть на мандат?

Куйбышев внимательно прочел документ.

— Вы нужны здесь. А что касается Симбирска, то я договорюсь с Яковом Михайловичем. В Обшаровке вас знают?

— Знают.

— Вот и поезжайте в Обшаровку, организуйте там крепкую Советскую власть.

Валериан Владимирович стал рассказывать Лычеву об обстановке в Самаре. В городе еще продолжалось двоевластие, наряду с Советами орудовала земская управа. Но в Самаре за большевиками шли рабочие и солдаты. Самарский гарнизон тогда насчитывал около шестидесяти тысяч штыков.

— А как на Трубочном? — поинтересовался Лычев.

— Это наша опора, — ответил секретарь губкома.

И действительно, двадцатитрехтысячный рабочий коллектив Трубочного завода горячо поддерживал большевистскую партию и Советскую власть. Заводской комитет состоял из большевиков. Председателем завкома тогда был Н. М. Шверник. Словом, в городе прочно установилась Советская власть, хотя фабриканты и торговцы еще продолжали оказывать ей сопротивление.

Намного сложнее оказалась обстановка в губернии. В волостях только начали создавать партийные ячейки. В села нахлынули ораторы от буржуазных и мелкобуржуазных партий: кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов. Они развернули весьма бурную деятельность среди крестьян. Все это контрреволюционное отребье стремилось свергнуть Советскую власть с помощью Учредительного собрания. Кадеты, эсеры, меньшевики и анархисты скрывали от избирателей свои истинные классовые цели и выступали на сходках с елейными речами в защиту крестьянства, не скупясь на посулы.

Выборы в Учредительное собрание проходили по спискам, а их было много, более двадцати. За кого голосовать? Какому оратору верить? Многие крестьяне еще не осмыслили значения Октябрьской социалистической революции и первых декретов Советской власти — Декретов о земле и мире.

Лычев внимательно выслушал секретаря губкома и в свою очередь познакомил его с записями, которые он сделал на заседании Петроградского Совета.

— Вот об этом и расскажите своим землякам, — посоветовал Валериан Владимирович.

Перед самарскими большевиками в те дни стояла очень ответственная задача — победить контрреволюцию и укрепить Советскую власть во всей губернии. Губком направлял своих представителей в уезды. Получил поручение губкома партии и потемкинец: надо было создать Советскую власть в родном селе. Простившись с секретарем губкома, он поспешил в Обшаровку.

Лычев вернулся в Обшаровку. На собрании жителей своей деревни он сделал доклад о Великой Октябрьской социалистической революции, рассказал крестьянам о задачах Советской власти, которые изложил В. И. Ленин в речи 17 ноября на заседании Петроградского Совета.

Несмотря на сопротивление кулаков, в селе был создан Совет рабочих и крестьянских депутатов. Лычев стал председателем Совета.

В марте 1918 года он поехал в Самару на съезд Советов и там вновь встретился с Куйбышевым. На этот раз Валерий Владимирович предложил Лычеву остаться в городе. Иван Акимович работал сначала заместителем председателя уездного, а затем и губернского исполкома. В 1923 году его избрали секретарем губернского комитета партии.

Иван Акимович Лычев провожал в последний путь великого учителя и вождя, человека, который основал Коммунистическую партию и создал первое в мире социалистическое государство. 22 января 1924 года Лычев в составе самарской делегации на Второй Всесоюзный съезд Советов выезжал в Горки и стоял в почетном карауле у гроба Владимира Ильича Ленина.

Работал Иван Акимович председателем Центральной Контрольной Комиссии Коммунистической партии Белоруссии, уполномоченным ЦКК на Дальнем Востоке.

...Приближалось пятидесятилетие пребывания потемкинца в рядах славной Коммунистической партии. Мне хотелось, чтобы его как-то отметили. Об этом я написал в Центральный Комитет партии Никите Сергеевичу Хрущеву.

Надо ли говорить, с какой радостью 14 июня 1955 года я слушал по радио Указ о награждении Ивана Акимовича Лычева орденом Трудового Красного Знамени. Этот орден в Кремле вручил потемкинцу Климент Ефремович Ворошилов.

Потемкинцы-москвичи

Меня, конечно, интересовало, с кем из потемкинцев поддерживал связь И. А. Лычев. Оказывается, в 1935 году, в дни тридцатилетия со дня восстания на «Потемкине», приезжали в Москву И. С. Спинов, Е. К. Резниченко, П. И. Недбайло, Г. П. Солодов, А. П. Сыров, А. Ф. Царев и А. С. Зиновьев. С ними встречался тогда Иван Акимович. Но связь между друзьями за истекшие пятнадцать лет нарушилась.

— В Москве живет Летучев, — заметил Иван Акимович. — Захожу к нему, когда бываю в городе.

— Не помните, где жил Спинов? — спросил я.

— В Краснодаре, по Красноармейской улице в доме № 3. Иван Акимович сообщил также сохранившиеся у него ад-

реса Сырова, Резниченко, Солодова и Зиновьева. Всем им я послал письма. Из Краснодара сообщили, что Иван Спиридонович Спинов в городе не проживает. Ответ прислал из Коломны лишь Зиновьев. А вскоре приехал в Москву и он сам.

Алексей Степанович Зиновьев до флотской службы работал в Коломне на паровозостроительном заводе молотобойцем, клепальщиком, слесарем. В Севастополе, куда он прибыл осенью 1904 года, зачислили его сначала в учебную команду, а затем на броненосец «Потемкин».

В числе восставших матрос Зиновьев вслед за Матюшенко побежал в центральную батарею, возвратился на шканцы с винтовкой и принял участие в расправе над наиболее ненавистными офицерами. Все дни, когда над броненосцем развевался красный флаг, он добросовестно нес вахту и выполнял все приказы судовой комиссии.

Вместе со всей командой Алексей сошел на румынский берег как политический эмигрант. Двенадцать лет пробыл он на чужбине, в Румынии, где работал на заводах «Вулкан» и «Вольф». Вместе с другими потемкинцами Зиновьев участвовал в революционном движении румынского рабочего класса, разъяснял товарищам цели и задачи борьбы. В Россию он возвратился после февральской революции.

В Коломну потемкинец приехал летом 1917 года. Сразу же возвратился к станку, на родном заводе стал красногвардейцем и с оружием в руках боролся за установление Советской власти в Подмоскovie. В боях против врагов революции красногвардеец Зиновьев был ранен. Почти полгода пролежал он в больнице. По выздоровлении служил в продотряде, заготавливал хлеб для рабочих Коломны и Москвы.

Свыше тридцати лет проработал Алексей Степанович Зиновьев на Коломенском паровозостроительном заводе имени Куйбышева. За доблестный труд потемкинец награжден Почетными грамотами дирекции и завкома.

Третьим потемкинцем, с которым встретился я в Москве, был Леонтий Иванович Летучев. На Берсеневскую набережную, где в доме № 16 он проживал, мы пошли вместе с Лычевым.

Леонтий Иванович — коренной москвич, с этим городом связаны многие события в его жизни. Здесь он родился в 1882 году, а в безотрадные детские годы работал в электротехнической мастерской Штейермана и на механическом заводе Рыхлицкого. Из Москвы направился он в 1904 году на действительную службу на Черноморский флот и был зачислен на броненосец «Потемкин».

А. С. Зиновьев.

Л. И. Летучев.

— С кем дружили на броненосце? — поинтересовался я.

— Никогда не забуду Степана Анисимовича Денисенко.

В беседу вмешался Иван Акимович и рассказал, что машинный квартирмейстер Денисенко состоял в рядах социал-демократической партии, был членом судовой комиссии и в дни восстания исполнял обязанности старшего инженера.

Денисенко не раз брал с собой Летучева в портовые мастерские, где изготовлялись заказы для броненосца. А когда машинный квартирмейстер убедился, что Леонтий неболтлив и исполнитель, он стал давать ему поручения. Однажды Степан Денисенко спросил Летучева:

— Сможешь ли тайком пронести сверток на корабль?

Последовал уверенный ответ:

— Смогу.

— А сможешь ли незамеченным разложить прокламации в кубриках, под подушки спящих матросов?

Немного подумав, так же уверенно сказал Леонтий:

— И это смогу.

Денисенко передал Летучеву сверток с прокламациями и научил его, как надо спрятать сверток под фланелевку.

Первое задание он выполнил точно. Во время утренней уборки матросы обнаружили листовки Крымского союза РСДРП с призывом присоединиться к рабочим и крестьянам, поднимающимся на борьбу против помещиков и капиталистов.

Матросы с большим интересом читали призывы партии, и только один из них, сигнальщик Веденмеер, понес листовку командиру броненосца. За сигнальщиком матросы и раньше замечали угодничество перед начальниками.

— Мне под подушку положили, ваше высокоблагородие, — доложил Веденмеер, кладя на стол листовку. — Матрос Иван Каберда рассказал, что вчера революционеры собирались в лесу, о его императорском величестве плохо отзывались. Ходили туда и наши.

— Кто ходил? — заорал Голиков.

— Не могу знать, ваше высокоблагородие!

— А кто тебе прокламацию положил, ты знаешь?

— Не могу знать, ваше высокоблагородие!

— Не могу знать! Не могу знать! — вскипел Голиков, но быстро взял себя в руки. — Узнай, голубчик, кто ходил, хорошо награжу.

Командир сунул в руки Веденмеера рублевку и вызвал вахтенного офицера мичмана Тихменева.

— Откуда на корабле появились листовки?

— Какие листовки, ваше высокоблагородие?

— Какие, какие — революционные! — орал Голиков. — Ничего вы не знаете! Ничего не видите! Обыскать всех, обшарить везде!

Но обыск оказался безрезультатным. Не удалось узнать Голикову и тех, кто с его корабля ходил на тайную сходку за город.

Умело была налажена конспирация на корабле, матросы не выдавали друг друга. Такие предатели, как Веденмеер, среди матросов были одиночками, их презирали.

Летучев после этого еще не раз получал на берегу прокламации, приносил на корабль, распространяя их среди матросов.

В мае 1905 года в руки командира броненосца еще раз попала листовка — воззвание большевиков Севастопольского комитета РСДРП к рабочим порта. Воззвание убеждало рабочих не верить обещаниям командующего флотом вице-адмирала Чухнина об удовлетворении их нужд и призывало присоединиться к требованиям русского пролетариата о прекращении войны с Японией, предоставлении политических свобод и созыве Учредительного собрания.

На этот раз листовку передал офицерам матрос Кулешин.

— Ваше благородие, — докладывал Кулешин вахтенному начальнику мичману Тихменеву, — матрос Фурсаев дал мне эту бумажку и сказал: «Прочти и отдай обратно, а я тебе дам другую, еще лучше».

Тихменев немедленно побежал к Голикову. Вскоре в командирскую каюту привели Никиту Фурсаева. Голиков решил во что бы то ни стало узнать у матроса, где он взял прокламацию.

— Скажешь, дам сто рублей, — пообещал он.
Но командир ошибался. Фурсаев своей совестью не торговал.

— Засажу в тюрьму! — орал Голиков.

Не помогли и угрозы.

— Ничего не знаю, я неграмотный, — прикинулся Никита.

Вскоре вся команда узнала, что Фурсаева посадили в карцер по доносу Кулешина. Вечером, ложась спать, Кулешин обнаружил на койке записку: «Ты предатель». В роте все матросы перестали с ним разговаривать, отворачивались от него. Зато мужественное поведение новобранца Никиты Семеновича Фурсаева, сына бедняка из села Пады, Балашовского уезда, Саратовской губернии, вызвало симпатии к нему со стороны всей команды. Матросы тайком ходили к карцеру, передавали арестованному хлеб, папиросы, воду...

Обнаруженная на «Потемкине» листовка была с донесением отправлена Чухнину. На корабль для производства дознания прибыл помощник начальника Таврического губернского жандармского управления.

Матросы заволновались.

— Фурсаев не выдаст? — спросил Лычев у Вакуленчука.

— Я ему верю. Твердый он человек. Самостоятельный. А ты, Ваня, поговори с Кулешиним. Может, не по злому умыслу он так сделал. От того, как он будет вести себя на допросе, зависит судьба Фурсаева.

И Лычев в тот же день побеседовал с Кулешиним. На допросе тот отказался от своего первоначального показания, что прокламацию получил от Фурсаева.

В свою очередь Фурсаев показал жандармскому офицеру:

— Я поднял какую-то бумажку и по просьбе Кулешина передал ему. Что написано в ней, не знаю, так как неграмотный.

Допрошенные в качестве свидетелей командир роты, боцман и матрос Прокофьев подтвердили неграмотность Фурсаева и дали о нем положительные отзывы.

— А что собой представляет Кулешин? — спросил жандарм у Прокофьева.

— Любит ссоры и не стесняется при столкновении угрожать матросам мстью.

Производивший дознание «не нашел данных для привлечения матроса Фурсаева к ответственности по обвинению в распространении преступных изданий». Военно-морской прокурор Севастопольского порта на протоколе допроса наложил резолюцию: «Полагаю дело дальнейшим производством прекратить».

Управляющий морским министерством Бирилев, ознакомившись с материалами дознания, написал: «Дело прекращаю».

Матрос второй статьи Никита Фурсаев обманул и жандармского прокурора и управляющего морским министерством.

Ом. Он был грамотным и совершенно сознательно дал Кулешину листовку, не предполагая, что тот выдаст его.

Дело с листовкой закончилось благополучно, однако Голиков после этого случая еще больше озверел. Он перестал уезжать на ночь домой, оставался на броненосце и каждую ночь обходил кубрики. Голиков наполовину сократил команде время на обед и стирку белья. Матросы вынуждены были стирать по ночам. С утра до вечера матросов гоняли то на учения, то на работы. По приказанию Голикова ввели ежедневное мытье палуб с протиркой песком. Матросов избивали за самые малейшие проступки. Ухудшилось питание.

Во время восстания Летучев был вместе с Денисенко, но в Констанце их пути разошлись. Машинный квартирмейстер остался в Румынии, а ученик машиниста возвратился в Россию.

Русский консул в Констанце, узнав о приходе «Потемкина», немедленно известил Петербург, и к берегам Румынии самым форсированным ходом ушла Черноморская эскадра. Консул прибыл в порт.

— Возвращайтесь, матросики, в Россию, вас простят. Я гарантирую это.

Вспомнил молодой матрос в те минуты о семье. У него в Москве — жена и сын. «А как же они там будут?».

— Ты новобранец. Тебе ничего не будет, — увещевал царский посланник.

Поверил Леонтий консулу и решил возвратиться на Родину. Не один Летучев поверил тогда ему. Поверили в посулы тридцать восемь матросов, десять кондукторов и боцман Мурзук.

Но как только потемкинцы прибыли в Севастополь, их сразу же всех посадили в плавучую тюрьму и началась расправа, несмотря на заверения посланника. Летучева выслали на два с половиной года в штрафной батальон, где он и отбывал наказание.

В Москву Летучев вернулся лишь в сентябре 1908 года. Жить там ему, находившемуся под полицейским надзором, запрещалось. На помощь пришел отец жены. Он поехал в родное село, уговорил писаря и возвратился с паспортом, в котором Леонтий уже значился под фамилией Горячева — это девичья фамилия жены. По подложному паспорту Леонтий Иванович прописался в Москве и с помощью знакомых рабочих устроился в электротехническую контору Масленникова. В 1914 году он поступил машинистом на центральную электростанцию городского трамвая (ныне ГЭС № 2 Мосэнерго).

Потемкинец организовал на электростанции забастовку. Трамваи из-за отсутствия электроэнергии остановились. Электрики требовали увеличения зарплаты. Забастовка продолжалась.

лась четверо суток — и четверо суток стояли трамваи большого города. Администрация вынуждена была удовлетворить требования забастовщиков.

После февральской революции трамвайщики объединились в профсоюз и председателем завкома избрали потемкинца. Теперь уже миновала надобность в фальшивом паспорте, с которым Леонтий Иванович скрывался от полиции, и он снова стал носить свою настоящую фамилию. Он уже не боялся говорить о своем участии в революции 1905 года на Черноморском флоте.

В дни Октября Летучев возглавлял заводской отряд Красной гвардии. Под огнем юнкеров ему пришлось прокладывать телефонный провод от электростанции до Замоскворецкого штаба Красной гвардии.

На груди Леонтия Ивановича орден Ленина. Это награда за тридцатилетнюю безупречную работу на электростанции. Он — член Коммунистической партии.

О судьбе своего хорошего друга и наставника Степана Анисимовича Денисенко Леонтий Иванович не знает. Ничего определенного о нем сказать не мог и Иван Акимович Лычев. Из Румынии, преследуемый румынской охранкой, он с женой уехал в Канаду.

— Здесь, в Замоскворечье, за Советскую власть из потемкинцев боролся не только я, — сообщил Леонтий Иванович.

— А кто же еще?

— Федор Тимофеевич Бурмистров.

— Жив он?

— Приходите завтра ко мне, встретитесь с ним.

На следующий день я снова был на Берсеневской набережной. И здесь, у Леонтия Ивановича, познакомился еще с одним потемкинцем-москвичом.

Федор Тимофеевич Бурмистров из Румынии возвратился в Москву в сентябре 1917 года, в том же месяце на заводе «Мотор» вступил в ряды Коммунистической партии. Во время уличных боев с белогвардейцами и юнкерами он был при штабе Красной гвардии Даниловского подрайона, принимал участие в боях за Кремль, затем был на восточном фронте.

Получил я письмо из Электрогорска, Павлово-Посадского района.

Секретарь комсомольского комитета В. Чугунова сообщила, что у них в рабочем поселке по Пушкинской улице в доме № 35 живет потемкинец Петр Егорович Поликов.

Встретились с ним мы позднее.

Петр Егорович служил на «Варяге», а затем его перевели на «Потемкин».

— Помните ли Войцеховского?

— Вместе из Либавы ехали в Севастополь. Встречались не раз в Румынии. Повидаться бы с ним! Есть что вспомнить.

Петр Егорович из Румынии возвратился в Москву в 1917 году, поступил на электростанцию в Электрогорске и проработал на ней двадцать пять лет. Он член Коммунистической партии с 1925 года.

За поисками героев «Потемкина» из Москвы я поехал в Одессу. А, оказывается, они есть в Москве и в Подмосковье. Встречи и беседы с Лычевым, Зиновьевым, Летучевым, Бурмистровым и Поликовым значительно дополнили сведения о жизни и революционной деятельности потемкинцев. Одновременно я продолжал работать в архивах Музея революции и военно-морского флота, знакомился с документами.

Много раз бывал я с Лычевым, Зиновьевым, Летучевым, Бурмистровым и Поликовым в рабочих клубах и школах столицы, в военных академиях и воинских частях. Я видел, с какой неподдельной любовью встречали их, героев первой русской революции, рабочие, студенты, школьники, воины, с каким исключительным вниманием слушали их воспоминания.

Революционный подвиг героев «Потемкина» служил и всегда будет служить примером нашей молодежи. Он учит беззаветному служению делу коммунизма, во имя которого потемкинцы подняли в 1905 году вооруженное восстание на своем броненосце и не сдались царизму.

Скитания на чужбине

Летом 1954 года, когда снова вместе с Войцеховским приехал в Одессу, я познакомился с женой Петра Варламовича Алексеева — Мариной Ивановной. Она жила на улице Мечникова в доме № 36. От нее узнал, что Петр Варламович умер в 1943 году в городе Куйбышеве, Татарской АССР, куда эвакуировался из Одессы в 1941 году. Она передала мне несколько фотографий.

В том же году встретился в Москве с сыном героя Виктором Петровичем, он — инженер-полковник. Виктор Петрович сообщил, что отец перед войной написал для издательства «Молодая гвардия» воспоминания о скитаниях на чужбине.

В издательстве рукописи не оказалось. Я поехал к И. А. Лычеву и рассказал ему о неудачах поиска.

— А ведь Петр присылал копию и мне.

Беседа наша сразу же прервалась. Иван Акимович стал рыться в своих архивах и обнаружил рукопись, отпечатанную на 76 страницах. В конце ее стояли дата и сведения об авторе. Оказывается, бывший судовый машинист броненосца «Потемкин» состоял членом Коммунистической партии с 5 марта 1918 года. Воспоминания им подписаны 7 декабря 1937 года.

Нельзя без волнения читать эти страницы. На них изложены тяжелые страдания и лишения, которые перенес русский матрос, скитаясь по Европе, Америке, Австралии.

Первые строки воспоминания Петр Варламович посвятил расставанию с революционным броненосцем.

В Констанцу за «Потемкиным» пришли броненосцы «Двенадцать апостолов», «Синоп», «Чесма», «Екатерина II». Буксируемый «Чесмой», «Потемкин» направился в Россию. Каждая минута удаляла от потемкинцев их родной корабль. Сжималось сердце Петра: не удалось завершить восстание победой. Но он верил, что борьба против самодержавия будет доведена русскими рабочими и крестьянами до конца.

И вот «Потемкин» скрылся за горизонтом, осиротели его матросы. Началась для них новая жизнь, полная неожиданностей и горестей.

Румынское правительство, разрешив проживание потемкинцам в Румынии, потребовало, чтобы они не вели никакой революционной пропаганды среди населения. Далее, оно потребовало, чтобы русские матросы не жили в одном городе, а разъехались небольшими группами по всей стране.

Ничего не поделаешь, пришлось расставаться с друзьями, пришлось подчиниться и уезжать из Констанцы. Бывшие рабочие направились в промышленные центры, а крестьяне устремились в деревню.

Петр поехал в румынскую столицу вместе с Афанасием Матюшенко, Петром Куликовым, Иваном Коваленко и другими товарищами.

Перед этим в столичных румынских газетах были помещены корреспонденции о событиях на русском броненосце. Газеты сообщили и о предстоящем приезде русских матросов в Бухарест. Поэтому, когда Матюшенко и его товарищи сошли с поезда, они были потрясены. Тысячи рабочих пришли на вокзал и устроили матросам революционного броненосца волнующую встречу. Их посадили в открытый автомобиль и повезли в префектуру по центральным улицам города. По пути следования жители тепло приветствовали матросов.

П. В. Алексеев, 1905 г.

Стал Петр искать работу. Но найти ее оказалось не так легко. В Румынии и без того было много безработных. В конце концов он вместе с Афанасием Матюшенко и Иваном Коваленко устроился на завод Альфа. Потом на этот завод поступило еще несколько потемкинцев.

Долго работать на этом заводе не пришлось. На каждом шагу чувствовался глаз сигуранцы — румынской жандармерии. Шпики следили за русскими матросами, придирались к ним по малейшему поводу, а еще чаще без всякой причины. Румынские рабочие интересовались, чего же добивались матросы «Потемкина», поднимая восстание.

Среди румын оказались знающие русский язык, между ними и потемкинцами завязывались оживленные беседы. Жандармы упрекали потемкинцев:

— Нарушаете условия, ведете революционную пропаганду. Нельзя собирать рабочих группами.

Жандармам стал часто помогать и мастер цеха. Русским он давал самую плохую, низкооплачиваемую работу, а румынским рабочим нашептывал на ухо:

— Только приехали, да еще бунтовщики, и сразу получили работу, а наши не могут устроиться. Еще хотят, чтобы я давал им лучшую работу. Хотят зарабатывать больше вас.

У потемкинцев стал пропадать инструмент из ящиков, а за него удерживали из заработка. Стоило кому-либо из русских отвернуться, как тиски оказывались в дегте или в грязном масле.

Кто же пакостил? В один из обеденных перерывов Афанасий Матюшенко, воспользовавшись отсутствием в цехе мастера, рассказал румынским рабочим о том, что матросы «Потемкина» боролись за свержение власти помещиков и капиталистов, за восьмичасовой рабочий день, за повышение зарплаты, за свободу профсоюзов и печати.

— А ведь ваш король такой же кровопивец, как и наш царь!

Затем Матюшенко сказал все то, что думал о мастере, его придирах и подстрекательстве.

— Не верьте ему! Он — агент вашей буржуазии.

Проникновенные слова Матюшенко достигли цели, отношение рабочих к потемкинцам улучшилось. Но мастер не успокоился, он решил во что бы то ни стало избавиться от русских матросов.

— Нет заказов.

Потемкинцев уволили.

Строились в Бухаресте вагонооборочные мастерские, туда набирали электромонтеров и слесарей. Алексеев и Матюшенко поступили в мастерские, но как только строительство закончилось, они опять остались без работы. Походили друзья по Бухаресту в поисках новой работы, но безуспешно. Осенью они расстались.

Алексеев уехал, в г. Текуч, оттуда в Милошешти. Устроился слесарем на мыловаренный завод. Здесь, как и в Бухаресте и в Текуче, рабочие интересовались:

— Чего вы добивались, восставая? Почему не можете возвратиться на родину? Почему рабочие празднуют день Первого мая?

Петр подробно отвечал румынским рабочим на их вопросы. Снова вызов в сигуранцу, затем увольнение.

— Для тебя нет работы.

Осенью 1906 года Алексеев приехал в Плоешти и поступил слесарем на нефтеперегонный завод румынско-американского общества.

В конце 1906 года в Румынии вспыхнуло восстание крестьян, произошли, как называли тогда в печати, «аграрные беспорядки».

Положение крестьян в Румынии было крайне тяжелое. Абсолютное большинство их не имело земли и вынуждено было работать на участках, арендованных у помещиков за непомерно высокую плату. Под влиянием революционных событий в России румынские крестьяне поднимались на борьбу с помещиками. Они стали требовать передачи земли тем, кто ее обрабатывает.

Румынские бояре, в чьих руках находилась почти вся земля, конечно, отказались выполнить это требование. Тогда крестьяне перешли от слов к делу, стали выгонять бояр из поместий и делить их землю.

Королевское правительство, испугавшись народного гнева, объявило почти три четверти страны на военном положении. На подавление восстания были направлены войска.

Помещики вину за разразившиеся в стране крестьянские бунты пытались переложить на потемкинцев. В буржуазных газетах началась против потемкинцев настоящая травля: «Они — опасные люди, возмутили всю страну». Начала действовать полиция. Последовали одиночные, а затем и групповые аресты. Арестовали и Алексеева. В плсештинскую тюрьму засадили восемьдесят матросов «Потемкина».

В тюрьму собственной персоной явился министр внутренних дел Румынии. Он потребовал, чтобы русские матросы дали подписку об отказе от революционной борьбы, и пригрозил высылкой из Румынии в случае неповиновения. Однако, несмотря на угрозы, ни один из них не отказался от своих убеждений и не дал такой подписки.

Ничего не добившись, румынские власти через две недели выпустили заключенных из тюрьмы под особый надзор полиции. Им запретили въезд во многие румынские города. Матросы «Потемкина» обязаны были ставить полицию в известность о каждом изменении места жительства. Шпики неотступно следили за каждым их шагом.

Однако потемкинцы, несмотря на полицейский контроль за ними, продолжали вести революционную пропаганду.

Шпики особенно следили за деятельностью членов судовой комиссии Лычева, Дымченко, Алексеева и других. Чтобы спасти товарищей от полицейской расправы, объединенный матросский комитет, созданный потемкинцами в Румынии, решил отправить их из Румынии в какую-нибудь другую страну.

Петр Алексеев по рекомендации матросского комитета выехал в Австралию. Много невзгод и лишений пришлось перенести ему, прежде чем он добрался до Австралии.

В 1910 году в Браилове Алексеев поступил матросом на пароход, который шел в Антверпен. Здесь Алексеев рассчитался и уехал поездом в Роттердам, где устроился в борденхауз — ночлежный дом для безработных моряков. Через эти дома велся наем на работу. Порядок найма был прямо-таки кабальный. При консульствах стран, на чей пароход требовались матросы или кочегары, имелись специальные агенты. Они состояли в сделке с владельцами борденхаузов и могли ставить безработному моряку любые условия.

В борденхаузе имелся буфет со спиртными напитками. Уволенные с судов за несколько дней пропивали все свои сбережения, а после этого как должники попадали в полную зависимость от хозяина борденхауза и того капитана, который соглашался оплатить их долг.

Поступивший на судно из борденхауза не имел права в плавании увольняться во внеевропейских портах. В случае самовольного ухода капитан мог обратиться к береговым властям с требованием арестовать дезертира и возвратить его на пароход. В пути матросам выдавался только аванс, а полный расчет производился лишь по возвращении из плаванья.

Из Роттердама, куда поехал Алексеев, пароходы в Австралию не ходили. Надо было наняться на судно, следовавшее в Англию или Америку, и оттуда как-то добраться в Австралию.

Алексееву удалось поступить угольщиком на пароход, который после захода в Англию должен был идти в Филадельфию. Из Филадельфии судно снова пошло в Англию, затем в Южную Америку, в Буэнос-Айрес, потом отправилось в Африку. Только после шестимесячного плаванья потемкинец увидел берега Австралии и в Мельбурне покинул пароход.

Очутился Петр в чужом большом городе, но и здесь нашлись друзья. На одном из заводов работали русские эмигранты Максимов, Чучин, Каск и Заборовский.

— С «Потемкина»? Вот здорово!

Они помогли Алексееву устроиться слесарем на завод. Но как только мастер узнал, что русский с «Потемкина», он уволил его.

Где только не работал Петр! И грузчиком в порту, и на заводе братьев Мекса, и в железнодорожных мастерских. В по-

искал работы побывал он в Пери, Бракинхиле, Аделаиде и снова вернулся к друзьям в Мельбурн.

Однажды, идя мимо редакции, Петр прочел световую рекламу новостей. Она сообщала, что в Петрограде произошла грандиозная революция. Он от радости даже закричал:

— Великая революция в Петрограде!

Весть о февральской революции долетела через океаны и до Австралии. Политэмигранты стали торопиться в Россию. На японском корабле «Таньго Мару» 2 августа Алексеев прибыл во Владивосток. Здесь он поступил слесарем на механический завод, участвовал в его национализации. Рабочие завода избрали его членом заводского комитета и депутатом Владивостокского городского Совета.

Но завод из-за отсутствия сырья остановился. Тогда Алексеев поступил машинистом на торговый пароход «Симферополь». Команда избрала его членом судового комитета.

В китайских портах капитан парохода и его помощники стали расходовать судовую кассу в личных целях. Судовой комитет повел борьбу с расхитителями. В Дайрене состоялось собрание команды, на котором Алексеев смело выступил с разоблачением администрации.

Из Дайрена «Симферополь» отправился в порт Манила.

На Филиппинских островах хозяйничали американцы. Капитан прибег к их помощи. Вместе с другими членами судового комитета потемкинца посадили в американскую тюрьму. Алексеев потребовал предъявления обвинения, но полицейские не успели завести «дело», так как «Симферополь» в тот же день ушел из Манилы. Тем не менее, местные власти держали Алексеева в тюрьме три недели, а затем переправили в Гонконг в английскую тюрьму. Пришлось ему также посидеть в шанхайской тюрьме, во французском концлагере. И только после долгих мытарств он снова возвратился во Владивосток.

На Дальнем Востоке к тому времени уже хозяйничали интервенты. Свободно владея английским языком, коммунист Алексеев некоторое время вел во Владивостоке работу среди американских солдат, а затем был переброшен партией в Иркутск.

Петр Варламович долгие годы жил и работал потом в Одессе. Но началась Великая Отечественная война, и семье Алексеева пришлось эвакуироваться. Не довелось Петру Варламовичу возвратиться в Одессу из эвакуации, он умер.

В связи со строительством ГЭС у Жигулей город Куйбышев (Татарской АССР) переносился на более возвышенную местность, на месте его должно быть море.

Не оставлять же останки героя на дне морском, под водой. Не перевезти ли их в Одессу? 2 июля 1954 года я обратился с этим предложением к Главнокомандующему Военно-Морским Флотом.

Главком принял это предложение. Газета Черноморского флота «Флаг Родины» через пять месяцев, 10 декабря 1954 года, писала:

«Вчера в Одессе на втором городском кладбище состоялась торжественно-траурная церемония захоронения останков участника героического восстания на броненосце «Потемкин» в 1905 году Петра Варламовича Алексеева...

В торжественно-траурной церемонии захоронения останков П. В. Алексеева приняли участие военные моряки Черноморского флота, представители общественности города-героя, родные и друзья покойного.

П. В. Алексеев похоронен рядом с могилой своего боевого друга — матроса Григория Вакуленчука».

Письма и встречи

Поиски героев «Потемкина» продолжались. Как и раньше, я прибегал к помощи газет, помещал в них очерки о выявленных потемкинцах. Часто выступал перед читателями, рассказывал об успехах и неудачах поиска. На этих встречах не раз удавалось узнать еще не известные мне адреса героев.

16 февраля 1954 года о поисках героев «Потемкина» и их судьбах я рассказывал воинам одной из частей московского гарнизона. Ко мне поступила записка: «Знаете ли вы, что в Бельцах живет потемкинец?»

— Кто? — спросил я.

— Лакий, — ответил солдат.

— Нет, не знаю. А не сможете ли сообщить его адрес?

— В городе его, бородача, все знают. Напишите в горсовет, вам ответят.

Секретарь потиевской районной газеты «Радянське село» Лесь Мазур сообщил, что у них в районе, в селе Осычки, живет комендор с броненосца «Потемкин» Г. П. Некрашевич.

Из Никополя прислал привет Войцеховскому бывший матрос «Потемкина» М. Д. Данилов. Позднее он сообщил, что в городе живет еще потемкинец Я. Д. Перепада.

На имя Главнокомандующего Военно-Морским Флотом пришло письмо из с. Антонины, Хмельницкой области. Автор его — минный машинист «Потемкина» Илларион Павлович Шестидесятый просил Главкома прислать кого-либо в Антонины и записать его воспоминания.

Житель Москвы Д. В. Барковский сообщил, что его отец, служивший комендором на броненосце «Потемкин», проживает в с. Малевка, Товарновского района, Тульской области.

Комендор броненосца И. В. Седуненко из села Бельенькое, Верхне-Хортицкого района, Запорожской области, обратился ко мне с просьбой оказать содействие в назначении пенсии.

И пришло письмо еще от одного комендора — Е. Ф. Джоболда — из села Васильевки, Синельниковского района, Днепропетровской области.

Письма продолжали поступать с разных концов страны: из Новосибирска и Караганды, из Николаева и Алма-Аты, из Севастополя и Киева, Брянска и Фрунзе...

Как хотелось повидаться с каждым из героев! Но прежде решил побывать на родине Григория Вакуленчука, в селе Большие Коровинцы, Чудновского района, Житомирской области, Ездил туда с И. А. Лычевым и А. Д. Войцеховским.

В селе оказалось много родственников Григория. Плотником работал на сахарном заводе его младший брат Максим. Живы еще были тогда и друзья Григория, в частности, Трофим Акимович Чешук, который вместе с ним ходил в школу, вместе служил на «Потемкине».

Максим Никитич рассказал о том, как протекали детство и юность Григория. У него было четыре брата и две сестры. Жили Вакуленчуки впроголодь. Сам Никита и его дети ходили внаем. В селе находился сахарный завод Терещенко. Вокруг села были свекловичные поля, принадлежавшие тому же помещику. К нему и нанимались Вакуленчуки. Летом они гнули спину на земле Терещенко, а зимой — на его заводе. До призыва Григорий работал на сахарном заводе. Он рано познал подневольный труд.

В избе-читальне, когда мы беседовали с Максимом Никитичем Вакуленчуком и Трофимом Акимовичем Чешуком, собралось немало тех, кто работал когда-то на Терещенко.

Работали тогда от восхода до захода солнца. Платили за это 35 копеек в день.

Батраки и рабочие завода жили в бараках, спали на соломе вповалку. Кормили их бурдой, жижей, приготовленной из свекловичных листьев и бурака.

Максим вспоминает, как однажды Григорий сказал отцу:

— Скотине и то лучше живется. А мы люди и должны добиваться своих прав.

С мыслью, что надо добиваться своих прав на лучшую жизнь, Григорий и уехал из Великих Коровинцев в Севастополь.

В 1952 году во время отпуска я ездил в Мелекесс, Ульяновской области, и там встретился с матросом «Потемкина» Григорием Матвеевичем Кульковым — активным участником гражданской войны на Волге и в Крыму.

Больше ни к кому из потемкинцев до 1954 года не представилось возможности съездить. Вся надежда возлагалась на переписку с героями. К счастью, корреспонденты очень быстро и подробно отвечали на интересовавшие меня вопросы.

Они присылали воспоминания, обращались с самыми различными просьбами. И я делал все зависящее от меня, чтобы

просьбы героев были удовлетворены, касалось ли это санаторного лечения, улучшения жилищных условий, повышения пенсии или устройства внука в Нахимовское училище.

Среди полученных писем, которые я бережно храню, весьма интересны письма комендоров. Это все — друзья Вакуленчука. Многие из них учились вместе с ним в школе комендоров.

Первым из комендоров прислал письмо Еремей Георгиевич Лакий. Он по окончании школы комендоров 28 октября 1903 года прибыл на вновь строящийся эскадренный миноносец «Потемкин». Он вспоминает, что все комендоры, а их сначала было десять, жили между собой дружно, столовались вместе в каземате шестидюймовой пушки в носовой части корабля. Двери каземата были броневые, как и стены. Во время обеда двери закрывали, и мы рассказывали друг другу новости. Григорий Вакуленчук уже тогда был связан с социал-демократическим кружком и приносил на корабль листовки, брошюры, ленинскую «Искру». Лакию не раз приходилось по поручению Вакуленчука ходить ночью по кубрикам и класть листовки под подушки матросов.

В 1903 году окончили школу комендоров Григорий Вакуленчук, Григорий Некрашевич, Епифан Джоболда и Иосиф Седуленко. Судьба каждого из них сложилась по-разному.

Григорий Павлович Некрашевич и Григорий Каплий в июне 1906 года пытались тайно перебраться через государственную границу. Румынские рыбаки охотно перевезли их через Дунай. Но на левом берегу их схватили жандармы. Друзья были доставлены в Севастополь и зачислены в арестантскую роту, с лишением воинского звания. В течение ряда лет они находились под полицейским надзором.

В 1917 году Григория Павловича избрали в родном селе Осычки, Потиевского района, Житомирской области, председателем сельсовета. На этой должности он проработал семь лет. Затем заведовал перевалочным пунктом зерна, работал в колхозе.

Еремей Георгиевич Лакий также тайно перешел границу в 1906 году. Приехал в Петербург, хотел устроиться там на работу. Но все поиски работы оказались тщетными. Пришлось возвращаться на родину, в село Шестоки, Водрашковской волости, Сорокского уезда, Бессарабской губернии. Но кто-то донес в полицию, и в Шестоки срочно приехали пристав, урядник и десять верховых стражников, чтобы схватить потемкинца. Они окружили дом, в котором жил Лакий, и арестовали его. Он также попал под полицейский надзор.

Двадцать два года прожил потемкинец в Бессарабии, захваченной румынскими боярами.

Епифан Федорович Джоболда возвратился из Румынии в 1917 году. Он принял участие в организации колхоза у себя на родине, был бригадиром, членом правления артели.

Позднее всех возвратился на Родину Иосиф Авксентьевич Седуненко. До 1947 года он жил в Болгарии. В России оставался его сын Иван.

Сын потемкинца в восемнадцатилетнем возрасте добровольно вступил в 1918 году в ряды Красной Армии и пошел на фронт защищать молодую Советскую Республику от врагов революции. Он пал смертью храбрых на кубанских полях.

Шли письма не только от потемкинцев. Очень интересные сведения сообщил бывший матрос учебного судна «Прут» М. Д. Поторока из Алма-Аты. На это судно 7 июня 1905 года, т. е. за пять дней до ухода «Потемкина» из Севастополя, списали с «Екатерины II» вожака черноморских матросов, председателя Центрального комитета военной организации РСДРП на флоте Александра Михайловича Петрова. Максим Данилович Поторока, оказывается, знал Петрова и вот что сообщил о нем.

...В первых числах июня в машинном отделении появился матрос среднего роста, плотный. Он ловко взбегал и спускался по трапу, а возле машины все делал уверенно.

— Откуда такой новичок? — спросил Максим Поторока у машиниста Дмитрия Титова.

— Новичок! — усмехнулся Титов. — Этот кого хошь поучит... Петров, с «Екатерины».

На следующий день после ужина Поторока читал письмо из дома. К нему незаметно подошел Петров.

— Чего хорошего пишут? — поинтересовался он.

— Неурожай... Нужда. Помещик зажал.

Отец сообщал матросу, что в Екатеринославской и Полтавской губерниях восстания, в Константиноградском уезде сожгли имение помещика Карловского.

— Это же здорово! — заметил Петров. — Родом ты крестьянин, а возле судовой машины — рабочий. Сознавай, что такое матрос и кого он должен защищать.

Поторока задумался: кто же защитит обездоленных? Расстроенный полученной от отца вестью, он долго не мог заснуть после отбоя.

«Прут» готовился к выходу в район Тендры для участия в учениях. На судне проходили практику ученики машинной школы Черноморского флота и училища торгового мореплавания. Всего на корабле с командой было до 600 человек.

Отход намечался в среду, 15 июня. Около 16 часов приготовления были закончены, все ждали: вот-вот последует команда сняться с якоря, как вдруг командира корабля капитана второго ранга Барановского срочно вызвали в штаб флота. Там его предупредили, что на «Потемкине» вспыхнул мятеж, броненосец ушел в Одессу. Учения отменяются. Но «Пруту» приказано следовать к Тендре и ждать там дальнейших указаний.

На следующий день, 16 июня, рано утром «Прут» бросил якорь у Тендры.

— Где же «Потемкин»? — спрашивали матросы. Ведь к нему для участия в учении пришел сюда «Прут». Во всяком случае, так объясняли офицеры перед выходом из Севастополя.

Командир на катере отправился на маяк. Тем временем к судну подплыли рыбаки.

— Ну, как улов? Попадается? — поинтересовались матросы.

— Попадается, да несъедобное.

Они показали матросам мокрую офицерскую фуражку.

— Откуда?

Рыбаки сообщили, что вчера на «Потемкине» была стрельба, матросы выбросили офицеров за борт.

— А где броненосец?

— С красным флагом ушел в море.

Куда он ушел? Рыбаки не знали. «Что же произошло на «Потемкине»? — спрашивали моряки друг друга.

Из Севастополя последовало приказание «Пруту» идти в Николаев.

В городе в те дни проходила забастовка рабочих порта и судостроительного завода, состоялась демонстрация, по демонстрантам стреляли полицейские и казаки.

Как Барановский ни следил за тем, чтобы матросы не общались с рабочими, кое-кому из матросов все же удалось узнать от рабочих о восстании на «Потемкине» и о развернувшихся в Одессе событиях.

Едва услышали матросы о переходе «Потемкина» на сторону революции, они стали горячо обсуждать между собой это известие. Социал-демократическая организация корабля, которой руководил Александр Петров, приняла решение немедленно поднять матросов на восстание и присоединиться к «Потемкину».

Ночью Петров и его ближайшие помощники и единомышленники машинист Дмитрий Титов, матрос Иван Черный и когегар Иван Адаменко разработали детальный план захвата судна. Настроение у всех было приподнятое, боевое.

В полдень 17 июня на «Пруте» получили телеграмму из Севастополя с приказом следовать в Одессу на соединение с эскадрой, выходящей туда из Севастополя для подавления восстания на «Потемкине».

Из Николаева «Прут» вышел поздно вечером 17 июня. В море встретили яхту командующего флотом. Последовало новое приказание — возвращаться к Тендре.

Придя в район Тендры, Барановский послал телеграмму в Одессу. Скоро пришел ответ. Командующий войсками округа сообщал, что эскадра ушла из Одессы. При этом указывалось, что в эскадре неблагополучно. Тогда командир телеграфировал в Севастополь.

Петров снова созвал сходку. Единодушно решили завтра же захватить корабль и идти в Одессу к «Потемкину».

Под утро 19 июня из штаба флота пришел приказ: идти в Севастополь. На рассвете снялись с якоря.

19 июня жизнь на «Пруте» началась обычным порядком. Утром, когда команда собралась на юте на утреннюю молитву, вдруг послышались крики «ура!» и раздались выстрелы. Одни побежали на бак, откуда доносился шум, другие выбежали на мостик. Там уже находился Александр Петров с группой матросов, вооруженных винтовками. Матросы быстро сломили сопротивление офицеров.

Восставшие легко овладели патронным погребом. Титов с помощью минера Якова Ковалева взломал дверь погреба и стал выбрасывать на палубу ящики с патронами. Матросы разбивали ящики и набивали патронами карманы.

Старший боцман Козлитин пытался усмирить восставших.

— Караул, наверх! — крикнул он.

Но раздался выстрел, и боцман упал на палубу, смертельно раненный.

Петров предложил штурману повернуть корабль в Одессу.

— Если обманешь, не помилуем!

«Прут» изменил курс. Теперь он с каждой минутой удалялся от Севастополя и приближался к Одессе, где матросы «Прута» надеялись соединиться с потемкинцами.

Для наблюдения за курсом Петров приставил к компасу воспитанников мореходного училища.

Созвали сходку. Теперь уже не требовалось делать это тайно, укрываясь от офицеров. Матросы могли свободно высказывать свои мысли.

От каждого класса учеников машинной школы и от каждой вахты выделили представителей. Те в свою очередь из своей среды избрали распорядительную комиссию для управления судном. Командиром назначили прапорщика Яцимирского.

Прапорщику Сандакову предложили исполнять обязанности штурмана.

— Что хочет команда сделать с судном? — заинтересовался Сандаков.

— Идем к «Потемкину»! Соединимся с ним! — пояснил Петров.

Когда управление кораблем было налажено, комиссия снова собрала матросов на сходку. Петров не без гордости сообщил, что является социал-демократом. Он подробно разъяснил матросам цели и задачи партии, значение восстания, поднятого на «Потемкине», призвал поддержать потемкинцев и вместе с ними добиваться свержения царизма и установления в России демократической республики.

После Петрова выступили с призывом поддержать потемкинцев матросы Черный и Козуб.

И. П. Шестидесятый, И. А. Лычев и А. Д. Войцеховский.

«Прут» подходил к Одессе. Петров нетерпеливо смотрел в бинокль, стараясь увидеть очертания знакомого корабля. Он представлял себе, как встретится со своим другом Григорием Вакуленчуком, как они вместе будут раздувать пожар восстания. Он верил в то, что матросы всех кораблей, а не только «Прута», придут под знамя «Потемкина», знамя революции.

Но что такое? В самой гавани виднелся другой корабль. Петров узнал «Григория Победоносца». Почему же он здесь? Где «Потемкин»?

В Одессе не знали, что «Прут» захвачен революционными моряками. Навстречу судну вышел портовый лоцманский катер, чтобы провести его в гавань.

Петров, окончательно убедившись в том, что «Потемкина» здесь нет, сказал Яцимирскому:

— В порт не входите! На якорь не становиться! У лоцмана спросите, где эскадра, к которой нам приказано присоединиться, и куда ушел «Потемкин», которого нам надо-де избегать.

Лоцман ответил на все вопросы Яцимирского и сообщил, что «Потемкин» ушел в море, к устью Дуная.

Услышав ответ, матросы опечалились. Сразу же возник вопрос: куда идти? Как только одесский рейд скрылся из глаз, Петров собрал митинг и поставил этот вопрос перед командой. Одни говорили, что надо идти в Румынию или Болгарию и сдать там властям, другие, наиболее решительные и революционно настроенные, предлагали не прекращать борьбу, а, наоборот, идти в Севастополь и поднять там восстание.

Манящая перспектива овладеть крепостью и главной базой флота увлекла матросов, и «Прут» пошел в Севастополь. Но в пути судно перехватили миноносцы, направленные на борьбу с «Потемкиным». Они сопровождали «Прут» до входа в бухту. В бухту войти не разрешили. Приказали бросить якорь на рейде. Вскоре на «Прут» прибыл командующий флотом вице-адмирал Чухнин с военно-морским прокурором и военным следователем. Команду построили. Адмирал потребовал от матросов, чтобы они выдали зачинщиков. Матросы молчали.

Тогда из строя с высоко поднятой головой вышел Петров и заявил:

— Я зачинщик!

На него немедленно надели наручники.

Вслед за Петровым вышел из строя Титов.

Черного и Адаменко вызвал прокурор.

Всех их переправили в тюрьму.

21 июня на «Пруте» снова побывали прокурор и следователь, снова произвели аресты. Все наиболее активные участники восстания оказались в плавучей тюрьме.

Матросов посадили в крепость. Попал в каземат и Максим Потороко.

30 июня 1905 года состоялся суд над участниками восстания на «Пруте».

Заседания суда проходили под Севастополем, в Киленбалке. Сюда можно было попасть из города только через бухту. Вся местность, где заседал суд, охранялась солдатами. У входа в бухту стояли два дозорных миноносца.

Военно-морскому суду Севастопольского порта были преданы сорок четыре матроса учебного судна. Они обвинялись в том, что, «по предварительному сговору между собой и с намерением содействовать противоправительственным партиям, стремящимся к ниспровержению существующего в России государственного строя, захватили 19 июня имевшиеся на судне винтовки, взломали погреб и, разобрав патроны, арестовали офицеров». Кроме того, им вменялось в вину, что они, захватив корабль, направили его в Одессу, чтобы присоединиться к «Потемкину».

Прокурор считал, что организатором восстания на «Пруте» был матрос второй статьи 37 флотского экипажа Александр Петров, уроженец города Казани. Да и сам Петров не скрывал от суда, что считал необходимым вести борьбу против существовавшего в России государственного строя. Для успешности этой борьбы желал, чтобы войско действовало заодно с народом.

Петров только сожалел, что мало сделал для подготовки команды к восстанию.

Суд приговорил Александра Петрова к смертной казни. К смертной казни были приговорены и его помощники: машинист

И. Т. Чубук с супругой.

первой статьи Дмитрий Матвеевич Титов, матрос первой статьи Иван Арефьевич Черный, кочегар второй статьи Иван Ферапонтович Адаменко. Остальных суд приговорил к каторжным работам. 24 августа на Длинной косе, возле Михайловской крепости, состоялась казнь.

В 1954 году у меня были две интересные встречи с потемкинцами.

Главнокомандующий Военно-Морским Флотом направил письмо Иллариона Павловича Шестидесятого в Главное Политическое Управление Советской Армии и ВМФ. Меня пригласил к себе заместитель начальника Главпура генерал С. С. Шатилов и спросил, знаю ли я Шестидесятого. Я доложил все, что слышал о нем от И. А. Лычева.

— Не желаете ли поехать к нему и записать его воспоминания?

Я был несказанно рад представившейся возможности встретиться с членом судовой комиссии революционного броненосца.

Пожелал поехать со мной в Антонины и Иван Акимович Лычев, ведь расстались друзья еще в 1908 году. Пригласили туда и А. Д. Войцеховского.

Трогательной была встреча друзей, за воспоминаниями они просиживали часами.

Илларион Павлович из Румынии в поисках работы в 1908 году уехал по приглашению Степана Денисенко в Канаду. Там женился на землячке. Когда пришла весть о народной победе в России, сразу не смогли выехать на Родину — была маленькая дочь. Возвратились лишь в 1923 году. Тринадцать лет работал минный машинист «Потемкина» в модельном цехе Московского автозавода. В те же годы работал в Москве и И. А. Лычев. Встретиться друзьям тогда не удалось. Дочь потемкинца на Родине получила высшее образование и работает в Антонинах — она врач районной больницы.

Я раньше знал, что вместе с Шестидесятым в Канаде жил один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин» Степан Анисимович Денисенко. Я надеялся узнать о его дальнейшей судьбе. Но Илларион Павлович ничего определенного сказать не мог, он последний раз видел Степана Анисимовича в 1912 году.

В том же 1954 году я выезжал еще в Ленинград и там встретился с кочегаром «Потемкина» Иваном Тихоновичем Чубуком, членом КПСС с 1917 года.

Герой в годы гражданской войны служил в луганском отряде Красной гвардии, подружил на фронте с санитаркой из чапаевской дивизии коммунисткой Анкой. Анна Васильевна — его жена.

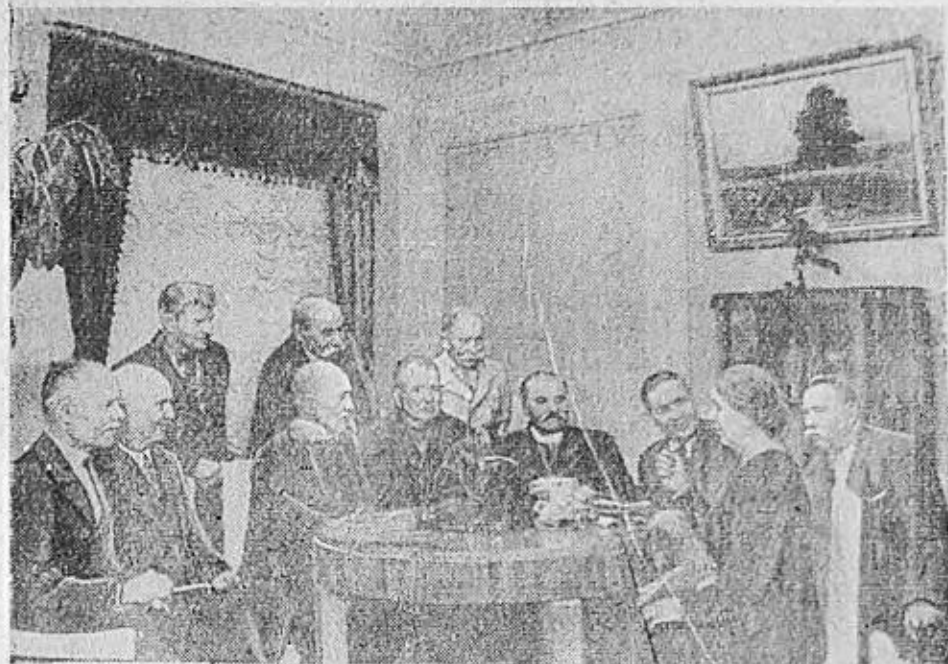
В дни блокады Ленинграда потемкинец командовал партизанским отрядом, истребляя фашистов во вражеском тылу, а чапаевка в те дни работала медицинской сестрой в военном госпитале.

У земляков Афанасия Матюшенко

Приближалась пятидесятая годовщина со дня вооруженного восстания на броненосце «Потемкин». Хотелось к празднику выявить всех доживших до наших дней участников восстания. К счастью, в фондах Центрального государственного архива Военно-Морского Флота сохранился список 36-го флотского экипажа, в котором имелись сведения о месте рождения каждого члена экипажа.

Еще в 1954 году архив разослал в областные и краевые Советы депутатов трудящихся списки матросов «Потемкина» для выяснения судеб героев. В том же году стали поступать в архив ответы.

Самый пространственный ответ пришел из Харькова. Только в областном центре жили машинист А. Н. Лобов, минный машинист Н. П. Рыжий, минеры П. П. Фесенко и Я. Е. Глущенко, матросы И. И. Старцев и Е. С. Шевченко.

Слева направо (сидят): А. Н. Лобов, Я. Е. Глущенко, П. П. Фесенко, А. Я. Дмитренко, З. А. Цымбал, И. А. Лычев, Ф. Н. Матюшенко, П. Н. Ольховский, (стоят): И. И. Старцев, Е. С. Шевченко, Н. П. Рыжий.

Шесть потемкинцев в одном городе! Да еще под Харьковом проживали комендор П. Н. Ольховский и машинист А. Я. Дмитренко.

Послал я письмо Старцеву. Спросил, встречаются ли друзья. Оказалось, что хоть и живут они в одном городе, но ни разу не встречались. «А я и не знал, — писал Старцев, — что у нас в Харькове живут Лобов, Глущенко и Шевченко».

«Немедленно надо поехать в Харьков и устроить встречу друзей», — решил я. Когда поделился этой мыслью с Иваном Анисимовичем Лычевым, тот горячо одобрил ее и поехал со мной.

Стремление И. А. Лычева побывать в Харькове мне было понятно. Это — родина Афанасия Матюшенко, который являлся близким другом, непосредственным начальником Лычева на броненосце.

Перед отъездом из Москвы я позвонил по телефону в Харьков и условился с начальником гарнизонного Дома офицеров о проведении у них 20 мая 1955 года встречи с героями «Потемкина». Отправил приглашение на эту встречу и кочегарному квартирмейстеру Захарью Афанасьевичу Цымбалу, проживающему в с. Чернухи, Подтавской области.

В Харьков мы приехали 19 мая. В этот же день были в Дергачах — на родине Афанасия Матюшенко. Нас прежде всего интересовало, живы ли родственники героя.

Первый же житель, к которому мы обратились с этим вопросом, указал нам на дом сестры Афанасия — Феклы Николаевны.

Побеседовав с ней, мы пригласили ее на встречу с друзьями Афанасия в Харьков. Она с большой охотой приняла приглашение.

Съезжаться в Дом офицеров дорогие гости начали с утра. Первым приехал Цымбал, минут через десять пришел Фесенко. Завязалась беседа между Лычевым, Фесенко и Цымбалом. Им было что вспомнить.

Работая в архивах, я познакомился с открытым письмом активных участников вооруженного восстания на броненосце «Потемкин» к русскому пролетариату, которое отправили они из Румынии сразу же после сдачи броненосца румынским властям.

В письме указывалось, что лишь непреодолимые технические трудности и абсолютная невозможность достать угля поставили матросов «Потемкина» в печальную и трагическую необходимость покинуть броненосец.

«Теперь мы, — указывалось в открытом письме русскому пролетариату, — остаемся больше чем когда-либо верными делу пролетариата и свободы в России и выражаем полную готовность жертвовать своей жизнью по примеру своих товарищей, павших под Феодосией, наш девиз теперь, как и раньше, остается: «Смерть или свобода для всей России».

Письмо заканчивалось призывами: «Да здравствует российский пролетариат! Да здравствует международный социализм! Да здравствует всероссийская революция!»

Под этим письмом в числе двадцати девяти подписей стояли и подписи трех собеседников.

Нельзя было без волнения наблюдать встречу друзей спустя полвека. Давно не виделись и, конечно, не сразу узнавали друг друга.

— Как твоя фамилия?

— Лобов, машинистом служил.

— Помню, помню. А я Дмитренко.

— Афанасий?

— Он самый.

И машинисты заключают друг друга в крепкие объятия. В полдень приехал из Минковки, Волковского района. Ольховский.

— А где Лычев? — сразу же спросил он.

— Да это ты, Петро! — пошел навстречу к нему Лычев.

— Ваня!

Снова крепкие объятия и поцелуи.

Друзья уточняют, сколько прошло лет после разлуки. Оказывается, сорок восемь!

В Кымпине матросы «Потемкина» жили коммуной, назвав ее «Истинным» товариществом социалистической новой жизни». Разработали устав. Заработанные деньги коммунары вносили в кассу. На эти деньги содержалась квартира, покупались продукты, одежда. На мелкие расходы каждому члену коммуны выдавалось ежемесячно по 10 франков. Все члены товарищества пользовались равными правами, независимо от заработка. В этой коммуне и жили в Румынии около двух лет Лычев и Ольховский.

— Жива ли Зина? — интересуется Ольховский.

— Привет тебе сердечный от нее. Приглашаем тебя в гости.

— Есть ли дети?

— Три дочери, внуков имеем, — отвечает другу Иван Акимович.

К 12 часам собрались и остальные. Каждый интересовался судьбой товарищей, рассказывал о своей. Я стремился записать беседу потемкинцев в свой блокнот и сожалел, что не владею стенографией.

Все ли были в Румынии?

Нет, не все. Ефима Степановича Шёвченко полицейские арестовали в Феодосии.

22 июня броненосец «Потемкин» из Констанцы пришел в Феодосию с надеждой приобрести в порту уголь и пресную воду. Однако местные власти воспренятствовали этому. Член судовой комиссии Евгений Резниченко сообщил судовой комиссии:

— В порту есть шаланда с углем.

— Надо забрать ее силой, — предложил Никишкин.

— Забрать! Забрать! — поддержали потемкинцы.

Через несколько минут к шаланде подошел катер с матросами. В числе их находились Матюшенко, Никишкин и Дорофей Кошуба — руководитель социал-демократической организации броненосца «Георгий Победоносец», оставшийся на «Потемкине» после сдачи врагами революции «Георгия Победоносца» местным властям в Одессе.

Хозяин шаланды не противился. Он только просил вернуть ее в целости. Кошуба с Никишкиным и большинством матросов перебрались на шаланду и стали поднимать якорь. Матюшенко с остальными матросами остался на катере и ожидал, когда будет поднят якорь, чтобы взять шаланду на буксир.

В это время на набережной показались солдаты во главе с полковником. Они рассыпались вдоль берега и заняли положение для стрельбы. Увидев, что матросы «Потемкина» вот-вот уведут шаланду, полковник скомандовал:

— Первая, вторая и третья роты по шаланде, остальные по катеру — огонь!

Солдаты нехотя повиновались. Один из них, Иосиф Мочедлобер*, выстрелил не в матросов, а в командира полка. Однако другие не последовали его примеру и открыли огонь по шаланде.

Раздался залп, другой, третий...

С разбитой головой упал матрос Циркунов. Пуля прострелила сердце Никишкина, страстного агитатора за революцию. Он свалился за борт, пытался плыть, но после нескольких беспомощных взмахов руками скрылся под водой.

Был ранен в руку Кошуба. Машинист прыгнул с шаланды в воду, чтобы доплыть до катера, но вскоре выбился из сил.

По команде солдаты поднялись с земли и ринулись к шаланде, чтобы захватить матросов.

В трюме шаланды полицейские схватили потемкинцев Тихона Мартянова, Алексея Заулошина, Евдокима Горбачева и Ефима Шевченко.

Солдаты стреляли по катеру. Во многих местах пули пробили борта. Ранило рулевого Козленко, матросов Ковалева и Переседкова. К штурвалу стал Матюшенко.

Находившимся на катере потемкинцам ничего не оставалось, как повернуть к броненосцу.

Броненосец снова пошел в Констанцу.

А в Феодосии жандармские офицеры допрашивали Дорофея Кошубу. Полицейские схватили обессилевшего от ранения матроса в море, когда он стал тонуть. Но и на допросе он не боялся излагать цели, ради которых примкнул к потемкинцам, изобличал прогнивший насквозь самодержавный строй и деспотические порядки на кораблях.

Кошубу, Шевченко и других арестованных отправили под конвоем в Севастополь и там посадили в плавучую тюрьму.

После подавления восстания на «Очакове», в ноябре 1905 года, Ефима Степановича Шевченко лишили матросского звания, отправили в пехотный полк и установили за ним полицейский надзор. В родное село Мартовку, на Харьковщине, потемкинец возвратился в 1918 году. В 1923 году он организовал сельскохозяйственную артель и стал ее первым председателем.

Все остальные, кроме Шевченко, жили в Румынии.

Минный машинист Николай Пантелеймонович Рыжий через год удачно перешел границу, но, преследуемый жандармами, в 1910 году вновь возвратился к своим товарищам в Румынию. Вторично покинул Румынию уже в сентябре 1918 года. Коммунист Рыжий работал в Полтавском уездном военно-

* Солдата И. Мочедлобера за покушение на командира полка судили и приговорили к смертной казни.

революционном комитете и с оружием в руках защищал молодую Советскую Республику.

Удачно перешел границу в 1907 году вместе с кочегаром Волобуевым и Иван Иванович Старцев, служивший на броненосце «Маяком».

Потемкинцам оказал помощь В. Г. Короленко, проживавший тогда в Полтавской губернии. Писатель устроил Старцева лесником к помещику, снабжал запрещенной литературой.

В 1914 году Старцев распространял в Харькове прокламации, был схвачен жандармами и доставлен под конвоем в Севастополь. Три года он находился в заключении, перебивал в нескольких тюрьмах: в севастопольской, бутырской, ярославской, вологодской, архангельской, тотемской. На свободу вышел только после революции. Он приехал в Харьков и вступил в Красную гвардию на заводе «Станкострой».

Вспоминали не только о мрачных днях царизма. Каждый рассказывал о своей доле труда, вложенной в строительство новой жизни. А было о чем поведать друзьям! Двадцать четыре года честно проработал электромонтером на Харьковском паровозостроительном заводе минер Павел Прокофьевич Фесенко. Такой же трудовой стаж и у машиниста Андрея Никифоровича Лобова. Свыше тридцати лет проработал слесарем на заводе Николай Пантелеймонович Рыжий.

В третьем часу приехала в Дом офицеров Фекла Николаевна Матюшенко. Землякам и друзьям Афанасия Матюшенко приятно было встретиться с его сестрой. Они преподнесли ей букет. Каждому хотелось поговорить с Феклой Николаевной, расспросить об Афанасии, о родителях.

Семья Афанасия после восстания на «Потемкине» подвергалась притеснениям. То и дело заходили полицейские, пытались выяснить местопребывание Афанасия.

— Мы и сами не знали, где он жил, — поясняла Фекла Николаевна. — Но полицейские не верили нам. Приходили и провокаторы, выдавая себя за потемкинцев.

Иван Акимович просил Феклу Николаевну рассказать о юношеских годах героя, руководителя революционной команды «Потемкина».

— Любил книги. Особенно увлекался Тарасом Шевченко.

— Не расставался с Шевченко и на флоте, — заметил И. А. Лычев.

Страстные призывы крепостного кобзаря к гуманности и справедливости отвечали думам и чаяниям паренька из Дергачей. Уже в детстве он ненавидел полицейских. Фекла Николаевна рассказала весьма любопытный эпизод.

Афанасий, презирая полицейских, отпускал в их адрес неприличные слова. Однажды они схватили его и посадили в арестантскую. В тот же день, когда выпустили Афанасия, он,

озлобленный, избил полицейского. Избил и побежал, а полицейские устроили погоню за ним. Прибежал Матюшенко на базар, вскочил на церковную ограду и укрылся в церкви. Он закрыл за собой дверь, поднялся на колокольню и давай трезвонить в колокола. День был воскресный, народу собралось у церкви тьма-тьмушая. Полицейские взломали дверь и стали подниматься на колокольню, чтобы схватить его. Но не тут-то было. Он спустился по веревке в ограду и скрылся. На третий день урядник нашел его и арестовал. Своим поступком Афанасий ничего не добился.

Шестнадцатилетний Афанасий действовал в одиночку, по-видимому, под впечатлением рассказов о декабристах, народовольцах и анархистах. К величайшему сожалению, он и на флоте не понял значения организации и дисциплины в революционной борьбе.

Боевые друзья Афанасия Матюшенко с большой любовью говорили о заслугах своего земляка и с болью в сердце вспоминали об ошибках, которые допустил он в дни восстания.

Чтобы правильно понять и оценить поступки и поведение Матюшенко, следует учитывать всю сложность обстановки 1905 года.

Партия была только еще создана, и в ней шла ожесточенная внутривнутрипартийная борьба. Не только народные массы, но и многие рядовые члены РСДРП подчас не понимали, о чем идет спор в партии. Еще не было возможности проверить слова меньшевиков делами, а на словах они тоже стояли за свержение самодержавия, за революцию, за дело рабочего класса. Пожалуй, громче меньшевиков кричали о революции социалисты-революционеры (эсеры). Проникали во флот идеи анархистов. Революционные фразы этих болтунов, призывавших к полному разрушению царского и всякого строя, нередко кружили горячие головы матросов.

Работу социал-демократической организации на броненосце по подготовке восстания сильно затрудняли имевшиеся на корабле меньшевики и эсеры, а также матросы, зараженные анархистскими взглядами.

Эсеры выступали против восстания. Они старались убедить матросов, что народ может улучшить свое материальное и правовое положение без вооруженной борьбы.

— Винозат не царь, а окружающая его свита, — твердили они. — К чему напрасно проливать кровь!

Меньшевики действовали заодно с эсерами. Их представитель матрос Савотченко как бы вторил эсерам:

— Зачем братья за оружие, когда с царем могут договориться народные представители.

Анархисты, как всегда, свою дезорганизаторскую предательскую деятельность прикрывали «левыми» фразами. Из анархистов выделялся на «Потемкине» матрос Бредихин.

Разошелся с большевиками по ряду вопросов и Матюшенко.

Сын сапожника из Дергачей, Харьковской губернии, Афанасий Николаевич Матюшенко ненавидел царизм, открыто возмущался существовавшими условиями службы на царском флоте. Он так же, как и Вакуленчук, хотел видеть Россию свободной.

Но Матюшенко, эта неугомонная душа, как называли его матросы, явно недооценивал вооруженные силы царизма, их способность подавить разрозненные выступления, недооценивал роль рабочей партии в революционной борьбе пролетариата, преклонялся перед стихийностью.

Понимая, какой вред может принести общему делу неосторожный и непродуманный шаг Матюшенко, Вакуленчук старался приблизить его к себе, просил товарищей влиять на него.

Меньшевики и анархисты, видя, что Матюшенко пользуется большим уважением матросов, также поставили целью привлечь его на свою сторону.

Под вечер в день выхода броненосца из Севастополя в море Матюшенко, наслушавшись анархиста Бредихина, прибежал на полубак, где встретил Вакуленчука, Никишкина, Царева и Макарова.

— Чего ждать? Начинать надо. Теперь или никогда! — возбужденно говорил он.

— Торопись! — заметил Вакуленчук. — Но торопливость ведь и вред приносит. Не зря говорят: «Где слех, там и смех». Дам тебе метлу, сломаешь?

Матюшенко молчал, а Вакуленчук продолжал:

— Не переломишь! А вот если развязать по пруту, тогда легко можно сломать.

— К чему эти присказки! — сердился Матюшенко.

— А вот к чему. Возьмем эскадру. Трудно против нее бороться. А вот один корабль уж совсем не то. С одним броненосцем царь может расправиться.

— Тошно жить на свете! Скоро ли все эти мытарства кончатся?

— Скоро! Очень скоро! Через неделю придут остальные корабли. Будет подан сигнал, и тогда начнем. Подумай только, Афанасий: эскадра революции пройдет по всем портам побережья, от Одессы до Батума.

Матюшенко, увлеченный радужной перспективой, соглашался с Вакуленчуком:

— Ладно. Черт с тобой, потерплю еще немного. Скорее бы!

— Я тоже с нетерпением жду этого дня.

Согласился, но ненадолго. Нарушив слово, данное Вакуленчуку, он раньше времени призвал матросов «Потемкина» к оружию.

После трагической гибели Григория Вакуленчука руководителем революционной команды стал Матюшенко, его матросы избрали председателем судовой комиссии. Будучи председателем, он иногда проявлял нерешительность и действовал заодно с анархистами, эсерами и меньшевиками.

Обидно, что Матюшенко не поддержал предложение большевиков о высадке десанта по приходе в Одессу. Переход власти к народу в этом крупнейшем индустриальном центре на юге России смог бы оказать большое влияние на развитие революционных событий в стране, и вряд ли удалось бы тогда командующему Черноморским флотом увести эскадру в Севастополь. Не поддержал Матюшенко и предложение большевиков направить броненосец вместо Румынии к кавказским берегам, чтобы поддержать там революционные выступления рабочих и крестьян.

На неправильный путь стал Матюшенко и после восстания. Потемкинцы, высадившись в Румынии, командировали его в Женеву к Владимиру Ильичу Ленину.

Возвратившись из Женевы, Матюшенко рассказал товарищам, что В. И. Ленин высоко оценил подвиг матросов «Потемкина» и подчеркнул необходимость сохранить закаленные в боях с самодержавием кадры, готовить их к грядущим боям.

Афанасий Матюшенко там же, в Женеве, без разрешения матросского комитета, встречался с провокатором Гапоном. Тот авантюристически звал матроса к немедленным террористическим действиям, которые решительно осуждал Ленин.

— Вы сидите в Румынии, а в России льется кровь. Надо убить царя!

Кого же послушался Матюшенко? Вот что пишет об этом Надежда Константиновна Крупская: «Приехал в Женеву один из самых видных участников восстания на «Потемкине» матрос Матюшенко. Он сразу же сошелся с Гапоном, ходили они неразлучно»*.

Обидно, что Матюшенко не послушался Ильича и разошелся со своими товарищами по броненосцу, оставшимися верными вождем большевистской партии. Царские ищейки гонялись за потемкинцами, они легко могли бы переловить их при переходе границы. Выиграл бы от этого только царь, а пострадала бы революция. В. И. Ленин смотрел дальше, он предвидел подъем революции и верил, что матросы «Потемкина» сыграют важную роль в окончательной борьбе за освобождение России от власти помещиков и капиталистов. И Ленин, как показали дальнейшие события, не ошибся.

Гапон же своего добился. Революционная Россия потеряла одного из мужественных борцов за свободу, ставшего на ошибочный путь, рекомендованный провокатором.

* Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Партиздат, 1934, стр. 93

В Румынии Афанасий прожил год. В июне 1906 года он отправился в Америку, где восемь месяцев работал на фабрике Зингера, затем вернулся в Париж, сошелся с анархистами и от них получил явку в Одессу.

28 июня 1907 года Матюшенко нелегально прибыл в Одессу с паспортом на имя крестьянина Полтавской губернии Еремея Федоренко.

Квартира, где он остановился, была явочным центром анархистов-синдикалистов. Посетив ее, Матюшенко попал под надзор, за ним стали следить.

Не задерживаясь в Одессе, Афанасий в тот же день выехал в Николаев.

Случилось так, что неподалеку от Одессы анархисты-синдикалисты напали на пароход «София» и отобрали у артельщика «Русского для внешней торговли банка» 50 тысяч рублей. Заподозренный в соучастии, Матюшенко был арестован в Николаеве. Полицейские схватили его 3 июля в сквере, где он сидел на скамейке и беседовал с одним матросом. При обыске у него обнаружили браунинг и 146 рублей денег.

Матюшенко доставили в одесскую тюрьму, и здесь провокатор донес, что в лице Федоренко полиция имеет не уголовного преступника, а одного из руководителей восстания на броненосце «Потемкин». Афанасия заковали в ручные и ножные кандалы и на миноносце «Строгий» тайно переправили в Севастополь. Конвоировали его 7 офицеров и 60 солдат.

У двери камеры, в которую посадили Матюшенко, стоял специальный часовой, а под окном постоянно находились полицейские.

Судьи предъявили Матюшенко обвинение не только в том, что он являлся руководителем восстания. Ему поставили в вину раздел среди команды казенных денег в сумме около 23 тысяч рублей и передачу броненосца в распоряжение румынских властей. Кроме того, они обвинили его в самовольной отлучке до 3 июля 1907 года, когда он был задержан полицией в Николаеве. Будучи в Бухаресте, Матюшенко в феврале 1906 года отправил почтой в Севастополь адъютанту 36-го флотского экипажа штабс-капитану Данилову карикатуру лубочного производства, в которой русский царь изображался в «оскорбительном для его достоинства виде», что, по мнению суда, Матюшенко сделал с целью «возбудить неуважение к особе его императорского величества». На оборотной стороне карикатуры Афанасий написал ругательные слова в адрес штабс-капитана Данилова. Суд квалифицировал это как «оскорбление начальника».

Матюшенко обвинялся еще в том, что, «будучи в бегах за границей и стремясь всеми зависящими от него мерами к развитию смут среди войск и флота в России, издал печатное

воззвание к офицерам армии и флота, подписав его своим именем и фамилией, в котором призывал офицеров поднять восстание против начальства».

За все эти «преступления» суд лишил Афанасия Матюшенко воинского звания, всех прав состояния и постановил подвергнуть его смертной казни через повешение.

Приговор был приведен в исполнение на рассвете 20 октября 1907 года во дворе арестного дома. При казни присутствовало много матросов, приведенных сюда без оружия специально для назидания. Когда читали приговор, Матюшенко оттолкнул палача, стал на стол перед виселицей и, обращаясь к матросам, громко крикнул:

— Прощайте, товарищи! — Затем он повернулся в сторону жандармов и сказал: — Вешайте, трусы! Придет время — и вас перевешают на фонарных столбах.

Беседы и воспоминания друзей продолжались до тех пор, пока их не пригласили в зал. В тот день в Доме офицеров на встречу с героями «Потемкина» пришли солдаты, сержанты, офицеры, представители общественных организаций города. Бурной овацией встретили они ветеранов первой русской революции. С воспоминаниями о событиях на броненосце «Потемкин» перед собравшимися выступили И. А. Лычев, П. Н. Ольховский, З. А. Цымбал. Проникновенную речь к молодым воинам произнесла Ф. Н. Матюшенко.

— Вижу я, — сказала она, — счастливые и решительные лица. Знаю, что каждый из вас знает цену счастья, приобретенного народом в долгой и жестокой борьбе под знаменем Владимира Ильича Ленина. Да, мы знаем цену счастья! Пусть всегда помнят об этом поджигатели войны всех мастей! Это счастье приобрела и семья Афанасия. Теперь в нашей семье есть инженеры, учителя, летчики, врачи. Благодарю Коммунистическую партию за великое человеческое счастье.

Кончилась встреча, и старые друзья собрались снова. Они сели ужинать, потом пели песни.

Исполнили на мотив «Раскинулось море широко» и песню о потемкинцах, написанную матросами в Румынии еще в 1905 году. Вот ее слова:

По бурным волнам черноморским
Чуть видно чернеет вдали,
То сильный и грозный «Потемкин»
Из Тендры в Одессу валит.
Свершил он великое дело,
Он кровью за кровь отомстил
И всех кровожадных драконов
С презрением за борт пустил.
Не видно на нем офицеров,
И нет командира на нем.
Теперь для «Потемкина» мели
И битва с врагом нипочем.
Там равенство, братство, свобода.

Там нет уже светских забот,
Там клятва святая — до гроба
Стоять за рабочий народ.
Вот близится солнце к закату.
В Одессу «Потемкин» прибыл
И якорь огромный свой с борта
В спокойное море спустил.
Наутро товарища тело
С честью на берег свезли,
Павшего жертвой за дело
От подлой дворянской руки.
И труп под навес положили
И флагом накрыли его,
На грудь ему лист положили
С историей смерти его.
У многих стоявших близ трупа
Горячие слезы лились,
Иные молились сквозь слезы
И мстить до могилы клялись.

Текст песни прислал мне из Бузулука, Оренбургской области, бывший строевой квартирмейстер Алексей Семенович Ненашев.

Конечно, песня с точки зрения литературного построения несовершенна. Но она дорога тем, что сочинили ее сами герои, выразили в ней свои сокровенные чувства. Почему наши композиторы не написали до сих пор такой песни о потемкинцах, чтобы народ принял и полюбил ее так же, как песню о подвиге матросов «Варяга»?

В дни юбилея

В 1955 году народы Советского Союза отмечали пятидесятилетие первой русской революции. В выпущенных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС тезисах восстание на «Потемкине» названо выдающимся событием 1905 года и рассматривается как славная страница в истории революционного движения народов нашей страны.

В связи с пятидесятилетием восстания на «Потемкине» на предприятиях, в колхозах, воинских частях и кораблях проводились беседы о революции 1905 года и событиях на Черноморском флоте. В Москве, Ленинграде, Киеве, Севастополе, Одессе, Кронштадте, Таллине, Ростове-на-Дону, Харькове, во многих других городах выступали с воспоминаниями участники восстания на броненосце.

В Москве юбилейные торжества открылись 25 июня большим вечером в Центральном Доме Советской Армии.

Краснознаменный зал заполнили в тот вечер офицеры, генералы, адмиралы, представители общественных организаций столицы.

Дети поздравляют с наградой потемкинцев М. Д. Данилова (крайний справа) и Я. Д. Перепадя.

Для участия на вечере прибыла делегация житомирских колхозников из артели имени Григория Вакуленчука. В составе делегации был и брат Григория Максим Никитич Вакуленчук.

На этот вечер пришли не только потемкинцы, проживающие в Москве. Из Киева приехал Григорий Никитич Полторацкий, из Харькова — Петр Николаевич Ольховский и Иван Иванович Старцев, из Брянска — Евлампий Федорович Резцов, из Караганды — Сергей Петрович Токарев, из Калинина — Яков Лазаревич Горбунов, из Коломны — Алексей Степанович Зиновьев, из Электростали — Петр Егорович Поликов, из Тулы — Василий Петрович Барковский.

Автору и на этот раз оказали честь представить героев «Потемкина» участникам торжественного вечера.

Участники вечера смотрели фильм «Броненосец «Потемкин». Потемкинцы проявили к нему большой интерес. По их мнению, режиссеру и актерам удалось создать замечательную кинолетопись о первом вооруженном восстании на флоте против царизма. Но герои «Потемкина» высказали и свое неудовлетворение.

«Почему не показана в фильме социал-демократическая организация корабля? Посмотрев фильм, создается впечатление, что ее как будто бы и не было на броненосце».

«В фильме следовало показать трудности, вставшие перед большевиками броненосца, подрывную работу в дни

Матрос броненосца «Потемкин» Герасим Прокофьевич Хаценко в гостях у земляков Григория Вакуленчука. 1955 г.

восстания эсеров, анархистов, меньшевиков и приверженцев царя из числа кондукторов».

«Не показано отношение партийного руководства к восстанию. Ведь Владимир Ильич Ленин посылал к восставшим матросам Васильева-Южина».

«Почему главным героем выведен в фильме Афанасий Матюшенко, а не Григорий Вакуленчук — любимец матросов, вождь революционной команды?!»

Замечания справедливые!

Главным событием юбилея было торжественное собрание общественных организаций Москвы с участием героев «Потемкина», адмиралов, генералов, офицеров, матросов, солдат. Собрание состоялось 26 июня в Колонном зале Дома Союзов. Его открыла первый секретарь Московского горкома КПСС Е. А. Фурцева. Доклад о пятидесятилетии со дня восстания на броненосце «Потемкин» сделал первый заместитель начальника Главного Политического Управления Советской Армии и ВМФ адмирал С. Е. Захаров.

Широко отметила юбилей Одесса. 18 июня на теплоходе «Россия» состоялся городской пионерский слет. В нем приняло участие свыше тысячи ребят. Теплоход прошел по курсу, каким полвека назад шел броненосец «Потемкин». Через неделю для участия в праздновании из Севастополя на краснознаменном линейном корабле «Севастополь» прибыл трюмный машинист «Потемкина» А. Ф. Царев, минный машинист «Георгия Победоносца» М. П. Панфилов, минный машинист «Прута» А. М. Лебедев, а также делегация трудящихся города-героя. В воскресенье 26 июня в Одессе состоялось возложение венков на могилу Григория Вакуленчука, а вечером в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха — торжественное заседание партийных, советских и общественных организаций Одессы совместно с представителями Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Торжественное собрание состоялось в Севастополе.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство высоко оценили заслуги потемкинцев.

В мероприятиях, внесенных в правительство бывшим Министром обороны Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым в связи с пятидесятилетием восстания на «Потемкине», не оказалось предложения о награждении доживших до наших дней потемкинцев и установлении им персональных пенсий. Узнав об этом, я 24 июня обратился с письмом к Председателю Президиума Верховного Совета СССР.

Я сообщал Клименту Ефремовичу о том, что в дни подготовки к юбилею был в ЦК КПУ, в Московском, Харьковском, Житомирском обкомах партии. Руководящие работники этих партийных комитетов высказывали надежду, что герои «Потемкина» в дни юбилея будут награждены и будет также про-

явлена забота о материальном обеспечении их старости. Я просил рассмотреть вопрос о награждении доживших до наших дней участников восстания на «Потемкине» и об установлении им пенсий союзного значения.

Меня пригласили в Кремль, поинтересовались, сколько выявлено участников восстания на «Потемкине». Климент Ефремович, получив мое письмо, позвонил в Центральный Комитет партии и разговаривал с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Никита Сергеевич просил прислать материал по этому вопросу в Центральный Комитет.

На моем письме К. Е. Ворошилов написал: «Тов. Хрущеву Н. С. Прошу рассмотреть, я поддерживаю эту просьбу».

Надо ли говорить, какое счастье и радость испытывал я 20 июля 1955 года! В этот день Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил членов судовой комиссии революционного броненосца Ивана Акимовича Лычева и Иллариона Павловича Шестидесятого орденом Красного Знамени и восемьдесят девять потемкинцев — орденом Красной Звезды. В тот же день Совет Министров СССР назначил всем потемкинцам персональные пенсии союзного значения.

Как только вечером позвонили мне об этих решениях, я сразу же написал письма героям. Сердечно поздравил каждого из них с награждением и сообщил им о назначении пенсии.

Я храню ответы, полученные от героев. В них — горячая признательность славной Коммунистической партии и родному Советскому правительству за проявленную заботу.

Мне захотелось собрать фотографии героев «Потемкина», на которых они были бы запечатлены с правительственными наградами.

Письма с просьбой прислать такие фотокарточки я направил всем героям. Одновременно мною были посланы письма о содействии в получении таких фотографий райвоенкомам, райкомам комсомола и редакторам районных газет.

Фотографии награжденных потемкинцев были собраны, они помещены во втором издании книги «Герои «Потемкина», вышедшей в Москве в 1956 году. Они есть и в книге, изданной в 1957 году в Софии.

Пятидесятилетие начала восстания на русском броненосце отмечал и румынский народ.

В 1917 году, когда Россия стала свободной, не все потемкинцы, проживавшие в Румынии, смогли возвратиться на Родину. Некоторые обзавелись семьями, родственниками, они оставались там, надеясь, что в конце концов свободная жизнь наступит и в Румынии.

В Бухаресте в июне 1955 года состоялось торжественное собрание. В столицу пригласили всех проживающих в республике потемкинцев — 33 человека.

Правительство Румынской Народной Республики всех их

наградило орденами и медалями, установило им пожизненно персональные пенсии.

С некоторыми из них мне довелось встречаться.

В июле 1955 года Главнокомандующий Военно-Морским Флотом пригласил потемкинцев, проживающих в Румынской Народной Республике, в Москву на празднование Дня Военно-Морского Флота. Мне было поручено встречать дорогих гостей и сопровождать их в течение всех дней пребывания в Москве.

Прилетело тогда из Румынии тринадцать героев «Потемкина». Кто был в числе гостей?

Минный машинист Николай Иванович Алексеев, уроженец Кишинева. При королевском правительстве его трижды арестовывали за революционную деятельность. В годы хозяйничанья фашистского диктатора Антонеску Алексеева дважды заключали в концентрационный лагерь.

Кочегар броненосца Василий Васильевич Бягин, уроженец Пензенской области. Свыше тридцати лет проработал он котельщиком в железнодорожном депо.

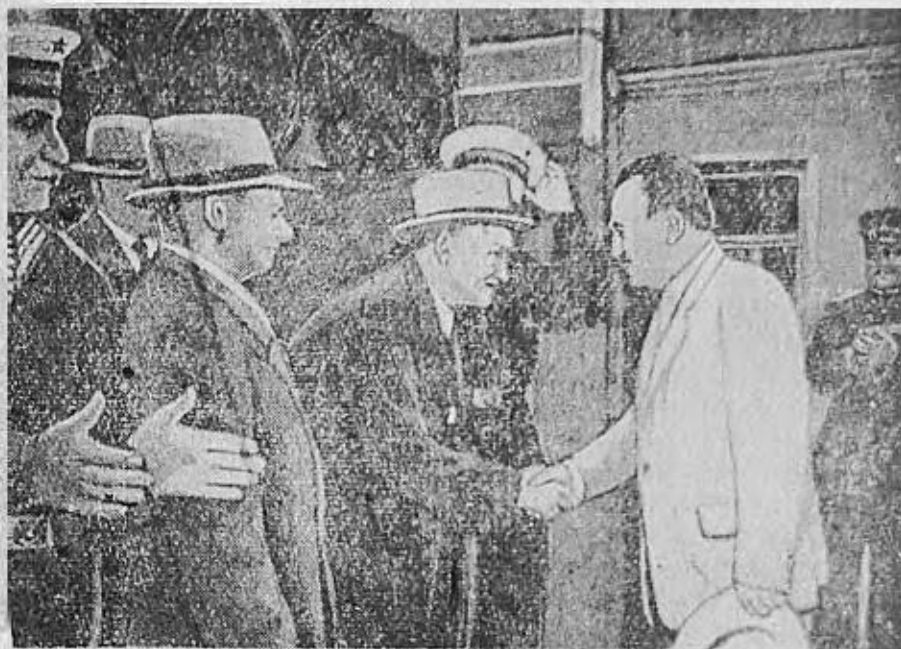
Комендор Иван Васильевич Гибельнов, уроженец Тульской области. Был призван на флот из Москвы. В Румынии, будучи механиком, около 45 лет трудился на нефтяных заводах. За революционную деятельность королевские жандармы двадцать два раза арестовывали его. Он член Румынской рабочей партии с 1945 года.

Машинный ученик Порфирий Иванович Глаголев, уроженец Тулы. До призыва работал сначала в Туле на оружейном заводе, затем — в Москве на судостроительном заводе. Его две сестры и сейчас живут в Москве. Это он во время восстания принес из машинного отделения зубило, молоток и сломал замок оружейного погреба, дав, таким образом, возможность восставшим матросам «Потемкина» завладеть винтовками. Порфирий Иванович — член Румынской рабочей партии с 1947 года.

Электрик броненосца Тимофей Борисович Демин уроженец Тульской области. Тяжелую жизнь, полную лишений и невзгод прожил он, находясь в королевской Румынии. Много лет работал батраком у помещиков. Сейчас он живет в Бухаресте и, несмотря на преклонный возраст, продолжает трудиться.

Матрос Тихон Лукич Еремишко, уроженец Полтавской области. Более двадцати лет проработал он батраком у румынского помещика. В 1941 году, заподозренный в революционной деятельности, был заключен в концлагерь, где пробыл шесть месяцев. Ныне Тихон Лукич — член сельскохозяйственного товарищества.

Матрос Григорий Степанович Кубрак, уроженец Черниговской области. На «Потемкине» он служил в расчете орудия, которым командовал Григорий Вакуленчук. Пятьдесят лет проработал Кубрак на разных заводах Бухареста и Тыр-

А. И. Микоян приветствует в Кремле потемкинцев, прибывших из Румынии на празднование Дня ВМФ в 1955 году.

говиште. В 1945 году вступил в члены Румынской рабочей партии. Сын его и дочь также состоят в рядах Румынской рабочей партии.

Электромонтер броненосца Захар Иванович Куликов, уроженец города Бугульма. Пятьдесят лет проработал он электромонтером в Плоешти. Неоднократно арестовывался румынской охранкой. Захар Иванович, его жена и сын — члены Румынской рабочей партии.

Унтер-офицер броненосца Сафроний Михайлович Лизичкий, уроженец Хмельницкой области. В Румынии много лет работал батраком у помещика, затем плотничал.

Кочегар Даниил Исидорович Павленко, уроженец Полтавской области. Много лет работал он на заводах в разных городах Румынии, потом обзавелся своим хозяйством. Сейчас он механик машинно-тракторной станции.

Матрос Василий Акимович Прихотченко, уроженец города Измаила. 35 лет проработал в Галаце на железной дороге, сейчас живет в Констанце. У Василия Акимовича четыре сына и три дочери, шестеро из них — члены Румынской рабочей партии.

Кочегар Василий Николаевич Пугин, уроженец Сталинградской области. 17 лет служил он водопроводчиком в городе Тырговиште. С 1926 года трудится на лесоразработках. Член Румынской рабочей партии.

Матрос Леонтий Никифорович Чинилов, уроженец Кировской области. До «Потемкина» служил на другом прославленном корабле русского флота — крейсере «Варяг». В Румынии он пятнадцать лет работал на лесопильных заводах, а с 1920 года — непрерывно на цементном заводе.

Гости осмотрели метро, побывали в Кремле, на Ленинских горах, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. 23-июля они присутствовали в Центральном театре Советской Армии на торжественном заседании, посвященном Дню Военно-Морского Флота. Гостей приветствовали Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, И. С. Конев, С. М. Буденный.

25 июля вечером в Центральном Доме Советской Армии состоялась встреча участников вооруженного восстания на броненосце «Потемкин», прибывших в Советский Союз из Румынской Народной Республики, с потемкинцами, проживающими в Москве, с участниками первой русской революции, трудящимися столицы, воинами Советской Армии и Военно-Морского Флота. На вечер пришли старейшие члены большевистской партии: Елена Дмитриевна Стасова, Серафима Ильинична Гопнер, Виктор Алексеевич Радус-Зинкович и другие. Собравшиеся дружно приветствовали тех, кто полвека назад в условиях жесточайшей репрессии смело и мужественно встал на борьбу с царизмом.

Выступивший от имени гостей Н. И. Алексеев поблагодарил советских людей за теплый прием и передал трудящимся Москвы и воинам Советской Армии и Военно-Морского Флота самый сердечный привет и самые наилучшие пожелания.

26 июля потемкинцы посетили Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина и возложили венок.

27 июля гости отбыли самолетом обратно в Бухарест.

Через некоторое время советские люди читали в «Правде», что 4 сентября 1955 года из Одессы в первое дальнее плавание отправился танкер, недавно спущенный на воду со стапелей отечественного судостроительного завода. Новому танкеру в соответствии с решением Совета Министров Союза ССР присвоено название «Григорий Вакуленчук».

Григорию Никитичу Вакуленчуку есть теперь памятники в Одессе и на родине — в селе Большие Корозинцы, Чудновского района, Житомирской области.

Будет и памятник героям «Потемкина» в Одессе!

Поиски героев продолжаются

В числе награжденных не оказалось кочегара Ивана Тихоновича Чубука. При оформлении документов на награждение возникли какие-то формальные препятствия. Работники архива и военно-морского музея в архивных фондах броне-

носца «Потемкин» не обнаружили его фамилии. Вольно или невольно была подвергнута сомнению принадлежность к экипажу революционного броненосца старейшего коммуниста, участника трех революций, защитника Ленинграда от немецко-фашистских захватчиков.

Анна Васильевна — жена потемкинца, также старейшая коммунистка, сообщила мне, что Иван Тихонович, узнав об этом, сильно переживает, заболел и его увезли в больницу. Письмо меня встревожило. Я поехал в Ленинград и попросил секретаря обкома партии Ф. Р. Козлова вникнуть в судьбу героя «Потемкина».

Мне казались странными рассуждения тех архивных и музейных работников, которые не верили коммунисту с доктябрьским партийным стажем и считали непогрешимым список 36 флотского экипажа, составленный чиновниками из департамента полиции. Они не допускали и мысли, что писарь броненосца Сапрыкин мог не записать в него матроса из новобранцев, пришедшего на корабль за несколько часов до отхода его из Севастополя к Тендре. Они не верили учетной партийной карточке, в которой имелась запись о службе И. Т. Чубука на «Потемкине» и пребывании его в Румынии.

Ленинградский обком внимательно рассмотрел мое письмо и возбудил ходатайство о награждении Ивана Тихоновича Чубука. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 23 марта 1956 года он награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Все ли герои «Потемкина» выявлены?

Несмотря на большую работу по их розыску, проведенную Главным морским штабом и Государственным архивом Военно-Морского Флота, думаю, что еще не все герои выявлены.

Мне посчастливилось встречаться и беседовать со многими потемкинцами. Никто из них не подчеркивал своих революционных заслуг. Некоторые из них из-за скромности не заявляли о своей службе на прославленном броненосце и участии в революционном восстании, о них удалось узнать совершенно случайно. Большую помощь в розыске потемкинцев оказали читатели.

В марте 1956 года, следовательно, уже после юбилея, пришло письмо из Майкопа от школьницы Светланы Морозовой. Она писала:

«Однажды из разговора со знакомым я случайно узнала, что в нашем городе по улице Советской в доме № 107 живет участник восстания на броненосце «Потемкин» Чапля Федор Селиверстович. Я сходила к Федору Селиверстовичу, понесла ему Вашу книгу, читала ему несколько раз. Многих из участников восстания он хорошо помнит...»

Светлана попросила написать ей о том, что интересует автора, и обещала ответить без промедления.

Во втором письме она сообщала о жизни героя после 1905 года.

Кочегарный ученик Федор Чапля после восстания тринадцать лет пробыл на чужбине, в Румынии. Работал у помещиков, на железной и шоссейной дорогах, грузчиком в порту. На Родину возвратился в 1918 году. С 1922 года живет в Майкопе, много лет работал на лесозаводе и мебельном комбинате. Сейчас он персональный пенсионер.

Почти одновременно с письмом Светланы Морозовой пришла в Москву весть из села Бустон, Бухарской области. Председатель исполкома Кизилтепинского райсовета депутатов трудящихся тов. Хакимов сообщил, что на станции Кизил-Тепе, Ташкентской железной дороги, живет комендор броненосца «Потемкин» Григорий Константинович Ракитин. Февральская революция застала героя в Болгарии. На Родину возвратиться он смог лишь в 1927 году.

Григорий Константинович вспоминает, какой тяжелой была жизнь в царской Болгарии. Хотелось скорей добраться до освобожденной России. Но как? На помощь пришел Кирилл Мефтодьев, житель города Варна. Он купил лодку, обеспечил русских матросов пресной водой и продуктами. На этой лодке тайком от полиции 15 августа 1927 года под парусами направились в море девять политических эмигрантов. Погода была изменчивой. То и дело стихал ветер, и лодка прекращала движение. Лишь на десятые сутки показались берега Одессы.

В родном селе, на Ставрополье, не оказалось ни отца, ни матери, и бывший моряк уехал в Грозный... Двенадцать лет он живет на станции Кизил-Тепе, плотничает.

Товарищ Хакимов пишет, что Григорий Константинович еще бодр, слышит хорошо, читает без очков и владеет исключительной памятью. Он частенько выступает с воспоминаниями в школах и железнодорожном клубе.

После юбилея пришло письмо и из Горького. Оператор машинно-счетного бюро металлургического завода Людмила Гусельникова сообщала, что с ней живет ее отец — участник восстания на «Потемкине». Из обвинительного акта по делу потемкинцев известно, что матрос Иван Гусельников принимал участие в похоронах Григория Вакуленчука и после похорон был схвачен в Одессе жандармами. Военно-морской суд Севастопольского порта приговорил его к тюремному заключению. Наказание отбывал потемкинец в севастопольской, одесской и николаевской тюрьмах. После тюрьмы настали годы скитаний в нужде и голоде. Гусельников находился под полицейским надзором, никто не брал его на работу.

В 1909 году он приехал в Нижний Новгород и с тех пор живет здесь. В январе 1938 года вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Г. К. Ракитин.

Т. З. Лещенко.

Ф. С. Чапля.

И. Н. Гусельников.

В 1955 году, когда в Харькове собирались на встречу потемкинцы, проживающие в городе и области, никто из нас еще не знал, что в селе Новополянское, Лозовского района, живет кочегарный ученик с «Потемкина» Моисей Гурьевич Кухаренко, также принимавший участие в восстании.

В сентябре 1956 года приехал в Харьков к своим друзьям по «Потемкину» А. Н. Лобову и П. П. Фесенко из города Лиски, Воронежской области, Трофим Захарович Лещенко. И тогда же он послал мне письмо.

Проверил. В списке департамента полиции значится, что Трофим Лещенко служил на «Потемкине» минером и подлежал задержанию, обыску и препровождению в Севастополь к военному прокурору.

Все еще оставалась неизвестной судьба Ивана Спиридоновича Спинова и Василия Павловича Кулика, наиболее активных участников восстания на «Потемкине».

Если бы они были живы, наверное дали бы знать о себе. Так где же они?

Печальную историю об Иване Спиридоновиче поведала его дочь Роза Ивановна. Письмо от нее я получил 14 января 1956 года из Черновиц, где она живет и работает в школе глухонемых.

Из письма я узнал, что Ивана Спиридоновича в октябре 1937 года арестовали, а вскоре он умер.

Роза Ивановна не знала, за что арестовали ее отца, она писала: «Я хочу знать, кто был мой отец и кем мы, его дети, должны считать?»

Она спрашивала так потому, что ей старались еще тогда, в 1937 году, внушить, будто бы отец ее и его лучший друг, известный партизан войны на Кубани Д. П. Жлоба — враги народа. Но детское сердце не могло поверить этому и мучительно переживало утрату отца. Между тем, словно тень, гнусная клевета преследовала детей потемкинца, омрачала их жизнь.

Не поверил я тому, чтобы активный участник первой русской революции допустил враждебные народу действия при Советской власти, за победу которой он боролся в 1905 году.

Совость подсказала мне, что следует незамедлительно восстановить незаслуженно запятнанное кем-то имя потемкинца и хоть в какой-то степени морально облегчить жизнь его детей. И я 26 марта 1956 года обратился к прокурору СССР с просьбой выяснить, правильным ли был арест Ивана Спиридоновича, члена партии с 1904 года.

Главная военная прокуратура, произведя проверку, установила необоснованность осуждения И. С. Спинова. Определением коллегии Верховного Суда СССР от 1 августа 1957 года уголовное дело на него было прекращено за отсутствием состава преступления, и его реабилитировали посмертно.

Роза Ивановна предоставила в мое распоряжение сохранившиеся у нее автобиографию, написанную Иваном Спиридоновичем в 1929 году, и его воспоминания о гражданской войне на Кубани.

Хозяин трюмных отсеков броненосца «Потемкин» Иван Спинов в Румынии жил два года. Осенью 1907 года был арестован за революционную работу среди румынских рабочих и посажен в плоештинскую тюрьму. По освобождении из тюрьмы он вместе с Лычевым нелегально покинул Румынию и выехал в Соединенные Штаты Америки.

В 1911 году друзья расстались. Лычев с семьей остался в Америке, а Спинов уехал в поисках работы во Францию.

В августе 1917 года Спинов приехал в Петроград и направился на родину в станицу Абинскую, под Екатеринодаром.

На Кубани шла острая классовая борьба. Казачья община разделилась на два непримиримых лагеря. На одной стороне находились имущие казаки — кулаки, помещики, казачья верхушка, промышленники. Им противостояла казачья беднота, иногородние, фронтовые казаки. Рознь классовая дополнялась еще рознью сословной.

Спинов прибыл в Абинскую с путевкой, которую он получил в Екатеринодаре (ныне Краснодаре) в краевом партийном комитете от Яна-Полуяна. Потемкинец принял активное участие в борьбе с кулаками и помещиками за переход власти в станице от атамана к Совету депутатов. В казачьей станице организовался отряд Красной гвардии, был создан и военно-революционный комитет, председателем его избрали И. С. Спинова.

Полтора месяца шли упорные бои на Кубани, закончившиеся победой частей Красной Армии и красногвардейских отрядов. В освобождении Екатеринодара от белогвардейцев принял активное участие и Спинов, будучи комиссаром абинского батальона Красной гвардии.

Мирный период на Кубани продолжался недолго. В мае захватили Ростов-на-Дону немецкие оккупанты. Зашевелилась настроенная контрреволюционно казачья верхушка, в станице стали вспыхивать вооруженные восстания. «Добровольческой» армии Деникина удалось 14 июля захватить Екатеринодар и через десять дней — Новороссийск.

И снова потемкинец взял винтовку в руки. Абинский батальон Красной гвардии влился в колонну Е. И. Ковтюха, участвовал в легендарном Таманском походе по побережью Туапсе и в боях за Белореченскую и Ставрополь. При отступлении на Астрахань Спинов в Кизляре оказался в окружении. Все попытки прорваться к своим успеха не имели, пришлось уходить в подполье. Имея паспорт румынского гражданина Степанеску, Спинов пробрался в Туапсе и в селе Михайловском организовал партизанский отряд.

Отряд Спинова 28 июня 1919 года разоружил казачий кордон из 20 человек в селении Ольгинском, а 28 июля истребил 45 карателей, направлявшихся из Туапсе в Новороссийск. Стали устраивать набеги на эшелоны белых.

Оружие теперь стало поступать и в другие партизанские отряды. У партизан появились пулеметы и даже горные пушки. От разрозненных действий партизанские отряды перешли к совместным, согласованным, они объединились в Красную Армию Черноморья. На Спинова возложили подпольную работу среди военных моряков.

В туапсинском порту стояло тогда около двадцати кораблей. Приходили туда английские и французские броненосцы. Офицеры с английских и французских кораблей пьянствовали. Возвращаясь в порт, они глумились над русскими матросами. Чинили произвол и русские офицеры.

Спинов познакомился с командиром транспортного судна «Тайфун» Наливайко. Через него наладил связи с моряками других кораблей. Те помогли ему распространить прокламацию «К морякам Черноморья от большевиков-потемкинцев красно-зеленых».

О чем же писалось в этой прокламации?

Она небольшая, и, поскольку представляет интерес, приведу текст ее полностью:

«Товарищи матросы Черноморья! На ваших глазах происходит небывалая в истории человечества борьба двух классов, класса буржуазии и класса рабочих. Рабочий класс под руководством Российской социал-демократической рабочей партии большевиков создал Красную Армию и Красный Флот, вооружил их и повел против угнетателей — помещиков и капиталистов.

Буржуазия под руководством бывших царских генералов, помещиков и фабрикантов создала белую армию, назвав ее добровольческой, и при содействии мировой буржуазии вооружила ее с ног до головы, до зубов, и повела ее против трудящихся — рабочих и крестьян. Эти две армии ведут ожесточенную борьбу, каждая армия защищает господство своего класса.

Красная Армия состоит из рабочих, бедняков, середняков и батраков, белая армия состоит из кулацких сынков, юнкеров, сынков помещиков и обманутых казаков и части мобилизованных крестьян и рабочих.

Мы, матросы броненосца «Потемкин», в 1905 году подняли Красное Знамя и пошли в наступление против царского самодержавия и капиталистов за социализм, и продолжаем до настоящего времени начатую нами борьбу, призываем и вас, товарищи матросы Черноморья, присоединиться к нам и общими силами свергнуть контрреволюцию в лице царских генералов, капиталистов и помещиков.

Долой буржуазию!

Долой помещиков и капиталистов!

Да здравствуют Советы!

Да здравствует Российская социал-демократическая партия большевиков и ее вождь товарищ Ленин!»

Кто еще из потемкинцев был среди партизан, кроме Спинова, — неизвестно.

Призыв потемкинцев к свержению контрреволюции нашел горячий отклик среди черноморцев.

В первых числах февраля 1920 года Красная Армия Черноморья стала готовиться к освобождению Туапсе от белых. Подпольная городская большевистская организация развернула тщательную и всестороннюю подготовку.

Перед моряками стояла задача — с началом наступления спустить пары на паровых судах, а на судах с двигателями внутреннего сгорания снять трубы охлаждения двигателей, спрятать их, а команды свести на берег.

Утром 25 февраля в город скрытно вошли переодетые красно-зеленые. На всех кораблях матросы произвели тревожные гудки, спустили пары и сошли с оружием на берег. Тем временем красно-зеленые открыли на главных улицах стрельбу. Среди белых поднялась паника. Офицеры бежали в порт, срывая на ходу погоны. Но там их встречали матросы и арестовывали.

Через три часа город полностью заняли красные без потерь. Флот целиком остался в порту, и на кораблях подняли красные флаги. Потемкинца Ивана Спиридоновича Спинова назначили командующим Красным флотом Черноморья.

Красный Черноморский флот сыграл немаловажную роль в освобождении Кавказского побережья от белых. Его корабли несли разведывательную службу и перевозили десанты. В районе селения Джугба Красный флот участвовал в бою с англо-французской эскадрой в составе пяти вымпелов. Бой продолжался час двадцать минут. Наши корабли были поддержаны огнем береговых батарей. Англо-французская эскадра, встретив сильное огневое сопротивление, скрылась.

И. С. Спинов, 1905 г.

После завершения боев по освобождению от белых Кубани и Черноморского побережья Спинов возвратился в Абинскую, и его избрали секретарем партийной ячейки. Еще три года не пришлось ему расставаться с оружием. В плавнях и лесах Кубани скрывались белые банды. При поддержке кулаков они устраивали набеги, грабили местное население, жгли усадьбы красногвардейцев и красных партизан, убивали партийных и советских работников. Не раз варнавинский партизанский отряд выезжал на ликвидацию белых банд. Покончили с ними на Кубани в 1923 году.

Потемкинца, доказавшего в боях глубочайшую преданность народу, избрали председателем Волостного исполнительного комитета, а когда Абинская стала районным центром, ему доверили пост председателя райисполкома.

В 1928 году Ивана Спиридоновича перевели в Краснодар, где он работал председателем краевого управления кооперации инвалидов.

О судьбе В. П. Кулика стало известно лишь в 1957 году.

Пришло письмо из Мурманска, мне сообщали, что в Москве живет сын героя. И вот в декабре 1957 года мы с И. А. Лычевым и Л. И. Летучевым побывали у Павла Васильевича Кулика.

...Когда румынской охранке стало известно, что потемкинец Кулик явился одним из организаторов забастовки в Констанции, его выслали за пределы страны.

После долгих скитаний Кулик попадает в Бельгию. Языка не знает, нет работы, семья далеко. Но друзья нашлись: это были бельгийские рабочие. Они и помогли его семье перебраться в Бельгию, а ему самому — устроиться на работу.

Радостно встретил Василий Павлович революцию в России. Наконец-то можно вернуться на Родину! Но бельгийское правительство не признавало Советскую Республику и не разрешало выезд в Россию.

Так и не пришлось Василию Павловичу вновь побывать на Родине. В 1939 году он умер.

То, что не удалось отцу, сделал сын. В 1956 году вместе со своей семьей он вернулся в Москву. Павел Васильевич коммунист, по специальности — инженер-электрик.

До сих пор остается еще неизвестной судьба активных участников восстания Степана Анисимовича Денисенко, Василия Акимовича Зиновьева, Михаила Матвеевича Костенко, Евгения (Евтихия) Карповича Резниченко, Алексея Петровича Сырова и многих других героев «Потемкина», поиски которых автор продолжает.

Приложения

СПИСОК МОРЯКОВ КРЕЙСЕРА «ВАРЯГ» И КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКИ «КОРЕЕЦ», НАГРАЖДЕННЫХ МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ»

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 8 ФЕВРАЛЯ 1954 г.

Бакалов Василий Федотович — с. Колодезное, Лево-Россошанского района, Воронежской области.
Войцеховский Адольф Доминикович — г. Славута, Хмельницкой области.
Залидеев Дмитрий Степанович — г. Ленинград.
Калинкин Макар Евдокимович — г. Степняк, Акмолинской области.
Капленков Иван Ефимович — г. Ростов-на-Дону.
Крутяков Василий Иванович — д. Ольховка, Новодеревенского района, Рязанской области.
Кузнецов Александр Ильич — д. Балево, Чекалинского района, Тульской области.
Кузнецов Прокофий Максимович — с. Тамбовка, Харабалинского района, Астраханской области.
Мазурец Лукьян Григорьевич — с. Теремно, Волынской области.
Поликов Петр Егорович — г. Электрогорск, Московской области.
Семенов Федор Федорович — совхоз «Пахта-Арал», Южно-Казахстанской области.
Чибисов Тихон Прокофьевич — д. Рахлево, Арсеньевского района, Тульской области.
Шкетник Андрей Иванович — г. Киев.
Ярославцев Иван Федорович — Чердынский р-н, село Покча, Пермская область.

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 24 АВГУСТА 1954 г.

Александров Сидор Григорьевич — с. Гремячка, Рыбно-Слободского района, Татарской АССР.
Афанасьев Иван Афанасьевич — д. Апарино, Палкинского района, Псковской области.
Болдырев Карп Иванович — г. Луганск.

Веррева Фридрих Якубович — с. Мельдри, Вастселинаского района, Эстонской ССР.
 Виктор Андрей Николаевич — с. Остроуховское, Токаревского района, Тамбовской области.
 Владимиренко Модест Денисович — с. Белгородка, Киево-Святошинского района, Киевской области.
 Глазунов Павел Дмитриевич — с. Песьяковское, Ишимского района, Тюменской области.
 Жорин Андрей Дмитриевич — г. Горький.
 Зырянов Денис Кириллович — с. Шестаково, Ново-Займского района, Тюменской области.
 Ильин Петр Алексеевич — г. Симферополь.
 Илюшечкин Илья Яковлевич — с. Починки, Горьковской области.
 Касьянов Михаил Сергеевич — с. Рязановка, Стерлитамакского района, Башкирской АССР.
 Коршак Владимир Герасимович — г. Благовещенск.
 Лохтин Иван Капитонович — г. Сталинград.
 Марк Дмитрий Георгиевич — с. Чугуля, Глодянского района, Молдавской ССР.
 Матасов Семен Матвеевич — с. Виловатов, Богатовского района, Куйбышевской области.
 Михайлов Федор Егорович — д. Лыжино, Любимского района, Омской области.
 Михалев Прокофий Кузьмич — г. Балашов, Саратовской области.
 Прахов Иван Александрович — г. Великий Устюг, Вологодской области.
 Псалом Сил Васильевич — г. Владивосток.
 Сергеев Михаил Сергеевич — Томилнино, Ухтомского района, Московской области.
 Сивун Иван Иванович — с. Гальчин, Олишевского района, Черниговской области.
 Сулаков Прокофий Степанович — д. Надежка, Ермишинского района, Рязанской области.
 Третьяков Максим Андреевич — г. Самарканд.
 Чернышев Моисей Иванович — г. Куйбышев.
 Хандрук Тимофей Кузьмич — с. Духтев, Владимир-Волынского района, Волынской области.
 Шпортун Григорий Васильевич — с. Гальчин, Бердичевского района, Житомирской области.
 Шутов Иван Никифорович — д. Чепанино, Завьяловского района, Удмуртской АССР.
 Юрченко Емельян Ефимович — с. Ворошиловка, Чуйского района, Джамбульской области.
 Яценев Георгий Иванович — с. Оек, Иркутской области.

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 10 МАРТА 1955 г.

Борисов Василий Борисович — д. Юрьево, Старорусского района, Новгородской области.
 Волошин Мирон Парфилович — д. Ущерб, Тугальского района, Томской области.
 Сшивнов Петр Спиридонович — г. Баку.

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 9 АВГУСТА 1955 г.

Козырев Алексей Иванович — г. Мамадыш, Татарской АССР.
 Рудой Павел Саввич — г. Ленинград.

СПИСОК МОРЯКОВ БРОНЕНОСЦА «ПОТЕМКИН», НАГРАЖДЕННЫХ ОРДЕНАМИ

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 20 ИЮЛЯ 1955 г.

Антонов Федор Михайлович — д. Рябичи, Дубровского района, Брянской области.
 Барковский Василий Петрович — с. Малевка, Товарковского района, Тульской области.
 Батиев Ефим Антонович — г. Таласс, Киргизской ССР.
 Бабченко Карп Макеевич — д. Низы, Краснопольского района, Сумской области.
 Береза Антон Емельянович — с. Борисовка, Белгородской области.
 Бирюков Иван Никифорович — с. Биринск, Новодевиченского района, Куйбышевской области.
 Бойко Сергей Сафронович — с. Подгорное, Межевского района, Днепропетровской области.
 Булавко Николай Тимофеевич — с. Кривое Озеро, Николаевской области.
 Бурмистров Федор Тимофеевич — г. Москва.
 Бычинин Яков Апаньевич — с. Песчанка, Больше-Вьяского района, Пензенской области.
 Васильченко Георгий Михайлович — с. Жиринов, Тацинского района, Ростовской области.
 Васин Иван Иванович — с. Раздолье, Быковского района, Сталинградской области.
 Войцеховский Адольф Доминикович — г. Славута, Хмельницкой области.
 Гасаненко Михаил Григорьевич — г. Новороссийск.
 Глушенко Яков Емельянович — г. Харьков.
 Гонтарев Петр Семенович — с. Романовка, Саратовской области.
 Горбунов Яков Лазаревич — г. Канаковка, Калининской области.
 Гужва Афанасий Семенович — г. Пологи, Запорожской области.
 Гутников Ефим Васильевич — г. Караганда.
 Данилов Максим Данилович — г. Никополь, Днепропетровской области.
 Джоболда Епифан Федорович — г. Васильевка, Синельниковского района, Днепропетровской области.
 Дмитренко Афанасий Яковлевич — с. Панасовка, Коломакского района, Харьковской области.
 Ежков Лазарь Михайлович — г. Фрунзе.
 Ермаков Иван Николаевич — г. Ростов-на-Дону.
 Журавлев Иосиф Фомич — с. Ново-Псков, Луганской области.
 Зиновьев Алексей Степанович — г. Коломна, Московской области.
 Зубко Стефан Васильевич — с. Ипатово, Ставропольского края.
 Зубченко Михаил Илларионович — г. Николаев.
 Иванов Лаврентий Иванович — д. Ширтаны, Ибресинского района, Чувашской АССР.
 Иванов Михаил Тихонович — с. Чербаево, Иловатского района, Сталинградской области.
 Карпенко Игнатий Ильич — с. Чапгевка, Золотоношского района, Черкасской области.
 Кашугин Феодосий Яковлевич — г. Кировоград.
 Кирьяненко Демьян Галактионович — с. Н-Водяное, Каменско-Днепровского района, Запорожской области.
 Киселев Осип Александрович — с. Алексеевка, Хвалынского района, Саратовской области.

Коновалов Леонтий Кузьмич — с. Петровское, Ставропольского края.
Костенко Емельян Гаврилович — с. Успенко, Ершовского района, Саратовской области.
Костюков Павел Викторович — с. Журавка, Прохоровского района, Белгородской области.
Кофанов Петр Кузьмич — с. Бешпагир, Спицевского района, Ставропольского края.
Кулявцев Алексей Ильич — г. Грайворон, Белгородской области.
Кунцын Семен Павлович — с. Романовка, Саратовской области.
Кучман Петр Яковлевич — с. Спасское, Благодарнинского района, Ставропольского края.
Лакый Еремей Георгиевич — г. Бельцы, Молдавской ССР.
Летучев Леонтий Иванович — г. Москва.
Литвиненко Иван Кузьмич — г. Жданов, Сталинской области.
Лобов Андрей Никифорович — г. Харьков.
Лычев Иван Акимович — г. Москва.
Мартыненко Михаил Максимович — с. Ракитное, Ново-Водолажского района, Харьковской области.
Мартынов Григорий Иосифович — г. Москва.
Михайленко Иван Иванович — хутор Ольховский, Куйбышевского района, Ростовской области.
Мураха Андрей Прохорович — д. Тихоновичи, Корюковского района, Черниговской области.
Некрашевич Григорий Павлович — с. Осычки, Потиевского района, Житомирской области.
Ненашев Алексей Семенович — г. Бузулук, Оренбургской области.
Озеров Афанасий Порфирьевич — х. Озеровский, Беленихинского района, Белгородской области.
Ольховский Петр Николаевич — с. Минковка, Валковского района, Харьковской области.
Павленко Михаил Иванович — г. Осипенко, Запорожской области.
Пазюк Павел Кононович — г. Запорожье.
Пархоменко Антон Дмитриевич — г. Осипенко, Запорожской области.
Пахно Иван Аверьянович — хутор Крутой, Ново-Покровского района, Днепропетровской области.
Перепада Яков Давыдович — г. Никополь, Днепропетровской области.
Подзолкин Петр Иванович — г. Осипенко, Запорожской области.
Подус Мирон Семенович — г. Днепродзержинск, Днепропетровской области.
Поликов Петр Егорович — г. Электрогорск, Московской области.
Полторацкий Григорий Никитич — г. Киев.
Пригорницкий Василий Евкифиевич — с. Елизаветовка, Черкасской области.
Прищепа Денис Федорович — с. Туриловка, Мальчевского района, Ростовской области.
Ребров Федор Антонович — с. Золотое, Саратовской области.
Резцов Евлампий Федорович — с. Новоселки, Брянского района, Брянской области.
Рыбас Трофим Захарович — г. Белореченск, Краснодарского края.
Рыжий Николай Пантелеймонович — п. Буды, Харьковского района, Харьковской области.
Савилов Ерофим Куприянович — г. Фрунзе.
Седуенко Иосиф Авксентьевич — г. Анапа, Краснодарского края.
Сиротин Алексей Спиридонович — г. Октябрьск, Куйбышевской области.
Смирных Федор Васильевич — г. Уфа.
Старцев Иван Иванович — г. Харьков.
Тесленко Харитон Иванович — с. Чутовка, Оржицкого района, Полтавской области.
Ткаченко Семен Семенович — г. Днепропетровск.

Токарев Сергей Петрович — г. Караганда.
Тороп Иван Владимирович — п. Любовка, Ровеньковского района, Луганской области.
Уваров Дмитрий Егорович — совхоз «Айгурский», Апанасенковского района, Ставропольского края.
Фесенко Павел Прокофьевич — г. Харьков.
Фишков Зиновий Игнатьевич — г. Одесса.
Фролов Иван Иванович — г. Ташкент.
Хащенко Герасим Прокофьевич — с. Будище, Коробского района, Черниговской области.
Царев Алексей Федорович — г. Тирасполь.
Цымбал Захарий Афанасьевич — с. Чернухи, Полтавской области.
Челядинов Семен Иванович — г. Ставрополь.
Черный Трофим Васильевич — с. Н-Григорьевка, Васильковского района, Днепропетровской области.
Чечин Василий Егорович — ст. Белая Глина, Краснодарского края.
Шевченко Ефим Степанович — г. Харьков.
Шестидесятый Илларион Павлович — с. Антонины, Хмельницкой области.
Яковец Василий Логинович — ст. Малая Суповка, Березанского района, Кировской области.

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ОТ 23 МАРТА 1956 г.

Гусельников Иван Николаевич — г. Горький.
Ракитин Григорий Константинович — ст. Кизил-Тепе, Бухарской области.
Чубук Иван Тихонович — г. Ленинград.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Герои «Варяга»

Встреча в Славуте	5
Перелистывая газеты давних лет	14
Демьяныч в Москве	20
Нежданные письма	27
Машинист с «Варяга»	31
Поездка в Данки	37
Судьба командира	41
Судьба крейсера	46
В дни юбилея	53

Часть вторая. Герои «Потемкина»

Поездка в Одессу	63
Григорий Вакуленчук — вожак команды	70
Ленинское слово	84
Матрос из Обшаровки	93
Потемкинцы-москвичи	106
Скитания на чужбине	113
Письма и встречи	119
У земляков Афанасия Матюшенко	128
В дни юбилея	139
Поиски героев продолжаются	146

Приложения

Список моряков крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», награжденных медалью «За отвагу»	155
Список моряков броненосца «Потемкин», награжденных ордена и	157

ПОНОМАРЕВ ИВАН ИЛЬИЧ

СУДЬБЫ ГЕРОЕВ

Редактор А. П. Федотовский
Художник Б. Н. Осенчаков
Художеств. редактор Л. И. Морозов
Техн. редактор В. А. Сычева
Корректор А. И. Журавлева

Сдано в набор 5/VIII-61 г. Подписано к печ. 30/IX-61 г.
Формат бум. 60х92 1/16. Печ. л. 10, Изд. л. 9,9
III-04209, Зак. 3497, Тираж 50.000 экз. Цена 45 коп.
Мурманское книжное издательство,
г. Мурманск, Дом печати.

Типография «Полярная правда»,
г. Мурманск, ул. Карла Маркса, 18.

ЦЕНА 46 КОП.

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1961